

история / география / этнография



Алексей Казаков

Церковь и разведка

О чем рассказали
рассекреченные документы



Церковь и разведка

Алексей Казаков



Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО



Алексей Казаков

Церковь и разведка

О чем рассказали
рассекреченные документы



Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2019

УДК 533.401
ББК 63.3(0)6
К14



Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибилевой



ISBN 978-5-91678-548-7

© Алексей Казаков, 2019

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2019



Знание наперед нельзя получить от богов и демонов, нельзя получить и путем заключения по сходству, нельзя получить и путем всяких вычислений. Знание положения противника можно получить только от людей.

*Сунь Цзы, китайский стратег
и мыслитель VI века до н. э.,
автор трактата «Искусство войны»*

Предисловие

В 2016–2017 годах случилось уникальное в истории спецслужб событие: Центральное разведывательное управление США рассекретило и опубликовало без малого 13 миллионов страниц различных документов: рапортов, оперативных сводок, аналитических докладов и др. В основном это материалы, касающиеся деятельности американских и других спецслужб с 1940 по 1990 год. Это — настоящий клад доселе неизвестной информации. Как сказал в одном интервью представитель ЦРУ Хезер Фриц Хорниак, «рассекреченные файлы — это полная история, в них есть и плохое, и хорошее».

Этот сборник документальных очерков составлен на основании рассекреченных документов, касающихся важной, слож-

ной и деликатной сферы — сотрудничества разведки и церкви. Такое сотрудничество происходило в разных конфигурациях, всегда тайно и не всегда в открытую в отношении агентуры (порой церковнослужителей использовали, что называется, втемную).

Кроме собственно документов ЦРУ, автор использовал аналитические сводки и донесения ФБР, Корпуса военной контрразведки армии США, Королевской тайной полиции Канады. Копии этих документов тоже находятся в архиве ЦРУ, отныне — без грифа секретности. Опубликованы, помимо прочего, донесения советской разведки, дешифровка которых прошла в рамках проекта «Венона» — секретной программы контрразведки США по изучению перехваченной переписки наших резидентов с руководством в Москве. «Венона» проводилась с 1 февраля 1943 года до 1 октября 1980 года.

При работе над книгой автору пригодились также электронные версии так называемых Тетрадей Васильева (размещены в Цифровом архиве Центра Вильсона), кроме того — обнародованные материалы Особого архива Литвы и рассекреченные досье Секуритате (Департамента государственной безопасности Румынии).

Приходится признать, что российские спецслужбы крайне неохотно в последнее время открывают свои архивные закрыта. И потому неизвестные страницы истории, касающиеся и нашей страны, приходится порой изучать по документам иностранных хранилищ. Но, согласитесь, это лучше, чем никак.

Кто был «пастором Шлагом»?

Новый год в следственном изоляторе

В знаменитом романе Юлиана Семёнова и не менее знаменитом фильме Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны» один из ключевых героев — пастор Шлаг. Напомним: по сюжету советский разведчик Штирлиц, освободив священника из гестапо, направляет его в Швейцарию, где уже идут тайные переговоры Гимmlера с англичанами и американцами о заключении сепаратного мира в обход СССР. Пастор якобы нужен для отвода глаз от этих переговоров (версия для Гимmlера и Шелленберга), но на самом деле он добывает важную информацию для советской разведки в лице Штирлица. Об истинной цели своей поездки пастор не знает.

Был ли реальный прототип у этого священника?

...Рождество и Новый год монах-бенедиктинец дон Джузеппе Бьонди встречал в римском следственном изоляторе Корпуса военной контрразведки Армии США. Бьонди арестовали в Сиене, при попытке выехать из уже освобожденной от фашистов части Италии на территорию, еще подконтрольную немцам и оставшимся верным им итальянским частям. Монаха заподозрили в шпионаже.

В первые дни 1945 года Бьонди начал давать показания. Он признался, что прибыл в Рим по заданию Отто Бегуса из службы безопасности рейхсфюрера СС (*нем. SD, рус. СД*). Политический советник немецкого командования в Италии,

штурмбаннфюрер Отто Бегус уполномочил Бьонди вступить в контакт ни много ни мало с папой римским. Пусть не напрямую, а через посредника. С собой Бьонди вез сверхсекретное послание, которое никем конкретно не было подписано, но которое Бьонди должен был передать понтифику от имени немцев через главу ордена бенедиктинцев, отца Эммануэле Каронти. В послании говорилось:

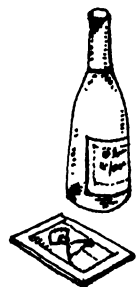
Дойдя до шестого года войны, Германия вынуждена признать, что ей не удалось собрать мировые силы для борьбы с русским большевизмом; напротив, большая часть мира оказалась в союзе с самим большевизмом против Германии. Принимая во внимание то, что войну можно считать проигранной и что ее продолжение может привести лишь к бесполезному кровопролитию и потерям материальных средств, Германия настроена начать переговоры о прекращении военных действий. Однако поскольку Германия еще сильна и могут последовать значительные жертвы в стане союзников, союзники на любых мирных переговорах должны считаться с намерением немцев сохранить достойную жизнь нации и иметь суверенное выборное правительство. У Германии нет территориальных претензий к другим странам, но есть желание, чтобы уважалась ее территориальная целостность. Германия заблуждалась по поводу отношения Церкви к антибольшевистской войне, которой она, Церковь, скорее препятствовала, чем помогала. И все же Германия считает, что высшие духовные авторитеты заинтересованы в любой возможности положить конец конфликту; таковы же намерения союзников. Со своей стороны Германия гарантировала бы абсолютную секретность всего, что явилось бы результатом данного демарша.

Бьонди был одним из первых, кто приехал искать мир. Ясно было, что он послан кем-то из высших нацистских бонз. Кем именно? Допросы продолжались. К ним подключилось Управление стратегических служб США (предтеча ЦРУ).

Бьонди передал УСС сделанные от руки свои записи — конкретные вопросы, на которые ему следовало получить ответы во время встреч с представителями Ватикана. При-

водим пункты, которые цитируются в меморандуме на имя директора УСС Уильяма Донована от 15 марта 1945 года:

- a) Каковы возможности окончательного мира между Италией и Объединенными нациями? (Во время войны термином «Объединенные нации» называли союзников по антигитлеровской коалиции; собственно ООН будет создана в июне 1945 года. — А. К.)
- b) Как сложится судьба Альто-Адиджи (автономная область на севере Италии. — А. К.), Истрии (полуостров в Адриатическом море. — А. К.), Далмации (историческая область на северо-западе Балканского полуострова, на побережье Адриатического моря. — А. К.) и Албании?
- c) Насколько силен сицилийский сепаратизм и какую роль он будет играть в мирных переговорах?
- d) Какая форма правления может быть установлена в Италии в условиях мира?
- e) Какое вооружение может быть допущено в Италии по договору?
- f) Каково могло бы быть экономическое положение в условиях мира?
- g) Какие свободные порты потребует Россия?
- h) Какие социальные классы сочувствуют союзникам, какие — русским?
- i) Каковы отношения между различными партиями?
- j) Существует ли Католическая коммунистическая партия?
- k) Каково отношение Церкви к партиям?
- l) Католики за монархию?
- m) Какой социальный класс поддерживает монархию?
- n) Что думают в обществе о Викторе Эммануиле III; принце Умберто; маршале Мессе? (Виктор Эммануил III — бывший король Италии; принц Умберто — сын Эммануила III, в 1946 году он стал последним королем Италии, пробыл на троне всего 35 дней; маршал Джованни Мессе — начальник штаба итальянской армии. — А. К.)
- o) Существуют ли фашистские группы? Какова политическая активность фашизма и существует ли еще идея фашизма внутри различных партий?



- р) Каковы возможности соглашения между Ватиканом и Объединенными нациями (*то есть союзниками*. — А. К.) против России?
- q) Мирные переговоры, проводимые в Ватикане, касаются общего мира или только окончательного мира между Италией и Объединенными нациями?
- г) Каковы возможности европейской коалиции против России?
- с) Считает ли Ватикан, что Германия должна капитулировать?
- т) Считает ли Ватикан Англию великой державой?
- u) Каковы отношения между Понтификатом и послом Германии?
- v) Следит ли Понтификат за борьбой посла Германии против коммунизма?
- w) Кто является британскими и союзными шпионами в Ватикане?

На вопрос — была ли его поездка инициирована СД или правительством Германии — Бьонди отвечал (и УСС, и военной контрразведке), что этого он не знает. Во время допросов монах рассказывал только о майоре Отто Бегусе и о том, что тот поручил Бьонди добиться от главы Ватикана однозначного «да» или «нет» по поводу сепаратных переговоров. В первом случае немцы собирались начать переговоры через обычные дипломатические каналы. По показаниям Бьонди, Бегус велел ему в том случае, если у него не получится вернуться через линию фронта, отправиться в Швейцарию, где ему поможет генеральный консул Германии в Лугано Александр фон Нейрат.

В конце концов американцы поняли, что монаха использовали «втемную» круги, близкие к Гиммлеру. Бьонди был одним из тех, кто готовил почву для переговоров, которые могут вот-вот перейти на очень высокий уровень. Но пока все разговоры велись на уровне дипломатов и священников.

В конце концов военная контрразведка передала Бьонди УСС. Там поняли, что имеют дело с человеком лояльным и предложили Бьонди сотрудничество. И вскоре монах-бenedиктинец отбыл в Сицилию для тайных переговоров с местными сепаратистами. Впрочем, это уже другая тема.

Был ли Джузеппе Бьонди прототипом образа пастора Шлага? Пожалуй, нет. Да, Бьонди прибыл для подготовки будущих контактов представителей Гиммлера с англо-американской группой высокопоставленных разведчиков. Но советская разведка тут ни при чем, если верить документам. А кто же тогда работал на «Штирлица»?

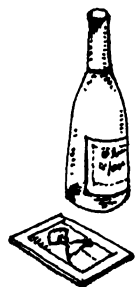
Сопrotивление без покорности

Одним из активных участников антифашистского Сопrotивления в Германии был лютеранский богослов, философ, доктор теологии, пастор Дитрих Бонхёффер. История его жизни напоминает мужественное сопротивление пастора Шлага идеологии и практике гитлеровского рейха.

С 1931 года Бонхёффер — доцент, преподаватель Берлинского университета и одновременно священник университетской церкви и городской викарий (помощник епархиального епископа). Этот мирный, погруженный в богословскую науку и служение человек после прихода к власти нацистов в 1933 году разворачивает религиозное сопротивление: читает антигитлеровские проповеди и доклады, проводит беседы и семинары, создает христианские группы антифашистской направленности, выступает против идеологии и практики антисемитизма.

В 1935 году Бонхёффер возглавил тайную религиозную семинарию в Финкенвальде (Померания). В 1936 году его увольняют из университета, лишают ученых степеней, запрещают преподавать и выступать в печати. Начинается настоящая травля. Бонхёффер выезжает в Швейцарию и Швецию, где убеждает политиков и священников сопротивляться нацизму. В 1939 году с той же повесткой он уезжает в США, где его уговаривают остаться, но он возвращается в Германию, чтобы продолжить борьбу.

В 1942 году в Германии сплотилась группа волевых и сильных людей, готовивших покушение на Гитлера. В нее входил и Бонхёффер. Заговор был раскрыт, и в апреле



1943 года всех участников группы, в том числе Бонхёффера, арестовали.

В тюрьме пастор работал над записками, составившими его опубликованную посмертно в 1951 году книгу «Соппротивление и покорность». Его переводили из лагеря в лагерь. Везде он вел себя мужественно и с достоинством, писал стихи и проводил богослужения. Последнюю службу провел 8 апреля 1945 года в концлагере Флоссенбург (Бавария). На следующий день его повесили.

Пастор Бонхёффер достойно жил и умер. Однако с советской разведкой он никак не был связан.

Оперативный псевдоним — Электрик

В своей книге «Разведка. Нелегалы наоборот» российский тележурналист Сергей Брилёв и британский историк Бернارد О'Коннор предположили, что прообразом пастора Шлага из «Семнадцати мгновений весны» послужил голландский священник и советский разведчик Вильям Круйт. Авторы книги изучили досье на Круйта из рассекреченных архивов НКВД (ФСБ), Британской службы по подготовке саботажей и диверсий (SOE) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).

...Ночью 24 июня 1942 года самолет «Галифакс» британских королевских ВВС летит над территорией оккупированной нацистами Бельгии. Удалось избежать зенитного обстрела, приближается точка высадки парашютиста, уже приготовившегося к прыжку. Еще минута — и вот уже 63-летний бельгийский пастор Вильгельм Круйт, умело управляя парашютными стропами, неслышно летит в ночном небе. Наконец, он приземляется на поле рядом с деревней Юи под Льежем; теперь надо быстро закопать парашют в лесопосадке и двигаться дальше. Так началась совместная операция советской и английской разведок «Ледоруб» по заброске в Бельгию немолодого, но отважного священника, который

должен был доставить деньги для ячейки антинацистского движения «Красная капелла».

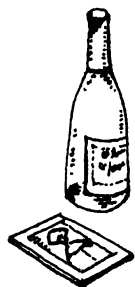
Круйта многое связывало с Россией. В молодости он проникс пацифизмом Льва Толстого. Некоторое время дружил с Максимом Литвиновым, который в начале XX века представлял интересы большевиков в Европе, а после Октябрьской революции стал народным комиссаром иностранных дел СССР. Круйт был знаком с Лениным и лидером левого крыла индийского национально-освободительного движения Джавахарлалом Неру. В 1921 году пастор по приглашению Ленина, как истинный толстовец, посетил Ясную Поляну.

Из досье НКВД: «1930—1935 — работал в Торгпредстве СССР в Берлине; 1935 — арест гестапо, и после непродолжительного заточения временно освобожден; октябрь 1935 — приехал в С [оветский] С [оюз] с согласия партии через Торгпредство».

О его участии в подпольной работе свидетельствует справка, сохранившаяся в РГАСПИ: «Во время нелегального периода КП Германии доставлял для нелегальной прессы заграничный материал, который сам переводил». Но, как теперь выясняется, пастор занимался и более рискованными делами, чем доставка материала для немецких коммунистов. Он работал на советскую разведку. В НКВД ему был присвоен псевдоним Электрик.

Когда рассвело, пастор вышел на трассу и дождался рейсового автобуса. Через несколько часов он был уже в Брюсселе. В городе нашел район Гансхорен, где в доме № 56 по авеню Шарля Пятого жила пожилая вдова, некая Мари Пьер. В инструкциях НКВД она была зашифрована под псевдонимом Мать; ее фотографию показали Круйту накануне заброски. Пастор знал, что ее сын Гастон был членом местной компартии, воевал в Испании и в 1939 году погиб во время военных действий в Бельгии. В Москве считали, что Мать — абсолютно надежный человек.

Но явка оказалась проваленной. Получившие донос гестаповцы пришли за Круйтом 30 июня 1942 года в 4.30 утра.



В бельгийском архиве сохранился документ, в котором приводятся важные подробности: «Ключ от комнаты находился в двери, с внешней стороны. Замок и петли были предварительно самым тщательным образом смазаны доносчиком для того, чтобы позволить немцам проникнуть в комнату бесшумно. Парашютист был арестован в своей постели». Круйт описан как «мужчина высокого роста (1 м 85 см или 1 м 90 см), примерно шестидесяти лет, крепкий, без бороды и лысый».

Немцы обыскали пастора с ног до головы, даже проверили его зубы — нет ли там ампулы с ядом. Безрезультатно. Но яд у Круйта все же был, и, попросившись в туалет, он раскусил крошечную ампулу. Автомобиль с потерявшим сознание пастором понесся в больницу.

Позже выяснится: Мари Пьер, потерявшая мужа и сына, влюбилась в некоего официанта из Антверпена, который был на десять лет младше ее. Желая подзаработать, официант, который был в курсе всех встреч своей любовницы, настроил донос на пастора и получил за это от оккупантов какую-то сумму.

В больнице Круйта откачали. Как только он пришел в себя, начались жесткие допросы в крепости Бренндок, где содержали членов «Красной капеллы». Круйт никого не выдал и ничего не рассказал о своем задании. В июле 1943 года в берлинской тюрьме Моабит немцы его обезглавили.

Вильям Круйт внес свой вклад в победу над нацистами. Но и в нем вряд ли можно усмотреть прообраз пастора Шлага.

В поисках сепаратного мира

Осеннее римское солнце, даже закатное, было щедрым на тепло. Трое мужчин немного запыхались, преодолев 321 ступеньку. Пешком тяжело, ведь не мальчики уже... Но здесь, в самой высокой точке Ватикана и итальянской столицы, где никого больше сейчас нет, можно пообщаться

спокойно. И безопасно. К тому же прекрасен вид Рима с площади под куполом собора Святого Петра.

Теплый осенний ветерок шевелил полы пиджака Альбрехта фон Кесселя, первого секретаря посольства Германии в Ватикане. Чуть колыхались под ветром и черные сутаны двух священников: русского эмигранта иезуита Сергея Николаевича Оболенского и его товарища, имени которого мы до сих пор не знаем. В сводках американской разведки этого третьего называли «источник W. O. Black». Вероятно, этот информатор УСС был ватиканским священником довольно высокого уровня. Должен был прийти на встречу и четвертый участник разговора — секретарь посольства Германии в Ватикане Сигизмунд фон Браун, но он так и не появился. Скорее всего, слишком поздно прочитал записку о переносе места встречи в переданном ему через секретаря запечатанном конверте. А может, и вовсе не успел этого сделать.

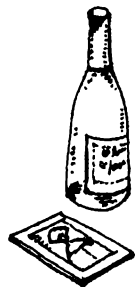
— Раз так получилось, начнем без нашего коллеги, — предложил фон Кессель. Он прищурился на закатные блики солнца, отразившиеся на крышах города. — Вчера я тайно встречался с представителем вооруженных сил США.

Фон Кессель осторожно посмотрел по сторонам, его мощная фигура и волевое лицо говорили о сильном характере этого человека.

— Расскажу вкратце. Это был офицер с полномочиями вести переговоры на нашем уровне. Я сказал ему, что целью недавнего покушения на Гитлера, да, неудачного, но состоявшегося — так вот, целью его был в первую очередь мир. Прекращение войны. Только после окончания военных действий можно обсуждать создание постнацистского правительства в Германии... Да, очень жаль, что наши товарищи по борьбе не все просчитали во время подготовки покушения... Ну что ж... Будем продолжать искать подходы к американцам и англичанам. Тем более что сейчас они в Риме.

Он помолчал и закончил:

— Этой информацией делюсь только с вами и через вас — с вашим руководством в Ватикане, важным участником пе-



реговорного процесса. Извините, что напоминаю об этом в очередной раз.

В разговор вступил князь Оболенский, его аристократическое лицо и нос с горбинкой гармонично сочетались с сутаной священника:

— Завтра я встречаюсь с фон Брауном, который почему-то не пришел сегодня. Скорее всего, я увижусь с ним раньше, чем вы, господин Кессель. Могу ли я передать ему то, что вы нам сейчас рассказали?

— Да, конечно, можете, — согласился фон Кессель. — Смело говорите. Он наш единомышленник, проверенный человек. К тому же у нас, немцев-пруссаков, особая этика взаимоотношений. Вы, наверное, знаете, что у нас в посольстве собрались в основном дворяне из Пруссии, так сложилось. У многих из нас... как бы это сказать... особое отношение к Гитлеру с самого начала его правления.

— Позвольте задать вам вопрос, который я задал недавно фон Брауну: почему бы вам не бросить все и не перейти к американцам или англичанам?

— В качестве частного лица, — уточнил вопрос Оболенского W. O. Black.

Они молча прошли по высотной площадке несколько шагов. Кессель покачал головой как бы в такт своим мыслям. Резко повернулся к Оболенскому:

— Ну и что ответил вам Сигизмунд?

— Примерно так: «Нам ведь предлагают безоговорочную капитуляцию. И поэтому я не могу оставить свою родину в таком положении».

— Ну вот видите, — слегка развел руками Кессель. — Мне к этому добавить нечего. Разве лишь то, что никто не хочет с высоты своей должности обрушиваться, по сути, на уровень пленника. Пусть даже привилегированного... Да, вот еще что. Вы обещали свести меня и фон Брауна с важной персоной из Международного католического агентства, когда она придет из Вашингтона. Этот контакт нам будет полезен.

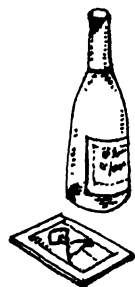
— Этот человек скоро прибудет в Рим, — заверил W. O. Black. — У нас сложились с ним хорошие деловые отношения.

Разговор под куполом собора, который реконструирован на основе рассекреченных документов из архива ЦРУ, состоялся осенью 1944 года. Рим и большая часть юга Италии уже были освобождены от фашистов. Но север страны еще оставался в их руках, там была провозглашена так называемая Итальянская социальная республика — пресловутое марионеточное образование, которое еще называли Республикой Сало (по названию небольшого городка — неформальной ее столицы), во главе с освобожденным из плена Бенито Муссолини.

Итальянское — новое, законное, римское — правительство объявило, что страна переходит на сторону Антигитлеровской коалиции, но при этом сохраняются дипломатические отношения с Германией — и со стороны Италии, и со стороны Ватикана.

Немцы искали подходы к союзникам в надежде на заключение сепаратного мирного договора в обход СССР. Переговоры на уровне Вольф — Даллес начнутся весной 1945 года, а пока шла подготовка, в которой участвовали и немецкие дипломаты. Глава дипломатической миссии Германии в Ватикане Эрнст Вайцзеккер в своих мемуарах «Посол Третьего рейха» писал:

...Нам же, членам германского посольства в Ватикане, также удалось вступить в контакт с союзниками. Когда в Риме оказался архиепископ Спеллман из Нью-Йорка, я отправил ему короткий меморандум для президента Рузвельта, составленный нами в посольстве. В нем рекомендовалось принять новую демократичную федеральную конституцию для рейха; предполагалось, что для ее реализации только английские и американские войска оккупируют Германию. В политическом смысле, как я отмечал, являлось нежелательным, чтобы союзные войска, начав наступление, вместе вошли в Берлин. Меморандум передал архиепископу, позже ставшему кардиналом, германский священник. Мне неизвестно, как поступили с этим меморандумом... Наши связи с Германией практически свелись на нет, и мы почти полностью должны были полагаться на собственные ресурсы. Среди прочих вещей я занимался тем, что составлял для союзников наброски по организации будущего мира.



27 ноября 1944 года Уильям Донован получил от своего подчиненного Джона Хьюза служебную записку, к которой прилагался рапорт агента от 2 ноября того же года. В документе говорится:

Этот материал предоставлен немецким священником... Он постоянно общается с людьми, у которых связи в Германии и от которых ожидается постоянный поток материалов. Это друг семьи Штауффенберга, офицера, который совершил покушение на жизнь Гитлера. Члены этой семьи были высоко оценены в церковных кругах...

Источник сообщает: важный немецкий архиепископ, а также большинство епископов, за исключением только тех, кто находится в Баварии, боятся коммунизма больше всего на свете. Он говорит, что, по их мнению, если не будет твердой надежды на демократическое восстановление Германии, то опролетарившаяся буржуазия поспособствует жестокостям коммунистических революций.

Наш источник, очевидно, выражает умонастроения епископов, когда говорит, что они охотно примут союзнические американско-английские власти и готовы к этому...

КОММЕНТАРИЙ: Кажется, нет сомнений в том, что епископы намерены стать полезными для союзников, когда они оккупируют Германию, и будут фактором, препятствующим развитию враждебных настроений.

W. O. Black подготовил обстоятельный отчет о встрече под куполом собора Святого Петра. Его стараниями этим же вечером ее подробности стали известны в римском отделении УСС, а через несколько часов — и в головном офисе американской разведки в Вашингтоне.

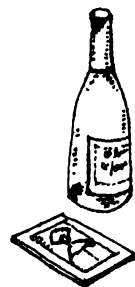
Но не менее обстоятельный отчет об этой встрече лег через несколько часов на стол руководителя внешней разведки СССР генерал-лейтенанта Павла Фитина.

Как в Москве узнали подробности этого разговора? От кого? Уж не от князя ли Оболенского? Не он ли был «пастором Шлагом»? Не он ли собирал для советской разведки информацию об операции Sunrise/Crossword?

После освобождения Рима вилла бывшего посольства Сиам (Таиланда) была превращена в базу вышедших из подполья партизан. Она вошла в историю как «Вилла Тай» (подробнее об этом см. в главе «Шампанское для советских подпольщиков». — А. К.). Здесь обосновался Comitato di protezione degli ex-prigionieri dell'esercito dell'URSS (Комитет защиты бывших военнопленных армии СССР), созданный по решению Восточной конгрегации Ватикана. Председательствовал в нем князь Сергей Николаевич Оболенский («падре Серджио»).



Сергей Оболенский был представителем знаменитого княжеского рода, а кроме того приходился внучатым племянником Л. Н. Толстому. Детство он провел в Ясной Поляне. В 1925 году вместе с семьей он эмигрировал во Францию. Как и его отец, принял католичество и решил связать свою судьбу с церковью. Был послушником в бенедиктинском монастыре, после чего изучал философию в Папском институте св. Ансельма в Риме. В 1935 году поступил в «Руссикум» — католическое учебное заведение в Риме, готовившее священников византийского обряда, в основном для дальнейшей службы на западе Советского Союза. После окончания «Руссикума» был рукоположен в 1940 году в священники византийского обряда и стал видным деятелем Русского католического апостолата — миссии Римско-католической церкви, обращенной на СССР (а сегодня на Россию) и Русское зарубежье.



Советский дипломат и резидент внешней разведки Николай Горшков вспоминал в своих мемуарах, как князь Оболенский встретил его на «Вилле Тай» — «в сутане и круглой шляпе ордена доминиканцев». Правда, тут следует уточнить, что Оболенский был иезуитом, а вовсе не доминиканцем, и на нем был его обычный головной убор.

Горшков прибыл в Рим в середине июня в составе советской делегации, куда входили военные, дипломаты, сотрудники НКВД. Комитет, в котором председательствовал Оболенский, к этому времени был переименован в Комитет по возвращению советских людей в СССР. Оболенский принимал активное участие в его работе и под новой вывеской, часто спорил с членами делегации (часть из них обосновалась на

«Вилле Тай») и настаивал на том, чтобы желающим остаться на жительство в Италии было предоставлено такое право. Но, в конце концов, победила установка на полную репатриацию.

В интервью «Российской газете» 19 апреля 2008 года потомок русских эмигрантов, участник французского Сопrotивления Константин Мельник сказал об Оболенском: «Не-нависти к Советскому Союзу у него не было. Он и я считали, что Европу освободил от гитлеровцев Советский Союз. Для нас гимн СССР был гимном освободителей. Я после окончания лица даже вступил в организацию “Советские патриоты”. Сергей Оболенский считал коммунизм не идеологией, а новой гражданской религией». Позже, в другом интервью, данном уже радиостанции «Голос России», Мельник заметил: «“Руссикум” является основным разведцентром Ватикана, столь преуспевшим в сборе сведений, что, по определенным источникам, информацию у него закупает даже ЦРУ».

Эти слова, что важно, принадлежат профессиональному разведчику, ведь при президенте генерале де Голле Константин Мельник был в 1959–1962 годах координатором работы французских спецслужб.

По всей видимости, Сергей Оболенский работал не на советскую, а на американскую разведку. По крайней мере, он помогал в организации встреч агента (того самого «W.O. Black») с немецкими дипломатами и содействовал подготовке сепаратных переговоров, которые начнутся весной 1945 года. Разумеется, он не был прототипом пастора Шлага. Но он не был и врагом своей исторической Родины.

Пастор Шлаг — вероятнее всего, персонаж собирательный.

...Но возникает новый вопрос: кто же в таком случае передал в Москву информацию о встрече фон Кесселя с представителем вооруженных сил США?

Семнадцать мгновений Зайца

Ответ дает еще один документ из архива ЦРУ, раскрывающий некоторые детали работы нашей разведки. Да, так тоже

бывает: пока в России документы по этому поводу напрочь засекречены, американцы взяли и опубликовали в переводе на английский язык дешифрованную в рамках проекта «Венона» переписку нью-йоркской резидентуры советской разведки с Москвой. В донесении резидента нашей разведки в США, помимо прочего, говорится:



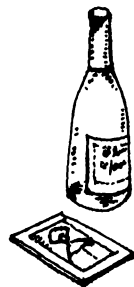
Из Нью-Йорка
В Москву
№ 1213

25 августа 1944

ВИКТОРУ

ЗАЯЦ докладывает:

...Согласно информации представителя СТРАНЫ в Ватикане, первый секретарь посольства Германии в Ватикане КЕССЕЛЬ с разрешения посла беседовал с офицером-союзником. Он сказал, что целью недавнего государственного переворота (неудавшегося. — А. К.) было создание правительства, которое попыталось бы добиться мира с союзниками, включая СССР, и которое состояло бы на 50 процентов из консерваторов и на 50 процентов из социал-демократов. Первоначально государственный переворот планировался после СТАЛИНГРАДА, но было принято решение союзников о безоговорочной капитуляции. КЕССЕЛЬ сказал, что предложения по расчленению Германии снижают накал антигитлеровской работы его группы, которая предпочла бы, чтобы Германия была полностью оккупирована даже советскими отрядами, нежели расчленена.



В конце документа — расшифровка псевдонимов и кодовых наименований. СТРАНА — это США. ВИКТОР — генерал-лейтенант Павел Фитин. А ЗАЯЦ — советский агент Морис Гальперин, работавший в аппарате УСС США. Отчет агента «W. O. Black», отправленный в Вашингтон, прошел в аппарате УСС через руки Гальперина, и вскоре содержание этого документа стало известно советскому резиденту Степану Апресяну, который немедленно передал ценные сведения в Москву.

Морис Гальперин работал на нашу разведку с самого начала войны; детали его вербовки до сих пор не разглашаются. Но точно известно, что он был членом разведсети «Голос», которую возглавлял наш разведчик Гайк Овакимян. Гальперин предоставил СССР много сверхсекретной информации, в том числе о подготовке операции Sunrise/Crossword. В какой-то мере он был, образно говоря, частью «коллективного Штирлица», поставлявшего в СССР информацию о подготовке сепаратных переговоров.

Рассказ о Гальперине-Зайце достоин отдельной главы, тем более что одним из направлений его работы в УСС было изучение ситуации с католицизмом в Латинской Америке.

Заяц и монсеньор

В сказочной стилистике

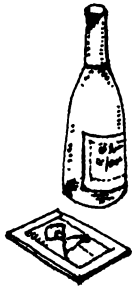
Вот фрагмент донесения советской разведки от 10 октября 1944 года, позже расшифрованный американцами по программе «Венона»:

По мнению ЗАЙЦА, ДИКТОР завершил проект по организации филиала ИЗБЫ для получения стратегической информации в Европе в послевоенный период. Отправка людей из ИЗБЫ в СИДОН для этой цели ожидается в ближайшее время. ЗАЙЦ планирует временно отправиться в СИДОН в январе.

В настоящее время ИЗБА отказалась организовать информационный центр в ПРОВИНЦИЯХ, поэтому поездка туда ЗАЙЦА отменяется.

Из этого сообщения (с почти лубочно-сказочной лексикой) в Москве узнали о том, что Уильям Донован завершил проект по организации филиала УСС в Европе, в связи с чем в ближайшее время ожидается отправка сотрудников УСС в Лондон; туда же в январе планирует временно отправиться советский агент Заяц. Кроме того, УСС отказалось от идеи организовать информационный центр в Латинской Америке, поэтому поездка туда Заяца отменяется.

Морис Гальперин был незаурядным человеком: писателем, профессором, дипломатом. Специалист по Южной Америке, в конце лета 1941 года он получил предложение работать в УСС и возглавил там латиноамериканский отдел.



Об уровне допуска Гальперина к высшим государственным тайнам говорит, например, рассекреченное письмо в его адрес от председателя Межамериканского совета обороны генерал-лейтенанта С. Эмблика. В 1942 году Вашингтон, опасаясь возможного роста пронацистских настроений в странах Латинской Америки, инициировал создание такой организации, в которую вошли страны Американского континента под председательством США. Генерал Эмблик благодарит Гальперина за его выступление на сессии МСО, которое будет «чрезвычайно полезным для рассмотрения многих проблем, тесно связанных с военной защитой полушария».

Или вот, например, письмо заместителя помощника секретаря по экономическим вопросам Госдепартамента США Эдварда С. Мейсона на имя директора УСС Уильяма Донована. В нем говорится о том, что Морис Гальперин консультировал важных чинов Госдепартамента по вопросам рабочего движения в странах Латинской Америки и о методах противодействия идеям коммунизма, социализма и фашизма. Эдвард С. Мейсон просит Донована содействовать продолжению и углублению сотрудничества Гальперина с сотрудниками Госдепартамента США.

Синаркисты

Страны Латинской Америки с их запасами сырья, продовольствия, огромными территориями были постоянно в фокусе внимания руководителей германского рейха. Захват латиноамериканских богатств Гитлер считал лишь делом времени. Еще в 1933 году в беседе с немецким политиком и писателем Германом Раушнингем он сказал:

Мы найдем там все. Ни Англия, ни США не смогут использовать тех средств, которые Германия пустит в ход в своей борьбе за большую долю латиноамериканского рынка... Если есть место, где демократия бессмысленна и губительна, — то это Южная

Америка... Мы должны укрепить эти народы... так, чтобы они были в состоянии опрокинуть и либерализм, и демократию... Подождем несколько лет, а в это время будем делать все возможное для помощи им... Нужно послать к ним людей. Наша молодежь должна учиться колонизации... Наше оружие невидимо. Задача наших конквистадоров еще труднее, чем задача первых конквистадоров.



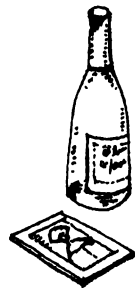
Сразу же после захвата Гитлером власти в Германии был учрежден специальный департамент для «организации и колонизации Америки». В своей подрывной деятельности в Латинской Америке нацисты опирались на многочисленные немецкие, итальянские, испанские, португальские и японские диаспоры, чаще всего селившиеся компактно. То есть ставка делалась на выходцев из тех стран, где пришел к власти фашизм. Видимо, считалось, что они априори относятся к нацистам лояльно.

В странах Латинской Америки начали возникать сети профашистских организаций: «Фалангисты», «Национальное действие», «Нацисты», «Интеграллисты», «Легионеры». В Мексике до июня 1942 года такой организацией был «Национальный союз», который иначе назывался Синаркистским движением.

Синаркисты были тесно связаны с местным немецким населением, которое находилось под сильным пропагандистским влиянием гитлеровских агентов и испанских фалангистов. Они представляли опасность не только в Южной, но и в Северной Америке. Даже после того, как Мексика 1 июня 1942 года объявила войну Германии, Италии и Японии, синаркисты не подумали сдаваться. Более того — они перенесли акцент своей деятельности на территорию США.

Советская газета «Известия» публикует такое сообщение о событиях первого летнего дня 1942 года:

НЬЮ-ЙОРК, 1 июня (ТАСС). Последние сообщения печати свидетельствуют о том, что мексиканская фашистская организация в США «Унион насьональ синаркиста» (Национальный



союз синаркистов) усилила свою подрывную деятельность в Соединенных Штатах. Газета «П. М.» (РМ — ежедневная нью-йоркская газета, выходившая в 1940–1948 годах. — А. К.) опубликовала ряд статей, иллюстрированных многочисленными фотокопиями документов, показывающих связи мексиканских фашистов с германской агентурой. По словам газеты, в министерстве юстиции США зарегистрировано в качестве иностранных агентов около 50 синаркистских комитетов. Газета пишет, что одним из главных пропагандистов синаркизма в США является небезызвестный католический священник Кофлин (американский религиозный деятель канадского происхождения, популярный в 1930-х годах радиопроповедник. — А. К.). Во многих городах США синаркисты издают значительное количество фашистской литературы.

Американская печать напоминает, что среди основателей синаркистской организации в 1937 г. были германские агенты Шрайтер и Хейм. Шрайтер — в прошлом офицер германской армии. Один из руководителей синаркистов — Сальвадор Абаскаль находился в связи с бывшим германским послом в Мексике фон Колленберг-Бедигхеймом.

Известно, что синаркисты участвовали в подготовке покушения на президента Мексики Авила Камачо.

Беседа в посольстве Бельгии

В январе 1942 года Морис Гальперин подготовил для своего начальства в УСС обстоятельный меморандум о состоянии католицизма в Латинской Америке. Для этого он вошел в контакт и провел беседы с Франсом ван Каувелером, бельгийским политиком и адвокатом, который в годы войны и оккупации его страны был президентом Бельгийской палаты представителей и жил в изгнании в Нью-Йорке.

Секретный меморандум для ЦРУ, подготовленный Гальпериным, называется так: «Дискуссия с монсеньором Франсом ван Каувелером о католической проблеме в Латинской Америке». Впрочем, речь там идет не только о проблемах

католичества, но и о набравших силу в этой части планеты профашистских движениях.

Беседа Гальперина и ван Каувелера шла около двух часов на французском языке, в посольстве Бельгии в США. Стороны пришли к общему мнению: бороться с синаркистами надо изнутри, так как большинство из них — люди искренние, но невежественные и чаще всего не понимающие истинных, неафишируемых, мотивов поведения своих лидеров. Они не примут прямую атаку и лишь укрепят свои подозрения в отношении «протестантско-масонско-еврейской угрозы» из Соединенных Штатов. Прямое вторжение в Мексику крайне нежелательно, — делится своим мнением с американским начальством Морис Гальперин.

Далее Гальперин в своем отчете о беседе излагает предложенный Франсом ван Каувелером план по дестабилизации Синаркистского движения. Бельгийский священник уверен, что:

...два метода могут использоваться одновременно при работе в организации:

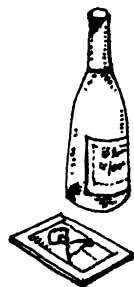
1) пропагандистское выступление продемократических католиков, мексиканцев и иностранцев на твердой католической основе; то есть критические атаки на гитлеризм и на все его проявления в рядах синаркистов...;

2) создание внутренних трений между лидерами, что может привести либо к распаду организации, либо к полной смене ее характера и целей. В любом случае главная цель будет достигнута.

Согласились собеседники и в том, что в интересах этой борьбы было бы заключение перемирия мексиканских католиков с их оппонентами — профсоюзами, либеральными партиями и антиклерикальными группами.

Далее беседа зашла о Латинской Америке в целом. Морис Гальперин докладывает о сути разговора:

Монсеньор ван Каувелер заявил, что проблема Синаркистского движения не ограничивается только Мексикой, но касается всего континента. В каждой стране, по его словам, есть като-



лические движения, чьи нынешние политические ориентации опасны для демократического дела. Например, он считал, что католическим элементам Перу будет особенно трудно. В других странах он не смог назвать влиятельных католиков, настроенных работать на демократическое дело. Монсеньор ван Каувелер считает необходимым создать «Единый католический фронт»... для всей Латинской Америки, и чтобы этот «фронт» действовал на основе чисто католической пропаганды. А именно необходимо:

- 1) противостоять социальной мистике профашистских групп;
- 2) указывать на утрату национальной независимости и преследование католиков в оккупированных странах Европы; а также:
- 3) подвергать критическим атакам нацистскую угрозу на основе уже существующей церковной доктрины, папской энциклики и официального католического осуждения нацистских расовых теорий.

У монсеньора ван Каувелера нет множества имен католиков, которые, по его мнению, могли бы помочь с этой задачей. Тем не менее он вспомнил несколько человек. Он упомянул мексиканского священника-иезуита отца Кардосо, профессора литературы католического факультета в Рио-де-Жанейро — Аманса де Лима и отца Досона, иезуита из Нового Орлеана. Он особо упомянул доминиканского священника де Руа, которому очень доверяет и которого считает специалистом по изучению тоталитарной доктрины и ее методов. Отец де Рой, бельгийский беженец, в настоящее время находится в Йоханнесбурге, Южная Африка.

Ван Каувелер заявил далее в беседе с Гальпериним, что, по его мнению, бельгийские священники будут эффективны в проведении продемократической деятельности в Латинской Америке, так как Бельгия — сильная католическая страна. В свою очередь, Морис Гальперин упомянул в разговоре имя французского католического философа Жака Маритэна. Ван Каувелер ответил на это, что тот будет эффективен в нескольких крупных центрах, таких как Рио-де-Жанейро, Буэнос-Айрес и Сантьяго-де-Чили; однако в более консервативных центрах к нему не станут прислушиваться из-за его антифранковской позиции во время гражданской войны

в Испании. Меморандум Мориса Гальперина заканчивается выводами:

Монсеньор ван Каувелер, похоже, реально понимает католическую проблему в Латинской Америке. Его собственная позиция выдающегося бельгийского католика, его долгое отождествление с демократическим делом, его недавний тур по Латинской Америке и его опыт работы с тоталитарным католическим движением в Европе, по-видимому, квалифицируют его как эксперта в этой проблеме... Я бы предложил, чтобы мы сотрудничали с монсеньором ван Каувелером в работе с синаркистами, по крайней мере, в части подготовки с его участием практического плана действий. В этой связи я бы также предложил оперативные действия и осторожное сотрудничество между монсеньором ван Каувелером и представителями радикальных мексиканских элементов в деле разработки программы внутреннего перемирия в Мексике. Считаю, что не католические мексиканские лидеры могли бы обсудить такую возможность.



Череда разочарований

Первые сигналы о том, что Морис Гальперин работает на СССР, появились в 1945 году. ФБР уведомило об этом Белый дом, но какое-то время его не трогали, скорее всего из-за недостатка доказательств шпионской деятельности. После того, как УСС было в 1945 году распущено и на его базе возникло ЦРУ, Гальперин перешел на работу в Государственный департамент, где работал советником Государственного секретаря США Дина Ачесона по делам Латинской Америки. Он также был советником ООН на первой конференции в Сан-Франциско. В 1946 году ушел с госслужбы и занял должность заведующего кафедрой латиноамериканских исследований в Бостонском университете.

В 1953 году, после того как контрразведка США расшифровала советские секретные телеграммы, Гальперин был вызван в подкомитет Сената по внутренней безопасности.



Там он отверг все обвинения и при первой возможности, не дожидаясь окончания сенатского расследования, бежал в Мексику, а оттуда в Советский Союз.

Некоторое время агент Заяц жил в СССР. Несколько лет ему хватило, чтобы разочароваться в советской версии коммунизма. В 1962 году он принял приглашение Че Гевары и переехал в Гавану, где работал в течение пяти лет в правительстве Фиделя Кастро. Но и кубинский вариант коммунизма его тоже не удовлетворил, и он убыл в канадский Ванкувер, где стал профессором политологии в Университете Саймона Фрейзера. Что характерно, американцы оставили его в покое, хотя в Канаде вполне могли достать. Им явно не хотелось ворошить ту давнюю историю.

Умер Морис Гальперин в 1995 году.

Шампанское для советских подпольщиков

Прогульщик из иезуитского колледжа

23 октября 1944 года на стол директора Управления стратегических служб США, бригадного генерала Уильяма Джозефа Донована лег подписанный его подчиненным Джоном Хьюзом обширный меморандум. Документ содержал в себе обзор внешнеполитической деятельности Ватикана в 1944 году. Помимо прочего, в нем говорилось, что еще в 1943 году «источник» (видимо, кто-то из священнослужителей Ватикана) познакомился в Риме с молодым священником, учащимся иезуитского колледжа «Руссикум» отцом Печанором. Сообщалось, что начальное образование Печанор получил в Прибалтике (тогда, напомним, советской).

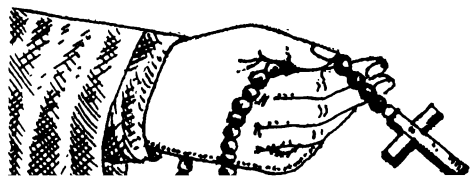
«Источник» и молодой слушатель колледжа подружились. Настолько, что однажды отец Печанор пожаловался другу, что некий его начальник-испанец предъявляет ему претензии из-за частых отлучек из учебного заведения. «Источник» уладил дело: достал отцу Печанору нужные справки, оправдывающие его отлучки.

А далее в меморандуме описан эпизод, который достоин того, чтобы перевести его с сухого языка спецслужб на язык литературный.



Серп и молот вместо слона

Вице-консул Италии в Ватикане не мог понять толком, что же означает это поручение: то ли начальство хочет дать ему



немного отдохнуть от рутины, то ли высказывает таким образом свое недовольство. Но как бы то ни было, дипломат прилежно выполнял задание: время от времени, хотя бы два раза в неделю, уделял час-другой заботе о цветниках и кустарниках во дворе опустевшего посольства Сиама (Таиланда). Так как Сиам во Второй мировой войне поддерживал Японию, сотрудники посольства после того, как на итальянском побережье высадились англо-американские войска, были эвакуированы на север Италии, в зону гитлеровской оккупации.

Иногда с леечкой в руке, не отрываясь от забот о розовых кустах, вице-консул сдержанно, кивком, отвечал на приветствия сторожа здания посольства некоего русского по имени Алессио. Никакого общения между ними не было — слишком разные социальные слои они представляли: сторож и дипломат.

4 июня 1944 года, когда в Рим уже вошли американские войска, вице-консул по обыкновению отправился к розовым кустам. Он открыл своим ключом (второй такой же был у Алессио) калитку и остановился в недоумении: на здании посольства были крупно выведены четыре буквы: «USSR». У двери стоял вооруженный винтовкой часовой в форме советского солдата с красной нарукавной повязкой.

Возмущенный итальянский дипломат, нарушая полученные от начальства инструкции, вошел в здание посольства — и вторично поразился: он увидел внутри посольства русских (как определил он по их речи) солдат, плохо одетых, среди них были раненые с перевязанными руками и ногами, но все они сияли улыбками: Рим освобожден! Прежде вице-консул не заметил ни одного признака присутствия людей в здании опустевшего, как он считал, посольства с закрытыми ставнями.

Навстречу ему вышел молодой священник. Поправил на переносице очки:

- Здравствуйте.
- День добрый, падре.

Дипломат оглядел столпившихся в холле русских:

— Я вице-консул посольства Италии в Ватикане, мне поручено следить за порядком в палисаднике.

- Да, я знаю.

— Могу я поинтересоваться, кто эти люди? И кто вы?

Священник ответил со спокойным достоинством:

— Я отец Печанор, слушатель колледжа «Руссикум». В здании посольства находятся около шестидесяти русских солдат и офицеров, которые скрывались здесь после побега из трудовых батальонов...

Повисла пауза.

— Господин вице-консул, поздравляю вас с освобождением Рима! — добавил отец Печанор.

Итальянский дипломат сдержанно улыбнулся, потом суховатым спросил:

— Но при чем здесь посольство Сиам?

— По простой причине: мы заняли его, чтобы союзники русских его не реквизировали.

Почему-то именно это слово, если верить документу, употребил отец Печанор. Видимо, имелось в виду, что американцы могли бы не церемониться с посольством союзника Японии и горячая устроить погром в здании.

— Здесь работает телефон? — спросил вице-консул.

— Да, прошу вас, — отец Печанор рукой показал направление.

Через минуту вице-консул звонил в ближайший ресторан:

— Шестьдесят бутылок шампанского. Лучшего! Здание посольства Сиам на Виа Номентана, угол улицы 21 Апреля!

Через полчаса в здании уже слышались хлопки от пробок и дружеский смех.

Вскоре на территорию посольства вошла группа вооруженных людей, говоривших по-русски. Они обнялись с товарищами, с отцом Печанором, стали пожимать руку итальянскому дипломату. Вице-консул был в очередной раз удивлен тому, что главным в этой группе, судя по всему, был сторож Алесслио.

На самом деле это был русский эмигрант, член римского подполья Алексей Флейшер, известный партизанам под боевым псевдонимом Червонный. А об отце Печаноре, нашем соотечественнике, помогавшем советским партизанам, стало известно недавно, когда был снят гриф секретности с одного из документов ЦРУ.



Многие римляне были удивлены, что тихое, казавшееся безлюдным, посольство на самом деле оказалось густонаселенным. Теперь все ставни и окна здания были распахнуты настежь, а на широком балконе второго этажа приветствовали горожан люди с трофейными немецкими автоматами в руках и гранатами на поясе. Вскоре над зданием взвился государственный флаг СССР. Но так как советского флага у партизан не было, они переделали флаг Сиам, споров с красной ткани белого слона и заменив его серпом и молотом.

Партизанский парад в центре Рима

Далее автор меморандума на имя Уильяма Донована сообщает о торжественном марше шестидесяти русских солдат с нарукавными повязками с надписью «СССР». Они проследовали с улицы Номентана до центральной части Рима под восторженные и одобрительные возгласы римлян, под красным советским знаменем.

Пройдя через центр Рима, группа направилась в Ватикан. После переговоров с ватиканскими служителями и челночной беготни курьеров поступило письмо от папы Пия XII. Папа римский пригласил шестьдесят русских солдат и офицеров на проходивший в этот день торжественный прием в честь союзных держав, воевавших против Гитлера. Официальные уполномоченные Советского правительства к тому времени еще не прибыли в Рим, и партизаны были приглашены на прием в качестве представителей нашей страны.

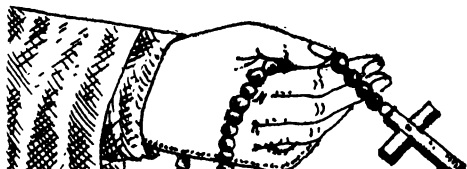
Красноармейцы и эмигранты в едином строю

Здесь уместно сделать отступление и коротко обрисовать ситуацию в Италии в предпоследний год войны. После свер-

жения в июле 1943 года Бенито Муссолини страна перестала быть союзником Германии. В сентябре 1943 года новое итальянское правительство заключило перемирие с США и Великобританией, на что последовала реакция Третьего рейха: Германия оккупировала Северную и Центральную Италию, и на этих территориях была провозглашена пронацистская Итальянская социальная республика.

На оккупированных немцами территориях Италии развернулось партизанское движение Сопrotивления. В него влились советские военнопленные, бежавшие из лагерей. Наши соотечественники примыкали к партизанским отрядам и подпольным организациям итальянских антифашистов. Имена этих героев известны сегодня: Федор Полетаев, Владимир Переладов, Форе Мосулишвили, Али Бабаев, Анатолий Тарасенко, Алексей Коляскин, Петр Конопелько, Анатолий Курносков, сестры Тамара и Людмила Георгиевские, Петр Межерицкий, Николай Хватов, Василий Скороходов, Николай Демьященко, Анатолий Курепин, Петр Ильиных, Алексей Кубышкин, Николай Остапенко, Иван Егоров, Геворк Колозян, Мехти Гусейзаде и многие другие.

Участвовали в итальянском Сопrotивлении не только бывшие военнопленные, но и другие наши соотечественники, проживавшие на итальянской земле. Яркая личность — Алексей Флейшер («сторож Алесслио») — кубанский казак, переживший захват немцами Белграда и концлагерь в Албании. Оказавшись в Риме, он устроился сторожем в посольстве королевства Сиам, вышел на связь с итальянскими подпольщиками, а позже установил сотрудничество с русскими эмигрантами, в том числе служившими в Ватикане. Соратниками его стали священники, работавшие под эгидой Комитета защиты бывших военнопленных армии СССР: Дорофей Бесчастный, Илья Марков, Александр Сумбатов, а также выпускник «Руссикума», доктор философии князь Сергей Оболенский, уже знакомый нам по главе «Кто был пастором Шлагом».



Аудиенция у папы римского

О том, что происходило после парада в центре Рима, в меморандуме на имя Донована рассказано коротко и сухо. Но вот как описывал дальнейшее, со слов участников тех событий, советский писатель-документалист Сергей Смирнов в вышедшей в 1963 году книге «Рассказы о неизвестных героях»:

Представители каждой союзной страны собирались в отдельном, отведенном для них зале папского дворца. Советские партизаны построились вместе со своими итальянскими товарищами. Появился папа в сопровождении двух капитанов швейцарской гвардии. Обходя шеренги партизан, он вручал каждому на память свой портрет. Он даже выказал некоторое знакомство с русским языком, спрашивая иногда гостей: «Как ваше имя?», «Где вы живёте?» — а потом поинтересовался, когда эти советские люди бежали из гитлеровского плена.

— Первые бежали еще в октябре 1943 года, — ответил ему Червонный.

Папа задумался.

— О, тогда обстановка здесь была далеко еще не ясной, — сказал он. — Значит, они бежали не для того, чтобы спасти свою жизнь, а шли бороться, навстречу смерти. Bravo, bravo! И ведь они были так далеко от своей Родины. Русские — доблестный народ! Я уверен, что они вскоре будут в Берлине.

Он спросил, как они добрались до Ватикана, и, узнав, что пришли пешком, горестно развел руками:

— О, бедные! Так далеко!

И, обернувшись к капитану своей гвардии, приказал дать два автобуса, чтобы довезти русских до «Виллы Тай».

Стоит отметить, что слова папы Пия XII в книге Сергея Смирнова приведены дословно, они полностью совпадают с приведенными в отчете газеты «l'Ossevatore Romano» («Римский обозреватель») от 11 июня 1944 года.

Автор рассекреченного доклада ЦРУ пишет о том, что шествие по центру Рима возглавлял именно отец Печанор,

а сообщения в американской прессе, в которых говорилось о попе Русской православной церкви, не соответствующую действительности. Но в книге Смирнова нет ни слова об отце Печаноре. Как и в мемуарах других участников тех событий. Возможно, это связано с дальнейшей судьбой этого человека.

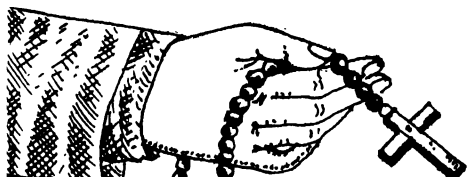
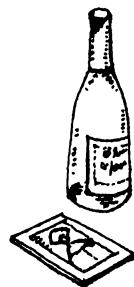


Кто вы, отец Печанор?

Отношение к колледжу «Руссикум» со стороны официальных советских властей было отрицательным. Это учрежденное Ватиканом учебное заведение, готовившее униатских священников для СССР, считали рассадником антисоветчины, кузницей идеологических диверсантов. Основная часть выпускников «Руссикума» направлялась в Западную Украину и Прибалтику. Так что, вполне возможно, отец Печанор, попав впоследствии по распределению на территорию СССР, вел там антисоветскую пропаганду. И в то время, когда писались мемуары участниками римского подполья (или с их слов), было решено воздержаться от его упоминания.

Но, возможно, дело в другом. Меня, признаться, озадачила такая фраза из меморандума, где говорится о взаимоотношениях отца Печанора и советских военных, которые базировались на «Вилле Тай»: «...Мой источник опасается того, что отец Печанор может дать им слишком много информации».

Что это значит: дать слишком много информации советским военным? Разве лишь то, что в годы войны отец Печанор мог работать на американскую разведку, на Управление стратегических служб. Почему нет? Он вполне мог быть завербован тем самым «источником», который упоминается, но не называется в рассекреченном документе. На эту мысль, в частности, наводит фраза из документа о том, что «источник» принимал участие в снабжении продуктами питания русских солдат». Значит, контакты агента и отца Печанора продолжались и после их знакомства.



Можно предположить следующее: после войны, когда наши отношения с США вошли в стадию «холодной войны», отец Печанор продолжал сотрудничать с УСС, а потом и с его преемником — ЦРУ. Это было известно советской стороне, которая наложило вето на упоминание в книгах и СМИ его имени.

Но есть у меня и другая версия. Недавно Особый архив Литвы рассекретил письмо наркома внутренних дел СССР Лаврентия Берии и начальника Главного управления государственной безопасности НКВД СССР Всеволода Меркулова, адресованное народному комиссару внутренних дел Литовской ССР Александру Гузявичусу (Гудайдису). Письмо под грифом «Совершенно секретно» было направлено в Вильнюс предположительно во второй половине 1940 года; дата на письме отсутствует, но в конце есть указание: «О результатах работы и намеченных мероприятиях донести к 30 января 1941 года». В письме говорится о ближайших задачах по агентурно-оперативной работе, направленной против «подрывной работы» католического духовенства. Много внимания уделяется мерам, направленным на создание надежной агентурной сети в самой Римско-католической церкви. Берия и Меркулов пишут Гузявичусу:

...ГУГБ НКВД имеет сведения, что Ватикан, еще в первой половине 1940 года, решил усилить свою антисоветскую работу с целью сохранения влияния над массами верующих, искусственно-го создания у них антисоветских настроений и организации их против мероприятий советской власти.

Имеющиеся данные подтверждают, что установка Ватикана с момента советизации Литвы активно проводится в жизнь...

Исходя из изложенного, НКВД СССР предлагает:

...Используя данные агентуры — наметить несколько фигур из числа ксендзов и авторитетов католической церкви для вербовки крупной агентуры, могущей вскрыть связи руководящих деятелей католической церкви с иностранными разведками (особенно германской), а также осуществить перехват связей на Ватикан и внедрение туда нашей агентуры...

Если вспомнить, что в документе УСС отмечается учеба отца Печанора в Прибалтике, то версия о том, что он был советским разведчиком, внедренным в Ватикан, не кажется фантастической.

Дело могло обстоять так: в 1943–1944 годах слушатель богословского колледжа «Руссикум» участвовал в римском подполье и, будучи внедренным в Ватикан советским агентом, помогал итальянским и нашим партизанам. При этом спецслужбы США регулярно получали от него информацию о ситуации в посольстве Сиам и о работе Комитета покровительства русским военнопленным. Следовательно, молодой священник был двойным агентом.



Тройной агент Вильгельм Хёттль

Отделался двумя годами тюрьмы

В истории этого человека много странного и непонятного. Непонятно самое главное — как и почему майор СД Вильгельм Хёттль, работавший под началом Вальтера Шелленберга и Эриха Кальтенбруннера, не был осужден как военный преступник и отделался лишь двумя годами тюрьмы. После войны он поселился в австрийском курортном городке Бад-Аусзее и занялся преподавательской и литературной деятельностью. Написал две книги — о работе Управления имперской безопасности Третьего рейха и — как непосредственный участник — о секретной операции РСХА по изготовлению фальшивых английских фунтов стерлингов и американских долларов.

Почему карающая рука Нюрнберга оказалась столь снисходительной к штурмбаннфюреру? Попробуем разобраться. И помогут нам в этом рассекреченные документы из архива ЦРУ.

Вербовка генерал-викария ордена иезуитов

Вильгельм Хёттль родился в Вене в 1915 году. В 1934 году он, еще студентом, присоединился к нацистской партии. Был активистом в католических студенческих организациях. В 23 года стал доктором исторических наук, диссертацию защищал в Венском университете.

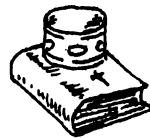
После включения Австрии в рейх его пригласили в разведку. Он подходил к этой деятельности: по роду своих научных занятий занимался исследованиями психологии европейских народов; при этом был образован, умен, хорош собой, элегантно одевался.

В венском отделении Хёттль возглавил подразделение, занимавшееся Юго-Восточной Европой. Он был в курсе секретных подрывных операций немцев в Чехословакии, Югославии, Румынии и Венгрии. Позже ему поручили устанавливать связи с Ватиканом, и к этой работе он привлек австрийского писателя, сторонника сближения идей национал-социализма и христианства Карла Антона Принца Роана.

Роану удалось установить в Риме близкий контакт с генерал-викарием ордена иезуитов, отцом Владимиром Ледоховским, который дал согласие помогать СД конфиденциальной информацией из иезуитских кругов. По этому каналу Хёттль получил копии секретных отчетов иезуитов об агентах Коминтерна в Латинской Америке.

В ответ Ледоховский рассчитывал получать важную информацию от РСХА. Такой взаимовыгодный обмен должен был начаться после получения согласия на это папы римского. Но неожиданно для Ледоховского и Хёттля Пий XII заявил, что категорически против сотрудничества с разведкой рейха.

Хёттль был ошарашен. Поначалу неудача не сказалась на его карьере, он даже получил повышение, но вскоре начались сложности: его отстранили от оперативной работы, перевели в другое подразделение, потом обвинили в служебных ошибках. В частности, в том, что он нарушил приказ и не перестал контактировать с еще одним агентом СД в Ватикане — Тарасом Бородайкевичем.



Тарас просчитался

Родившийся в Вене в 1902 году в семье галицкого железнодорожного служащего Тарас Бородайкевич был приверженцем

идей, которые сочетали в себе христианство и пангерманскую политику. В 1933 году он стал президентом австрийского Католикентага — проходившего в стране раз в несколько лет католического фестиваля.

После аншлюса Австрии и в первые годы войны Бородайкевич преподавал в Вене, а с 1943 по 1945 год учил студентов истории в немецком университете в Праге. При этом научно-педагогическую деятельность он успешно совмещал со шпионской.

Его сотрудничество с ведомством Шелленберга началось в 1939 году. Как рассказывают историки Дэвид Альварес и Роберт А. Грэм в своей книге «Ничего священного: нацистский шпионаж против Ватикана, 1939—1945», сразу после смерти в 1939 году папы Пия XI Бородайкевич срочно отправился в Рим, чтобы наблюдать за ходом конклава. Вскоре Тарас шлет в Берлин донесение: по его информации, новым папой станет архиепископ Милана Альфредо Ильдефонсо Шустер. Но прогноз оказался ошибочным: папой стал государственный секретарь Ватикана и камерленго (что-то вроде управляющего делами) Римско-католической церкви кардинал Эудженио Пачелли (после избрания — Пий XII).

В Берлине занервничали и записали Бородайкевича в «ненадежные источники». Но Вильгельм Хёттль, у которого тоже началась полоса невезения в карьере, продолжил, вопреки давлению начальства, общаться с Бородайкевичем, давая тому знать, что не все от него отвернулись. Хёттль подбадривал коллегу, который ему, как он полагал, мог пригодиться в будущем. Тот и в самом деле пригодился, но об этом — чуть позже.

Поддержка Вальтера Шелленберга

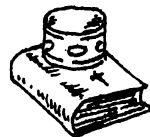
Неприятности для Хёттля закончились, когда Вальтер Шелленберг, глава VI департамента РСХА, лично разобрался в ситуации и отменил от него все обвинения.

В 1943 году Хёттля переводят в Берлин, в аппарат Главного управления имперской безопасности, где он становится руководителем зарубежного направления. Главная его задача — организация разведдеятельности на территории фашистской Италии. Хёттль также активно работает с агентами в Великобритании и Соединенных Штатах, тесно контактирует с правительством Хорти в Венгрии.

Хёттль был ловок и изобретателен в своей работе. Редактор английского издания его книги «Секретный фронт» Ян Кольвин пересказал со слов Хёттля яркий эпизод его работы в Будапеште во время войны:

Он ухитрился получить из американской дипломатической миссии конфиденциальные документы. Для этого он воспользовался услугами некоей венгерской фирмы, изготовлявшей машины для резки и измельчения бумаги... По его заказу была изготовлена и доставлена американцам специальная машина, которая через определенные интервалы времени не измельчала документы, а убирала их в мешок специальным механизмом. Таким образом к нему попал целый ряд документов Госдепартамента.

В январе 1944 года Хёттль получил приказ Шелленберга добыть дневники расстрелянного зятя Муссолини — графа Галеаццо Чиано.



Дневники графа и завербованный францисканец

Около девяти на утра к стрельбищу Сан-Дзено, примерно в двух километрах от Вероны, подкатил автобус с зашторенными окнами. У каменной стены были выстроены в ряд пять стульев. Вышедшим из автобуса приказали сесть на них, лицом к стене, спиной к отделению солдат. Лязг винтовочных затворов, резкая команда: «Огонь!» — грянул залп... Пятеро расстрелянных обмякли, кто-то из них свалился на

землю. Граф Галеаццо Чиано был еще жив, он громко стоял, вцепившись в спинку окровавленного стула. Командир расстрельной группы подошел к нему и добил раненого из револьвера.

Так 11 января 1944 года закончилась жизнь 40-летнего графа Галеаццо Чиано, который незадолго до казни был фактически вторым человеком в Италии — после своего тестя Бенито Муссолини.

Муссолини, к этому времени глава марионеточной Итальянской социальной республики, молчаливо одобрил эту казнь. Дуче не мог простить зятю того, что тот оказался среди тех, кто отстранил его от власти в Риме. Новое правительство маршала Пьетро Бадольо неожиданно для Чиано отказалось от его услуг и, несмотря на его заслуги по свержению Муссолини, даже на некоторое время поместило графа под домашний арест. Более того — еще и обвинило в причастности к злодеяниям Муссолини.

Чиано вместе с семьей в поисках убежища бежал в Германию. Но Гитлер тоже не проявил к нему расположения: фюрер знал, что Чиано в свое время настойчиво уговаривал Муссолини разорвать союз с Германией. В результате Чиано выдали властям Республики Сало, и вскоре граф оказался у расстрельной стены.

Накануне казни в камере Чиано всю ночь провела симпатичная 25-летняя женщина, бывший секретарь графа, а по совместительству агент немецкой разведки под псевдонимом Фелицитас. Настоящее ее имя — Хильдегард Битц. Она ночь напролет читала ему вслух философские диалоги Сенеки-младшего, тем самым и утешая, и одновременно подбадривая обреченного на смерть, а он в знак благодарности подарил ей великолепный серебряный брегет. Красиво и романтично. Впрочем, во время трогательных ночных сцен Фелицитас не только скрашивала последние часы жизни графа, но и пыталась выполнить задание своего куратора Вильгельма Хёттля — узнать, где спрятаны дневники Чиано.

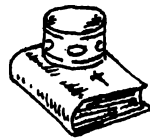
В них, как считали в рейхе, были очень ценные свидетельства. С 1936 по 1943 год Чиано, занимавший пост министра иностранных дел, а потом посла Италии в Ватикане, вел

дневники — ежедневные кабинетные записи. В них раскрывалась закулисная подоплека многих предвоенных и военных событий в Европе, давались характеристики крупным политическим фигурам. Вот, например, запись от 27 апреля 1942 года:

Длинная речь Гитлера. Высказаться насчет нее трудно, ибо теперь все его речи более или менее похожи друг на друга. Больше, чем о чем-либо ином, он говорит о прошлом: как и почему зима в России была такой суровой и как он с ней справился, но в его речи отсутствует даже намек на то, чего все ожидали: когда же прекратится война. Напротив, он заявил, что принимает все подготовительные меры, чтобы встретить новую зиму на русском фронте с лучшим оснащением. Затем он потребовал абсолютные полномочия в отношении немецкого народа. В сущности, он их уже имеет, но это торжественное заклинание вызвало у всех мысль, что положение внутри Германии нуждается в строгом контроле. В целом речь эта имела в Италии угнетающее воздействие, между тем как Муссолини назвал ее «хорошей и сильной»...

30 апреля 1942 года Чиано оставляет в дневнике такую запись:

Если удастся захватить ее нефтяные источники, Россия окажется на коленях. Тогда британские консерваторы, да и сам Черчилль (а он, в конце концов, человек разумный), сделают все, чтобы спасти что можно, оставшееся от дряхлой империи. Таковы слова Риббентропа. А если все пойдет не так? Если англичане со своей твердолобой головой будут продолжать воевать и дальше, что делать тогда, чтобы выбраться из всей этой истории? Самолеты и подводные лодки, говорит Риббентроп. Он возвращается к своей формуле 1940 г. Но тогда она хорошего результата не дала, от нее отказались, а теперь ее снова вытаскивают на свет божий, хотят снова предложить нам как панацею, после того как от нее премило отделались. Меня это убеждает мало, и я говорю это Риббентропу...



В дневниках наблюдательный и, надо отметить, неплохо владевший пером Чиано запечатлел высказывания, настроения, мотивы поведения и даже оговорки людей, повлиявших на развитие событий тех лет: Адольфа Гитлера, короля Италии Виктора Эммануила III, министра иностранных дел Германии Иоахима Риббентропа, папы римского. В дневниках есть записи, касающиеся послов разных стран в Италию и Ватикане, военных, гражданских, партийных руководителей.

В том, чтобы заполучить дневники Чиано, были заинтересованы немецкие элитные круги. Они считали, что в записях много компромата на гитлеровских бонз, и это может стать инструментом их шантажа; кроме того, в СС и СД полагали, что с помощью дневников можно будет «держать на крючке» итальянских мятежных генералов, перешедших на сторону союзников по антигитлеровской коалиции.

Но в последнюю перед казнью ночь графа Битц-Фелицитас так и не смогла добыть нужную информацию. Чиано был тронут ее поддержкой, но держал себя в руках и ничего не рассказал о своих дневниках.

Хёттль был крайне недоволен. Он занялся поиском новых решений задачи. Вскоре к нему поступила оперативная информация из Швейцарии, что дневники находятся там. Выяснилось, что за три дня до казни мужа в нейтральную Швейцарию тайно сбежала графиня Эдда Чиано — любимая дочь Муссолини и жена (вернее, теперь уже вдова) графа. Она, по некоторым данным, облачилась в простую одежду крестьянки и перешла границу неподалеку от Милана с фальшивыми документами, приготовленными заранее на «черный день». Дневники мужа были зашиты ею в пояс и спрятаны под платьем. В этом рискованном походе ее сопровождал старый друг — лейтенант военно-воздушных сил Италии Эмилио Пуччи.

В Швейцарии Эдда добровольно сдалась местным властям, которые поместили ее то ли под наблюдение, то ли под охрану в монастырь.

Узнав об этом, Вильгельм Хёттль разрабатывает новый план операции, утверждает его у Шелленберга и Кальтен-

бруннера и дает задание все той же агентессе Фелицитас отправиться в Швейцарию.

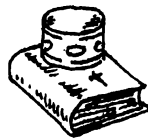
При этом Хёттль решает параллельно подключить к спецоперации еще одного агента СД — Николауса. Этот псевдоним был присвоен 35-летнему францисканскому священнику падре Панчино, другу детства Эдды, а впоследствии — ее духовнику. Привлечь его к поиску графских дневников удалось через куратора францисканца — командующего полицией безопасности и СД в Италии Вильгельма Харстера.

Оба агента независимо друг от друга прибыли в Ингеболь (коммуна в Швейцарии, в кантоне Швиц) и начали, каждый по-своему, уговаривать Эдду отдать тетради покойного мужа. В какой-то момент у Фелицитас появился соблазн продать дневники некоему Ланцелоту де Гарстону — предположительно агенту британской разведки. Хотя, возможно, это был оперативный прием: она предложила вдове графа хорошо заработать. Но Эдда дневники не отдала.

После войны, уже арестованная американскими властями, Фелицитас во время допросов утверждала, что надеялась таким образом добыть денег для Эдды Чиано и ее детей и при этом хотела, чтобы опубликованные в Великобритании дневники «размазали Риббентропа». Таковы ли были ее устремления при попытке непонятной коммерческой сделки или нет — трудно сказать.

В протоколах допроса фрау Битц можно прочесть также о том, что на экстренный случай она раздобыла яд. Она считала, что он мог бы ей пригодиться, если бы Эдда рассказала второму агенту, отцу Панчино, о том, что именно Фелицитас уговорила ее тайно вывезти дневники в Швейцарию, и тогда РСХА могло обвинить ее в вероломном предательстве. Что здесь правда и что нет, и в самом ли деле именно Битц посоветовала Эдде увезти дневники мужа — сегодня уже не установить. Возможно, бывший агент СД преувеличивала свои достижения. Кстати, она приглянулась ЦРУ, была впоследствии завербована им и даже участвовала в нескольких серьезных спецоперациях.

Но вернемся в 1944 год. Ни с чем предстал перед Хёттлем и падре Панчино. Сентиментальные разговоры и душеспа-



сительные беседы не «раскололи» графиню, которая не желала открыть местонахождение дневников.

Оба агента выслушали от начальства претензии и опять засобирались в Швейцарию. Решено продолжать попытки договориться с Эддой Чиано до победного конца. Но неожиданно фрау Битц выпала из игры: швейцарские власти почему-то ей отказали в визе. В Ингеболь отправился только Николаус — падре Панчино.

В июне францисканец доложил в Берлин, что Эдда назвала ему семь мест в Италии, где хранятся личные документы Чиано. Речь шла не об искомым дневниках, а о разрозненных записях по разным поводам — впрочем, тоже ценных.

Вскоре эти материалы были изъяты из тайников и доставлены в Германию. Но Хёттля это не удовлетворило, и Панчино удостоился достаточно сдержанных похвал от него и Харстера.

В начале июня 1944 года союзники прорвали германскую линию обороны и заняли Рим. Фрау Битц в это время была уже в Германии, где занималась переводами найденных документов Чиано на немецкий язык. И хотя за ней постоянно велось наблюдение, она сумела незаметно для своего начальства сделать копию перевода, заложив лишнюю копию при перепечатывании на машинке. То ли она надеялась со временем продать этот материал, то ли сочла, что это будет ее козырем, когда нацистская Германия будет разгромлена.

Когда Битц узнала, что Гитлер приказал уничтожить оригиналы и переводы всех записей Чиано, она закопала копию, заложив ее в футляр, в розарии возле своего дома. Рискнула серьезно, гестапо в конце войны зверствовало. Тайник посреди розовой клумбы разрыли в июне 1945 года по ее указанию сотрудники американской военной контрразведки.

Тем времени то, что не удалось сделать Битц и падре Панчино, ловко провернул Поль Гали — американский журналист, собственный корреспондент газеты «Чикаго дейли ньюс» в Швейцарии. Гали установил контакт с Эддой Чиано и уговорил ее передать газете права на публикацию дневников ее покойного мужа. Эдда согласилась на микрофильмирование рукописи и получила гонорар в 25 тысяч долларов.

Дневники, представлявшие собой семь ежегодников, сразу же начали переводить на английский, и в 1946 году они были опубликованы.

В это время агентесса Хильдегард Битц уже сотрудничала с американцами. А вот следы отца Панчино потерялись. В архиве ЦРУ сохранился рапорт от 26 июля 1946 года, где, в частности, говорится:

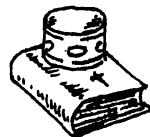
...ПАНЧИНО, вероятно, был единственным из участников операции, кто подозревал, что Субъект (то есть Битц-«Фелицитас». — А. К.) все время вела двойную игру в ущерб СД... Патер ПАНЧИНО еще не задержан, и для нас будут ценными любые сведения, которые помогут его задержанию. Похоже, что его анонимность прикрывается его статусом *character indelebilis** и, поскольку никто не знает его истинного имени и семейного положения, у него нет особых проблем с тем, чтобы оставаться «на дне».

Вильгельму Хёттлю в это время было уже ни до дневников зятя Муссолини, ни до фрау Битц, ни до францисканского прелата Панчино.

Взяли тепленькими

После падения Берлина Хёттль и глава руководителя РСХА Кальтенбруннер пытались скрыться в австрийской глубинке. Они, почти как Ленин с Зиновьевым в Разливе, какое-то время таились вдалеке от торных дорог, у живописного озера. Правда, жили не в шалаше, а в крестьянской избушке.

Ночью 12 мая 1945 года группа захвата американской военной полиции скрытно подобралась к скромному сельскому домику в Австрийских Альпах. Еще спали первые петухи на подворье, черные тучи проглотили луну, а в хижине вдрут



* Неизгладимый отпечаток (*лат.*). Термин из римско-католического богословия, который обозначает, что при рукоположении священник обретает особый статус, отличающий его от мирян.

стало светло от мощных фонарей. Скрывавшиеся в крестьянском домишке обергруппенфюрер Эрнст Кальтенбруннер и штурмбаннфюрер Хёттль были взяты сонными, в исподнем.

В американском плену Хёттль почти сразу выразил готовность передать США еще недавно находившуюся под его руководством германскую разведывательную сеть на территории Австрии. Позже директор ЦРУ Аллен Даллес напишет в своих мемуарах, что Хёттль «жаждал спасти свою шкуру и поэтому мог быть полезен». И он стал полезен. Но сначала его ждали тюрьма и участие в работе Нюрнбергского трибунала в качестве свидетеля. Его отвезли в Германию, где он находился в заключении до октября 1947 года, а потом вернули в Австрию, в тюрьму Зальцбурга.

«Сокровища Нибелунгов» в руках директора школы

В декабре 1947 года Хёттль был освобожден из австрийской тюрьмы. При этом американцы сделали все, чтобы помешать суду над ним. Вскоре Хёттль уже мирно пишет книги под псевдонимом Вальтер Хаген. В 1952 году он организует школу в Бад-Аусзее, становится ее директором, преподает. Финансовые источники его тогдашней небедной жизни и содержания школы — тайна, покрытая мраком, а возможно — толщей воды. Западноберлинская газета «Телеграф» в свое время иронически предположила, что Хёттль обнаружил «сокровища Нибелунгов», намекая на то, что его дом находился неподалеку от озера Топлиц — предполагаемого места затопления фальшивых английских и американских банкнот. Как знать, может, и так... А может, все проще — Хёттль очень даже выгодно продался американцам за деньги совсем не фальшивые.

В марте 1948 года Хёттль начал активно сотрудничать с СИС (Корпусом военной контрразведки Армии США). Для американцев Хёттль создал обширную информационную сеть, состоявшую в основном из бывших военнослужащих

вермахта и СС. Ему платили несколько тысяч долларов в месяц. Жил он на широкую ногу: по свидетельству очевидцев, любил кожаные пальто канареечно-желтого цвета и красочные галстуки ручной работы.

Но это бытовые подробности. А если говорить о политической позиции Хёттля, то тут краски смешиваются. Сегодня большинство историков войны и спецслужб уверены, что Хёттль был врагом СССР и во время войны, и после нее. Но, возможно, не все так однозначно.

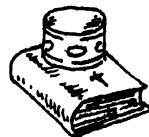
В активном поиске

В январе 1952 года сотрудник ЦРУ составил документ № ХОД-48, в котором содержалась информация из доклада полицейского управления Вены за октябрь 1951 года. Суть: предполагаемая связь Хёттля с советскими официальными представителями. В документе говорится:

По конфиденциальной информации, в настоящее время д-р ХЁТТЛЬ ведет переговоры с двумя представителями генерала СВИРИДОВА (Владимир Петрович Свиридов, советский военачальник, генерал-лейтенант артиллерии, в 1949–1953 гг. Верховный комиссар Австрии. — А. К.) на предмет возможности захвата лидерства в рядах бывших Waffen-SS (войска СС. — А. К.) с целью переиграть дело так, чтобы они работали в интересах русских. Эта информация поступила из кругов бывших сотрудников СД из VI управления РСХА в Будапеште; более подробных сведений у них нет.

Автор этого отчета — жандарм или полицейский. Можно предположить, что самой важной персоной из будапештской СД является Йозеф Адольф УРБАН (штурмбаннфюрер Урбан в годы войны был начальником управления СД в Будапеште. — А. К.).

Краткость и нечеткость отчета может навести на предположение, что это — необоснованный донос кого-то из врагов ХЁТТЛЯ. Отчет тем не менее вписывается в ряд слухов, касающихся контактов ХЁТТЛЯ с Советами.



Из рапорта агента ЦРУ от 25 июля 1952 года (Report № WIR-2952):

Вильгельм Хёттль, псевдоним Вальтер Хаген (о котором ранее сообщалось), предпринимает попытки внедрить русских агентов в новообразованную немецкую информационную службу (так в тексте, имеется в виду BND. — *А. К.*). Есть данные, что его поддерживает одна из заметных персон в Баварии — Адольф Славик, которого он вскоре будет сопровождать в Италию для неизвестной миссии (Адольф Славик — лидер так называемой Австрийской национальной лиги, занимался пропагандой в просоветском духе среди бывших национал-социалистов Австрии. — *А. К.*)... Предположительно, Хёттль пытается инфильтровать русских агентов в восстановленную Разведывательную службу Германии.

О контактах Славика с советскими официальными лицами говорится в составленной в декабре 1950 года аналитической записке сотрудника ЦРУ. Отмечается: «Славик... заявил в частной беседе, что имел контакт с русским, “по крайней мере, таким же важным, как Свиридов”».

В аналитической сводке ЦРУ от 27 февраля 1952 года, в частности, в пункте № 6, говорится о конспиративных встречах Хёттля:

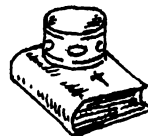
Сообщения о его частых контактах с советской разведкой подтверждаются. Известно, что он входил в контакт с советскими агентами Гансом Георгом ШВАРЦКОПФОМ, Фричьофом РИДЛЕМ и Рихардом КАУДЕРОМ (псевдоним КЛАТТ), которые активизировались в районе Зальцбурга (по некоторым данным, в частности, по воспоминаниям знаменитого разведчика Павла Судоплатова, упомянутый в сводке Каудер-Клатт сотрудничал в годы войны с советским разведчиком Александром Демьяновым — участником сложной радиогрипы по дезинформации немецкого командования. — *А. К.*). В своей политической активности он связан с Адольфом СЛАВИКОМ... Нынешняя активность ХЁТТЛЯ на создание советского контрольного аппарата внутри структуры новой немецкой раз-

ведки, как и любая информация, относящаяся к этой деятельности, будут постоянно находиться под нашим тщательным контролем.

Неспрятанные письма

7 апреля 1953 года газета «Вашингтон пост» сообщила сенсационную новость: в австрийском Зальцбурге американской военной контрразведкой арестован бывший офицер СД Вильгельм Хёттль. Не было ни фонарей среди ночи, ни деревенской хижины, ни наручников, как в мае 1945 года. Респектабельного литератора и педагога корректно сопроводили в местное отделение СИС. Там ему выдвинули официальное обвинение о шпионаже в пользу Советского Союза вместе с двумя офицерами армии США — капитаном Куртом Понгером и лейтенантом Отто Вербером (бывшие австрийские коммунисты, натурализованные американские граждане и, кстати, братья). В квартире Хёттля был произведен обыск, где нашли 20 тысяч страниц различных документов и фальшивый паспорт с его фотографией.

Понгер и Вербер практически одновременно были арестованы в Вене. Их обвинили в предоставлении американских военных секретов второму секретарю советского посольства в Вашингтоне Юрию Новикову. Уже 30 апреля они предстали перед судом в Вашингтоне. Новиков спешно вернулся в Россию. А Хёттля продолжали допрашивать.



Облепленный клеммами полиграфа

Американцы изучили найденные и изъятые в его квартире документы. В служебном рапорте сотрудника ЦРУ № P/34011 от 15 апреля 1953 года воспроизводится содержание пухлой записной книжки Хёттля. Там упоминается уже знакомое нам имя Тараса Бородайкевича.

После войны Бородайкевич вернулся в Австрию, вновь обретшую независимость. Австрийцы, безусловно, знали о его темном прошлом, однако это никоим образом не повлияло на его судьбу. Но ведь о его работе на гитлеровскую разведку и членстве в НДСАП не могли не знать в Советском Верховном комиссариате в Австрии — том самом, которым руководил генерал Владимир Свиридов. Однако советские оккупационные власти не воспрепятствовали его восстановлению в вузе в качестве преподавателя. Почему?

Еще в 1966 году авторитетный ученый и политик Хайнц Фишер (ставший впоследствии федеральным президентом Австрии и пробывший на этом посту с июля 2004 года по июль 2016 года) утверждал в своей книге, что Тарас Бородайкевич был русским агентом и завербовал его офицер советской военной разведки, полковник Лев Штерн, проживавший в Вене (об этом см: Fischer, Heinz, ed. *Einer im Vordergrund: Taras Borodajkewycz*. Europa Verlag, 1966. — А. К.).

Эту информацию подтверждает и недавно рассекреченный документ, составленный агентом ЦРУ на немецком языке в ноябре 1948 года. Текст документа читается не весь из-за технических повреждений оригинала, но суть понятна: агент обращает внимание на контакты Бородайкевича со Штерном, но при этом отмечает, что Хёттль, работавший уже на американцев, отвергает сомнения в нелояльности Бородайкевича. Сегодня же в контексте других расшифрованных документов ЦРУ мы вправе предположить, что Хёттль прикрывал Бородайкевича и рассчитывал на его содействие в контактах со спецслужбами СССР. Прямых подтверждений этому нет, но сама ситуация — лояльное отношение и к Хёттлю, и к Бородайкевичу — позволяет предположить, что советские спецслужбы были готовы сотрудничать с ними обоими.

В записной книжке Хёттля обнаружился адрес австрийского историка, преподавателя и журналиста, автора публикаций в христианском издании «Рейхспост», члена австрийского католического монархического объединения «Максимилиан» — доктора Людвига Едлички. Он в 1945 году примкнул к движению Сопrotивления, хотя почти всю войну честно служил рейху, работая на штурмбаннфюрера СС

Вильгельма Хёттля. Едличка вошел в историю тем, что первым водрузил на здании венской ратуши флаг независимой Австрии в апреле 1945 года.

И Бородайкевич, и Едличка упоминаются в качестве советских агентов, например, в рапорте сотрудника ЦРУ от 9 июня 1952 года (№ P/23755):

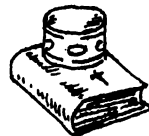
Считается, что ЕДЛИЧКА работает на советскую разведку. Якобы он поддерживал связи с Советами уже во время битвы при Вене. Один из ближайших друзей ЕДЛИЧКИ — доктор БОРОДАЙКЕВИЧ, который сотрудничал с Советами, по крайней мере, до конца 1950 года. В 1949 году, а, возможно, и позже, ЕДЛИЧКА за небольшую плату собирал информацию для доктора ХЁТТЛЯ.



Допросы Хёттля, в том числе с помощью полиграфа, результата не принесли. В докладе военной контрразведки США сказано:

Следователи убеждены, что Хёттль лжет или скрывает какую-то информацию, которая для Хёттля чрезвычайно важна... Он показал чувствительность при исследовании на полиграфе по всем вопросам, связанным с сокрытием или уничтожением документов... Однако в ходе допросов не удалось определить, является ли Хёттль действительно советским агентом.

В конце апреля 1953 года потрепанного и издерганного Хёттля выпустили из следственного изолятора, так ничего и не доказав.



Архив на замке

Педагог и писатель Вильгельм Хёттль покинул сей бренный мир в 1999 году в возрасте 84 лет в больнице австрийского городка Альтаусзее. На русском языке изданы две его книги, в которых он ни словом не упоминает о своих контактах с советскими представителями.

Тем не менее на основе рассекреченных документов вырисовывается такая картина: в 50-е годы прошлого века Тарас Бородайкевич, когда-то шпионивший в Ватикане на рейх, был советским агентом, а Вильгельм Хёттль, возможно, с помощью его и других своих знакомых (они же, как правило, «источники информации»), пытался стать полезным советской разведке. Если все-таки стал, то это со временем подтвердят документы ФСБ — когда на них будет перечеркнут ведомственный штамп «Совершенно секретно».

Шпионаж под музыку

Показания сбитого летчика

Москва, 1960 год, дождливый теплый август. В Колонном зале Дома союзов судят американского шпиона Фрэнсиса Гарри Пауэрса, чей самолет был сбит советской зенитной ракетой над Свердловской областью.

Генеральный прокурор СССР Роман Руденко расспрашивает сбитого летчика о его месте службы на турецкой базе ВВС США «10-10».

— Каковы цели и задачи подразделения, в котором находился подсудимый? — в третьем лице обращается Руденко к Пауэрсу.

Пауэрс отвечает сухо и сдержанно:

— В основном собирать информацию вдоль границ Советского Союза. Мы также проводили исследовательскую работу по изучению погоды, брали пробы воздуха с целью исследования его на радиоактивность.

Генеральный прокурор задает вопрос о высокопоставленных американцах, которые посещали подразделение «10-10».

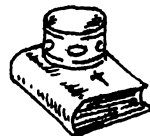
Пауэрс перечисляет фамилии генералов. Потом добавляет:

— Кроме того, мне кажется, базу посещал кардинал Спеллман.

— Кардинал тоже интересуется военными базами? — с едкой иронией вопрошает Руденко.

— Он церковная фигура. — Пауэрс старается не замечать ехидства генпрокурора. — Я бы сказал, что его интересует личный состав, а не база.

— Тот самый состав, который совершает шпионские полеты? — продолжает гнуть свою линию генпрокурор.



Пауэрс:

— Мне кажется, что он меньше думает о том, какую работу выполняет человек, а больше интересуется тем, что собой представляет этот человек.

Менее чем через два года, 10 февраля 1962 года, на сто-метровом мосту, соединяющем Берлин и Потсдам, Пауэрса обменяли на советского разведчика Рудольфа Абея (Вилья-ма Фишера). Если нашего полковника внешней разведки дома ждали теплый прием, награды и почести, то Пауэрса в США официальные власти встретили настороженно. Не «подыграл» ли он, случаем, советской стороне?

В американской и британской прессе летчика называли перебежчиком, заподозрили даже в предательстве. Начались допросы Пауэрса в ЦРУ. Там его упрекали в том, что он выложил русским все тайны, вместо того чтобы воспользоваться ядом, спрятанным в муляже монеты, или (как вариант) — взорвать себя в воздухе вместе с самолетом. Словом — задачу не выполнил, а нанес вред Соединенным Штатам.

Пауэрсу пришлось выслушивать примерно те же, что и в Москве, вопросы. Недавно ЦРУ рассекретило и обнаружилось стенограмму одного из допросов. Хью Каннингер, высокопоставленный сотрудник ЦРУ, спрашивает летчика о том, кого из важных американских фигур он упомянул в ходе судебного следствия в Москве:

Каннингер. Они спрашивали вас о ком-либо из военнослужащих ВВС США, которые там бывали?..

Пауэрс. Да, спрашивали. Я отметил, что незадолго до Рожде-ства какой-то генерал проводил инспекционный тур, и я упо-мянул, что они были на базе, и о том, что там был кардинал Спеллман, я тоже упомянул...

Каннингер. В этот момент кардинал подпрыгнул на месте на восемь ярдов...

Пауэрс. Я полагал, что у них уже была эта информация, но я не знал точно...

Что означает язвительная реплика Каннингер, не очень-то уважительная по отношению к сану кардинала? Почему это

священник высокого ранга должен был «подпрыгнуть» в тот момент, когда удрученный неудачей своей миссии Пауэрс давал показания о нем в Колонном зале Дома союзов? Вероятно, у ЦРУ была какая-то важная информация о Спеллмане, прямо или косвенно касающаяся сферы ответственности разведки. Какая же?

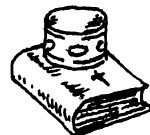


«Электростанция» во главе епархии

Порой его за глаза шутливо-уважительно называли «электростанцией» — за неумную энергию и желание влиять на религиозные и политические процессы не только в своей епархии, но и в США в целом. Фрэнсис Джозеф Спеллман с 1939 года вплоть до своей кончины в 1967 году служил архиепископом Нью-Йорка; попутно в 1946 году он стал кардиналом.

Спеллман был значительной фигурой. Он общался со многими влиятельными политиками, военными, священнослужителями, а также популярными американскими деятелями искусств. Кардинал был доверенным лицом президента Рузвельта и его посредником в общении с папой римским Пием XII. Он нередко сопровождал президента в его зарубежных поездках.

Очевидно, что советская разведка не могла не обратить внимания на такую важную в политике и обществе фигуру. После Второй мировой войны на Лубянке было решено попытаться приблизиться к Спеллману и сделать его источником информации или даже, если получится, агентом влияния.



И не было лучшего человека для выполнения этой миссии, как агент под псевдонимом Фрост (второй криптоним — Джон). Этот псевдоним носил уроженец Санкт-Петербурга, когда-то подданный Российской империи, а ныне американский гражданин, талантливый композитор, удачливый бизнесмен и коммунист Борис Менделевич Мороз. В картотеке Лубянки он появился в 1934 году.

Шпион Мороз

Вся жизнь Бориса Мороза была связана с искусством, в первую очередь — с музыкой. Выпускник Петербургской консерватории, он работал сначала суфлером, затем помощником дирижера Мариинского театра. В 1913 году он начал преподавать в музыкальном училище в Полтаве, но с началом войны был мобилизован в армию, служил при штабах по музыкальной части и дослужился до должности главного инспектора военных оркестров Юго-Западного фронта.

После Октябрьской революции Мороз некоторое время поработал в Москве, в Наркомате просвещения, после чего был направлен в Украину для организации музыкальных отделов в системе образования, но долго там не задержался и в 1922 году эмигрировал в Соединенные Штаты. Именно там, а не в революционной России он проникся коммунистическими идеями и даже вступил в Коммунистическую партию США. Потом в его жизни появился Голливуд, где в кинокомпании «Парамаунт пикчерз» Мороз занял место музыкального директора. Кроме того, в его голливудском «послужном списке» три номинации на «Оскар» за музыку к фильмам «Генерал умер на рассвете» (*The General Died at Dawn*, 1936), «Морские души» (*Souls at Sea*, 1937) и «Каникулы в тропиках» (*Tropic Holiday*, 1938).

Советским агентом Мороз стал по собственной инициативе. В мае 1934 года он инициировал встречу в советском консульстве в Нью-Йорке с Петром Гутцайтом — резидентом советской разведки в США, работавшим под прикрытием должности сотрудника полпредства СССР в Вашингтоне.

Гутцайт доложил в Москву:

Во время разговора с Морозом у меня создалось впечатление, что он может быть использован для размещения наших оперативников в офисах Paramount, расположенных в каждой стране и большом городе.

Позднее он дал такую характеристику Морозу:

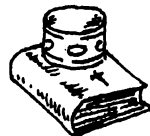
Мороз считает себя политическим другом СССР и готов оказать любую помощь, какую только сможет... Мог бы быть полезным в нашей работе и для прикрытия наших нелегалов, работающих в других странах... У него исключительно широкие связи между актерами и кинематографистами в Голливуде... Развитие связей Мороза может дать интересные результаты.



Мороз был передан под опеку советскому разведчику Гайку Овакимяну, и вскоре тот попросил его устроить сотрудника НКВД на работу в главный офис «Парамаунт пикчерз» в Берлине. Мороз с задачей справился, и советский разведчик Василий Зарубин был внедрен с его помощью в берлинский филиал кинокомпании.

Вскоре Зарубин стал руководителем резидентуры в США и непосредственным куратором Мороза. В декабре 1941 года Мороз по просьбе Зарубина организовал прикрытие для двух советских «нелегалов», трудоустроив их и снабдив нужными документами.

В порядке выполнения ответной просьбы Зарубин пообещал помочь родственникам Бориса. Он начал хлопотать о разрешении на эмиграцию в США отца Бориса — Менделя Мороза — и об освобождении из советской тюрьмы двух его братьев. Обещания были выполнены. Скорее всего, именно забота о родственниках и была основной мотивацией Мороза, когда он принимал решение о сотрудничестве с советской разведкой.



На деньги советских трудящихся

Прикрытием для советских нелегалов стали организованные Морозом звукозаписывающая студия и музыкальное издательство. Здесь наши разведчики официально трудоустроивались, занимались интересной творческой работой, которая позволяла обзаводиться нужными связями в США, Канаде

и Латинской Америке. Крупным инвестором в музыкальных проектах Мороза стал завербованный советской разведкой предприниматель Альфред Стерн, которому помогала его жена Марта Додд. Гостеприимный особняк этой четы в городе Риджфилде, штат Коннектикут, часто использовался для встреч разведчиков с информаторами.

ЦРУ обнаруживало перехваченное и расшифрованное американцами донесение советской резидентуры руководителю внешней разведки СССР генерал-лейтенанту Павлу Фитину. В документе от 4 января 1945 года говорится о текущих производственных делах и проблемах звукозаписывающей студии:

...ЛУИ (Альфред Стерн. — А. К.) сообщает о различных шагах в деле развития компании и об ошибках по вине ФРОСТА. Он считает необходимым в ближайшее время реорганизовать компанию путем создания следующих отделов (в порядке важности):

1. Производство.
2. Отбор музыки для публикации, исполнителей и граммофонных записей.
3. Продвижение.
4. Распространение.

В отличие от ФРОСТА, ЛУИ считает, что никто из нынешнего персонала не подходит для решения стоящих перед сотрудниками задач. По его мнению, ФРОСТ должен сосредоточить свое внимание на проблемах второго отдела; сам ЛУИ, не зная технологии производства, берет на себя руководство дистрибуцией. Для продвижения продукции требуются большие способности. В настоящее время компания не справляется с проблемой производства, а это означает, что бизнес находится в тупике. В этой области нужен специалист, который мог бы окружить себя опытными звукооператорами, химиками, специалистами по оборудованию и знать рынок.

Очевидно, что советская разведка была в курсе того, как шел бизнес Мороза, — ведь в числе прочих там «крутились» и деньги советских налогоплательщиков. Дело в том, что Мороз уговорил своих кураторов: вложить в его бизнес по

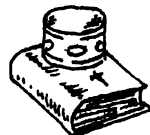
производству фильмов и выпуску грампластинок как минимум 150 тысяч долларов (в те годы это были очень большие деньги). По его словам, это было необходимо, так как американские банки, если брать у них ссуды, контролировали затем движение выданных капиталов (в том числе начисление и выдачу зарплат персоналу), а это нежелательно — ведь приходится трудоустраивать «нелегалов» из СССР. Спорить не стали: выглядело вполне логично.



«Тетради Васильева»

Практически все документы о работе Бориса Мороза на советскую разведку в нашей стране засекречены. Да и в США и Европе о деятельности Фроста — Джона долгое время знали в основном из его интервью, статей и вышедшей в 1959 году в Лондоне и Нью-Йорке книги «Мои десять лет в качестве контр-шпиона» (не переведена на русский язык).

С самого начала к тому, о чем рассказывал и писал Мороз, многие отнеслись скептически, а порой — откровенно насмешливо. Как и многие творческие люди, он был склонен «интереса ради» кое-что домыслить и приукрасить. Газете «Нью-Йорк таймс» Мороз представил себя как человека, который постоянно находился в самых опасных местах и близ самых ловких людей — от Распутина до Лаврентия Бери; утверждал, что был вундеркиндом-музыкантом, учился у Римского-Корсакова, жил в царском дворце...



В интервью американскому журналу «Лук» Мороз рассказывал, что он якобы по указанию Москвы в октябре 1950 года был направлен в Югославию для организации покушения на лидера страны Иосипа Броз Тито. Но за двенадцать минут (!) до запланированного покушения Москва дала «отбой».

Свою книгу Мороз тоже обильно нафаршировал живенько состряпанной беллетристикой. По ее мотивам в Голливуде в 1960 году был снят фильм «Человек на веревочке». Там, впрочем, действие перенесено в Берлин, и относиться к этой ленте можно исключительно как к художественной.

Однако в последние годы появился важный документальный источник, который позволяет заполнить информационные лакуны о сотрудничестве Бориса Мороза с Советским Союзом. Речь идет о «Тетрадах Васильева».

Живущий ныне в Лондоне журналист, писатель, историк, бывший офицер КГБ Александр Васильев был в свое время допущен в офис пресс-бюро Службы внешней разведки России, где ему разрешили в присутствии двух офицеров делать выписки из документов и составлять расширенные конспекты. Предполагалось подготовить пятитомник для американского издательства. Но контракт был расторгнут по финансовым соображениям, и доступ к архивам Васильеву закрыли. В 1996 году он эмигрировал в Великобританию, прихватив с собой цифровые копии многих документов. Позже они были скомпанованы в «тетради», электронные версии которых сегодня выложены на сайте Цифрового архива Центра Вильсона.

На страницах «Желтой тетради № 3» мы находим имена Бориса Мороза и кардинала Спеллмана.

Киносценарист Спеллман

Дружбе этой многие удивлялись: католический кардинал Спеллман и еврей Борис Менделевич Мороз. Не часто такое встречается, даже если вспомнить новозаветное «несть ни элина ни иудея»... Спеллман был щедр на рекомендательные письма, с которыми Мороз легко входил в доверие к крупным политическим и общественным деятелям США и Европы. В 1948 году кардинал помог Морозу в производстве фильма «Карнеги-Холл», который (что редкость!) снимался не в Голливуде, а в Нью-Йорке. Кардинал по этому поводу звонил мэру города О'Двайэру и просил того о содействии своему другу.

Помощь была взаимной: впоследствии Мороз отдал половину чистого сбора премьеры фильма детям-католикам. В свою очередь, кардинал передал через Бориса чек в 10 ты-

сяч долларов для еврейской благотворительной организации «ЮНОТРЕД Джуиш Апил».

Когда Спеллман побывал в Голливуде, встретился там с Морозом и три часа с ним беседовал, это стало сенсацией в кинематографических кругах и порадовало людей на Лубянке.

Негласно, по поручению нашей резидентуры, наблюдавший за Фростом другой советский агент под псевдонимом Чех (американский гражданин Роберт Оуэн Менакер) докладывал:

В области фильмов Спеллман также пытается увековечить свое святое имя... В настоящее время он пишет сюжет (будто бы антифашистский) для фильма, в котором католик должен был быть героем. Спеллман заранее посоветовался с Борисом и спросил его, не сделает ли он этот фильм. Борис согласился, но при одном условии: католик должен быть заменен протестантом, т. к. в Америке католики не популярны. Спеллман похвалил его за смелую и откровенную критику и согласился... заменить католика протестантом.

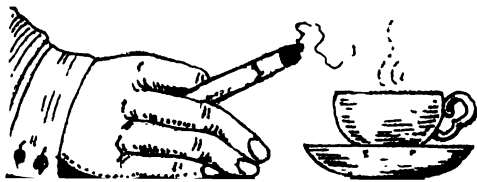
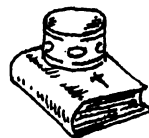


Ошибка резидента

В те годы кардинал Спеллман считался одним из претендентов в будущие папы. Тем важнее для советской разведки были контакты с ним Мороза.

В августе 1948 года в Соединенных Штатах побывал начальник 4-го управления (нелегальная разведка) Комитета информации при Совете министров СССР Александр Коротков. Одной из задач его было изучить работу Фроста — Джона и глубже узнать его характер, проверить надежность как агента.

После встречи с ним и Чехом Коротков выслал в Москву шифротелеграмму, в которой Мороза именует по второму псевдониму — Джон:



В настоящее время Джон является владельцем или главным пайщиком нескольких самостоятельных фирм, главная из которых «Федерал Фильм». Она относится по капиталу и масштабам к среднему разряду. Являясь владельцем кинофирмы, он в то же время создает идеи картин, пишет или составляет для них музыку и руководит их постановкой...

Он в весьма близких дружеских отношениях с кардиналом Спеллманом, принимающим видное участие в политической жизни США и являющимся первым претендентом на тиару в случае смерти Паччелли (папа Пий XII; правильно: Пачелли. — *Ред.*)... Если нас интересует, он может использовать рекомендации Спеллмана и получить аудиенцию у Папы...

Полагаем возможным сделать после первой встречи следующие выводы:

1. Джон представляет из себя полностью американизированного дельца, поднявшегося к среднему уровню благодаря природной энергии, ловкости, хитрости и некоторым организаторским, музыкальным и др. талантам. Он любит хвастануть своим американизмом и чувствует себя в США как дома во всех отношениях. Какие-либо политические и социальные проблемы интересуют его постольку, поскольку они могут касаться сферы его непосредственно коммерческой и творческой деятельности.

2. Одним из главных мотивов его стремлений работать с нами в настоящее время является желание приобрести источник финансирования. Преследует ли он цель обогащения или, как утверждает Чех, славы, имеет, мне кажется, второстепенное значение. Думаем, что играет роль и то, и другое. У Джона осталось некоторое чувство к России, согреваемое прошлой жизнью, учебой, почитанием русской музыки. Его политические воззрения, поскольку они имеются, направлены против реакции. Пока у нас нет каких-либо конкретных данных, указывающих, что Джон намерен нас обмануть с деньгами. Нет также данных, что он подослан к нам американцами (стилистика и пунктуация оригинала сохранены. — *А. К.*).

Доверял Морозу и Василий Зарубин. В одном из своих донесений в Москву он писал (в данном случае используя криптоним агента Фрост):

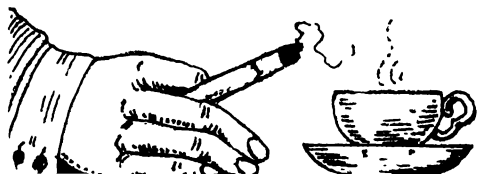
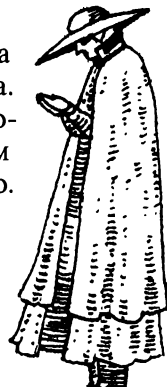
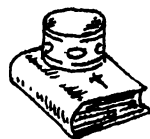
Этому человеку можно целиком доверять наших людей для легализации, но в каждом отдельном случае Фрост должен быть тщательно проинструктирован.

Но и Коротков, и Зарубин, эти опытнейшие разведчики, ошибались. Когда они писали лестные характеристики, Борис Мороз уже был двойным агентом. Еще в 1947 году он начал работать на американское Федеральное бюро расследований.

ФБР осторожно подбиралось к нему несколько лет. Еще весной 1943 года был записан на магнитофон разговор Зарубина с американским коммунистом Стивом Нельсоном. Собеседники обсуждали возможность устройства советских агентов в лабораторию радиационных исследований в Беркли. Магнитная пленка с компроматом легла в досье ФБР на Зарубина. А через три или четыре месяца после этой прослушки руководитель ФБР Джон Эдгар Гувер получил анонимное письмо от советского агента в Вашингтоне, в чем-то сильно разошедшегося со своими московскими кураторами. Аноним указал на Зарубина как на советского разведчика и назвал имена пяти советских агентов, работавших под дипломатическим и коммерческим прикрытием в США. В том числе имя Бориса Мороза.

В ФБР решили не спешить. Лишь в июне 1947 года сотрудник бюро получил указание начать вербовку Мороза. Когда перед Морозом выкатили накопленный на него компромат, он страшно испугался. Немедленно ему был предложен щадящий вариант: оформить явку с повинной. Американцы, однако, поставили перед ним жесткое условие: он должен работать «двойником», то есть продолжать поставлять информацию для СССР, но при этом, разумеется, докладывать ФБР обо всех своих контактах и действиях. Морозу ничего не оставалось, как согласиться.

На Лубянке не подозревали о двурушничестве своего агента и даже пригласили его в СССР для получения инструктажа. Морозу польстило, что в Москве его принял руководитель советской внешней разведки Александр Коротков. Мороз ничем не выдал своего предательства, держался спокойно и уверенно.



Княгиня Волконская учила священника русскому языку

В сентябре 1948 года Борис Мороз, с рекомендательным письмом Спеллмана в портфеле, начал готовиться к встрече с папой римским. У него были в Италии и Ватикане свои творческо-коммерческие интересы, связанные с кино и музыкой, а также задание советской разведки: укрепить контакты в Святом престоле. Подробные агентурные донесения и отчеты из «Желтой тетради № 3» Васильева помогут нам реконструировать события тех дней.

18 сентября Мороз послал телеграмму заведующему приемной Ватикана, графу Энрико Галеацци с сообщением о том, что он и жена отправляются в Рим. Граф не имел религиозного сана, он был просто чиновником административного аппарата Ватикана, но фигурой весьма влиятельной и уважаемой, близким другом и папы римского, и кардинала Спеллмана. Галеацци пообещал устроить гостей подобающим образом.

В понедельник 20 сентября утром Галеацци пригласил Мороза и его жену Екатерину в Ватикан. Беседовали раскованно, за кофе и конфетами.

— Мы очень рады тому, что между вами и кардиналом Спеллманом сложились близкие и доверительные отношения, — Галеацци улыбнулся Борису и Екатерине. — Дружба ваша пойдет на пользу нашим странам и Святому престолу.

— Надеемся и на ваше содействие в этих важных вопросах, — тонко польстил Мороз.

— Вы можете всегда рассчитывать на меня, — подтвердил граф.

После обмена любезностями заговорили о делах кинематографических, о том, что фильмы, спродюсированные Морозом, а особенно те, к которым он написал музыку, популярны в Европе. Галеацци поинтересовался делами сына Мороза — Ричарда, тоже живущего и работающего в Голливуде.

— Мы ведь с ним знакомы лично, — заметил граф. — Два года назад, когда Ричард записывал на пластинки хор Ватикана, мы много и приятно общались. Большой привет ему.

— Непременно! — заверил Мороз.

Разговор продолжился обсуждением ситуации в Венгрии, потом — предстоящих выборов в США. Неожиданно граф резко поменял тему:

— Вы не знакомы с господином Джеймсом Фарли? — спросил он Мороза. — Это один из лучших друзей папы и кардинала Спеллмана.

Морис оживился:

— Как можно не знать такого человека! Мы не близко, но знакомы. В бытность мою директором фирмы «Парамаунт» он заведовал стадионом «Мэдисон Сквер Гарден» и отвечал за развитие бокса... Двадцать лет прошло с тех пор, однако. Теперь он — важная фигура. Если не ошибаюсь, он был избран в свое время председателем национального комитета демократической партии, затем занимал пост министра почты США. А теперь — президент компании «Кока-Кола». Ведь так?

— Да, он покинул работу в правительстве, перешел в бизнес, но не утратил своего влияния на политику. По-прежнему приглашается на совещания в Белом доме. Вот о чем хочу попросить вас, Борис. Попробуйте освежить ваши отношения с Фарли. Это поможет нам в наших общих делах, в том числе в продвижении ваших фильмов и в укреплении влияния Святого престола во всем мире.

— Хорошая идея, — согласился Мороз.

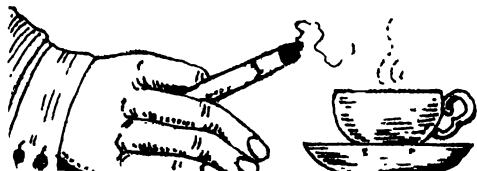
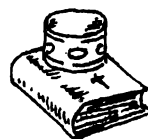
Жена Бориса молчала, слушала внимательно, иногда улыбалась. В разговоре почти не участвовала.

— Скажите, Борис, а вы не встречались с архиепископом Лос-Анджелеса Макинтайром?

— Я знаю его очень хорошо, — последовал ответ.

— Прошу передать ему от меня привет и пожелания всех благ. Он ведь очень дружен с кардиналом Спеллманом... Да, вот еще о чем я хотел бы вас спросить: кардинал Спеллман никогда не разговаривал с вами по-русски?

Борис Мороз вопросительно посмотрел на графа — не шутит ли тот.



— Да-да, не удивляйтесь, он неплохо знает русский. Когда кардинал жил в Ватикане, его личным секретарем была княгиня Волконская. Она и научила Спеллмана языку Толстого и Достоевского. Кстати, княгиня Волконская и поныне приносит нам в Ватикане большую пользу.

— К сожалению, лично не знаком с княгиней. Но знаю о ней и ее брате, Владимире Волконском, бывшем члене Государственной думы царской России. Он, кажется, живет сейчас во Франции.

Борис Мороз не подал вида, но обида царапнула: вот уже сколько лет он общается с кардиналом Спеллманом, а тот даже не намекнул на то, что знает русский язык.

Между тем Галеацци продолжал:

— Ну что ж, дорогие друзья, я попрошу у вас скоро разрешения удалиться. Дела зовут. И потому хочу у вас узнать: желаете ли вы быть принятыми Его Святейшеством?

Гости подтвердили свое желание встретиться с понтификом.

Изложив в рапорте ключевые моменты этой беседы (со слов самого Мороза), советский агент Тихон резюмировал:

...Считаю, что наставление, данное Галеацци Джону подружиться с Джеймсом Фарли, заслуживает нашего внимания. Фарли играет, безусловно, огромную роль в аппарате (закулисном) мистера Трумэна. Но вместе с тем, он возглавляет крайне реакционное крыло демократической партии... Ныне в роли президента «Кока-Кола Ко» и закулисного махинатора с огромным опытом и крупнейшими связями в капиталистических кругах и в католической церкви, он, Фарли, может, конечно, дать нам ценную информацию. Если Джону удалось бы влезть в эти круги Джеймса Фарли, то мы бы знали очень много.

Визит к папе

Во вторник, 21 сентября, Борис Мороз послал корзину цветов супруге графа Галеацци. На следующий день он и Екате-

рина получили официальное приглашение на прием к папе в пятницу, 24 сентября 1948 года, в 11.15.

Точно в назначенное время они уже ждали аудиенции в секретариате папы римского. На пригласительном билете было указано: содержание беседы не должно быть разглашено посторонним людям. Худошавый работник секретариата в черной сутане сухо попросил Бориса вернуть пригласительный билет.

В 11.30 Борис и Екатерина уже беседовали с понтификом в Папской библиотеке в Апостольском дворце, в окружении книжных шкафов и гобеленов. Беседа, как и с Галеацци, шла на английском:

— Я только что кончил перечитывать «Войну и мир». До сих пор мир не понял Толстого, — с грустью рассуждал понтифик. — А разве по-настоящему понят Достоевский?..

Мороз отметил про себя, что папа, вероятно, не случайно начал беседу с ними с разговора о русской литературе. Вскоре беседа органично перетекла на тему «страшного СССР сегодняшнего дня».

Папа римский убежденно заявил:

— Все усилия, вся энергия всех мыслящих и интеллигентных людей должны быть направлены к одной цели: постоянно указывать миру на нынешнюю, коммунистическую, Россию и бороться с ней всеми средствами.

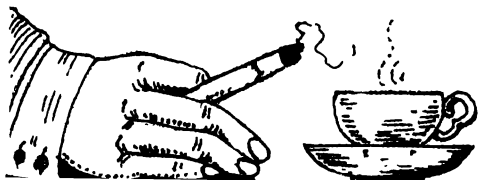
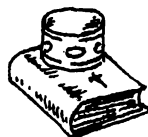
Потом, уже с другими интонациями, заговорили о кино. Понтифик посоветовал Морозу усилить позитив в продюсируемых им фильмах:

— Больше элемента всепобеждающей веры — вот что надо внести в картины Голливуда.

— Безусловно, вы правы, Ваше Святейшество. Американское кино не может позволить себе подрывать в людях веру в правду, справедливость и достоинство человека. Недавно об этом, кстати, я говорил с кардиналом Спеллманом...

— Это достойный человек, я люблю его. — Глаза папы римского потеплели, загорелись. — У вас в Америке много достойных людей. Взять хотя бы Джеймса Фарли...

Ну вот, теперь и сам понтифик заговорил об этом человеке... Для чего-то Джеймс Фарли нужен Римско-католической



церкви, подумал Мороз. И словно отвечая на его незаданный вопрос, папа римский развил свою мысль:

— Джеймс Фарли — это не только кока-кола, это, прежде всего, политика. Когда такие люди на твоей стороне — любой политический деятель чувствует себя увереннее.

Всесторонне изучить объект вербовки и доложить

Вскоре после возвращения в США Мороз получил от Василия Зарубина задание: всесторонне изучить Спеллмана как объект вербовки и составить о нем подробный отчет. Вскоре его отчет лег на стол Зарубина, а потом ушел в Москву. Этот документ настолько примечателен, что не грех процитировать его с минимальными купюрами и сохранением стилистики:

Знакомство мое со Спеллманом началось лет 8–9 тому назад, когда он получил большое кол-во не предназначенных для продажи граммофонных записей сикстинской капеллы Ватикана. Эти записи не имели ярлыков, и к ним не был приложен перечень с наименованием произведений. Спеллман вызвал своего старшего органиста из собора св. Патрика (St. Patrick's Cathedral), который также не смог назвать все произведения. В Америке известно, что я хорошо знаком с литургической музыкой всех религий, и поэтому кардинал обратился ко мне по телефону за помощью. Я выразил желание удовлетворить его просьбу, и с этой целью ко мне приехала любимая племянница кардинала — Кэтлин. Я без особых трудностей перечислил все записи, и в течение визита Кэтлин в Голливуд мы стали хорошими друзьями.

Затем кардинал обращался ко мне за советом о выборе и назначении органистов для больших соборов Нью-Йорка, а позже стал со мной делиться своими литературными и поэтическими «творениями». Впоследствии стало правилом, что с каждым своим визитом в Нью-Йорк я должен был у него обедать.

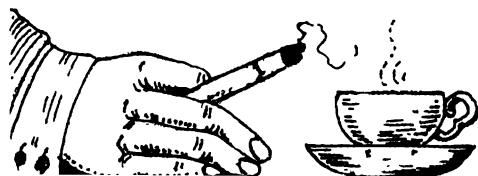
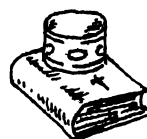
Спеллман родился в семье бедных родителей в Лоуэлл, Массачусетс (Lowell, Massachussets). Сейчас ему около 57 лет. В юности отличался в спорте, был хорошим бейсболистом. Не знаю обстоятельств и причин его перехода в религию, но знаю, что, будучи епископом, Спеллман был секретарем и помощником кардинала Пачелли (теперешний папа римский), который тогда являлся министром иностранных дел при Ватикане. В то время Спеллман учил Пачелли говорить по-английски, а Пачелли учил Спеллмана говорить по-итальянски.

Кардинал Спеллман имеет двух братьев и одну сестру. Оба брата — Джон и Мартин — доктора, окончившие Гарвардский университет. Я мало знаю Джона и сестру, но чрезвычайно интимно дружен с Мартином. Мартин много пьет, курит, ругает всех и вся и совершенно не верит в бога. Мартин, никчемный доктор в Бостоне, имеет большую семью. Поэтому он и пользуется связями кардинала, чтобы увеличить свой доход, которого ему всегда не хватает для оплаты «высокого положения и образа жизни», который ему будто бы подобает вести из-за положения брата-кардинала и для оплаты постоянных грандиозных выпивок. С др. стороны, Мартин является любимым братом кардинала, и семья Мартина, в особенности дочь Мартина — Кэтлин, любимейшие родственники кардинала. Именно для Мартина я и организовал поездку моего сына Ричарда в Ватикан, чтобы записать на коммерческих пластинках сикстинскую капеллу с целью получения дохода для Мартина (фирма носила частный характер и имела название «Records Editions Limited»).

Когда Кэтлин, сама доктор, влюбилась в др. доктора — но протестанта, я был заступником семьи и должен был уговорить кардинала не только отнестись дружелюбно к этому роману, а затем и браку, но и уговорить его приехать в Вашингтон и дать свое личное благословение...

Мне легко удалось выполнить эту просьбу Кэтлин, несмотря на то, что Спеллман ярый враг протестантов, и это было его первым посещением протестантской церемонии.

Кардинал часто демонстрировал свою симпатию, дружбу и привязанность ко мне. Так, когда два года тому назад он приехал на похороны архиепископа в Лос-Анджелес, оставался там только один день, он посетил меня дома и, не застав ме-



ня, ждал более двух часов, чтобы только со мной повидаться. Также, когда я встретился с затруднениями в Нью-Йорке при съемке новой последней картины из-за недостатка мощности энергоснабжения, кардинал, по моей просьбе, через ирландца Мэк-Каллаэна — председателя управления всеми подземными электрокабелями Нью-Йорка устроил так, что были выкопаны улицы на протяжении 11 больших кварталов в центре Нью-Йорка и около 400 человек работали день и ночь для того, чтобы обеспечить мне соединение с резервной электрической станцией. В результате я получил всю необходимую энергию и начал съемку картины вовремя. Платить за это мне не пришлось. Я, в свою очередь, организовал просмотр картины в Нью-Йорке и передал весь доход первого вечера (входные билеты по цене 100 долларов) в размере 63 000 долларов кардиналу для его «любимого благотворительства».

Кардинал живет в Н-Й (Нью-Йорке. — А. К.), угол 50 улицы и Мадисон Авеню. Дом этот называют среди населения «Пауэр Хауз» (The Power House), то есть дом власти или дом огромной силы. Нет сомнения в его колоссальном влиянии на внутреннюю и внешнюю политику США. Его самые близкие люди и в то же время находящиеся в абсолютном подчинении у него Джон Кеннеди (John Kennedy), бывший посол США в Англии, и Джеймс Фарли (James Farly), бывший национальный председатель демократической партии, которого Рузвельт постепенно отстранил от себя...

И Фарли, и Кеннеди оба отщепенцы старой рузвельтской гвардии, но абсолютные изменники рузвельтских идей, — являются советниками кардинала в его политической линии и в то же время его финансовые сотрудники. Богатства Ватикана в США увеличиваются ежегодно и многократно из-за новых налогов. Плательщикам больших налогов очень выгодно дарить церкви большие состояния (вероятно, речь идет о налоговых льготах дарителям. — А. К.). Финансовыми руководителями вот этих-то состояний и являются Фарли и Кеннеди.

Самая большая слабость Спеллмана — это тщеславие. Он должен видеть свое имя в газетах и журналах ежедневно. Две девушки только и делают, что собирают ежедневные вырезки из газет. В моих визитах к нему я заметил очень странную де-

вушку, которой он разрешает приходить в его личный кабинет на втором этаже. Он мне ее представил как своего литературного агента, но, поскольку я заметил, она служит больше чем в одной роли. Я не сомневаюсь в том, что она прежде всего его «литературная тень», и, поскольку мне помнится, ее зовут Ольга Альгази. (Я никогда не видел ее имени в печати и произношу [ее имя] только фонетически.) Что можно подозревать и больше о ней, можно судить по тому, что никто из его родственников — братья и сестры — ее не любят. Она и мне никогда не была симпатична, хотя представляет из себя пикантную женщину лет 35, с прекрасным английским языком, но, очевидно, иностранного происхождения...

Ольга — единственная женщина, имеющая право приходить в личный будуар Спеллмана в любой час дня и ночи. Ольга является представителем для всех переговоров по продаже его статей и рассказов в журналы, книжные магазины и для передачи по радио. Из объяснений Спеллмана я понимаю, что Ольга получает от этого 10%, из которых составляет достаточный для нее доход...

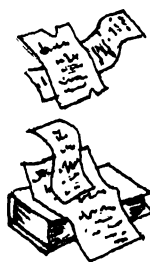
Спеллман показывал еще у себя в кабинете телефон, который без оператора связан непосредственно с Белым домом, и говорил, что при Рузвельте он пользовался часто этим телефоном, а после смерти Рузвельта по этому телефону с ним поддерживают связь Трумэн и Чейнс Бирнс (имеется в виду Джеймс Фрэнсис Бирнс — государственный секретарь США в 1945–1947 годах. — *Ред.*).

Последние годы председатель демократической партии Макграт, который сейчас стал министром юстиции, поддерживает тесную связь со Спеллманом.

Вся связь Спеллмана с папой римским поддерживается не по почте, а специальными курьерами и по телефону, которым, кстати сказать, сам папа не любит пользоваться...

Дом Спеллмана является одновременно и его конторой. Контора помещается на втором этаже... Личный шофер Спеллмана — Том. Спеллман имеет кухарку и 3–4 горничных-девушек, что довольно странно видеть у католического священника...

Спеллман встает ежедневно в 7–8 часов утра. Прием посетителей начинается около 9 часов. В это время Спеллман принимает



заведующего консисторией, приезжающих из других церковных приходов епископов, которых у него имеется одиннадцать. Прием епископов происходит также на «ланче» в 1–2 часа дня. Обедает Спеллман в 6 часов. Не думаю, что он спит днем. После обеда он гуляет один час, обычно ходит пешком от 50 авеню до улицы. Там он часто посещает недавно подаренный ему приют, находящийся между 100 и 103 улицей. Во время своих прогулок Спеллман одет в черную рясу с белым воротником, носит черную шляпу. В это время все встречные приветствуют его, а полицейские останавливают движение и переводят под руки через улицу. Спеллману это очень нравится...

Все католики США, в том числе и сам Спеллман, мечтают о занятии им папского престола. Очевидно, это согласуется и с желаниями правительства США. Все родственники Спеллмана также мечтают об этом в предвидении новых выгод и с нетерпением ждут смерти нынешнего папы. Правда, по признанию Спеллмана, это вызовет некоторую борьбу в коллегии кардиналов, т. к. во всей истории католической церкви только в 15 веке был один папа, говоривший по-английски. Все остальные были итальянцы.

«Я дал ему возможность говорить без перерыва»

В четверг, 19 апреля 1951 года, двойной агент Борис Мороз прибыл в Нью-Йорк и остановился в гостинице «Вальдорф-Астория». Около 17 часов он направлялся пешком к себе в гостиницу. Когда он пересекал 48-ю улицу от 5-й Авеню к Мэдисон- и Парк-авеню, то вдруг почувствовал, что его кто-то сзади дружески похлопывает по плечу. Борис оглянулся и увидел улыбающегося кардинала Спеллмана. Тот не скрывал радости:

— Борис, очевидно, Бог хотел нашей встречи, ибо я старался тебе дозвониться, чтобы ты завтра пришел на обед. Пожалуйста, устрой так, чтобы ты мог провести со мною два или три часа.

Мороз во время обеда чувствовал себя белой вороной: он единственный был в штатской одежде, остальные приглашенные в кардинальской трапезной были членами его епархии, епископами, и одеты они были соответственно своим чинам.

Неловкость прошла, когда после обеда кардинал попросился с другими приглашенными и поднялся с ним на второй этаж резиденции.

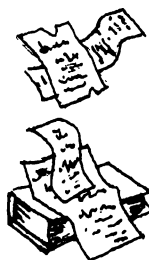
За кофе поговорили о здоровье, брате Spellmana Мартине, племяннице Кэтлин. Потом перешли на злободневную тему: увольнение генерала Дугласа Макарута, который командовал войсками ООН в Корейской войне и внезапно был отправлен в отставку президентом США Гарри Трумэном из-за разногласий между ними во взглядах на дальнейшее ведение войны.

В своем отчете советской разведке Борис Мороз воспроизвел практически полностью речь Spellmana, заметив по этому поводу: «Я дал ему возможность говорить без перерыва».

— Это самая большая трагедия в истории США, — начал свой монолог Spellman. — Нет сомнения, что генерал Макарут олицетворял настоящего стопроцентного американца и только такой гениальный полководец мог бы навсегда ликвидировать красную опасность. Нет сомнения также, что его стратегия и была самая правильная. Надо уничтожить базы китайцев вблизи Кореи. Нельзя никоим образом считаться с интересами Великобритании. Тем более что, по моим сведениям, программа изготовления орудий на восемь месяцев опередила себя. Считаю, что это единственная правильная программа по отношению ко всей красной опасности! Наступательная, без ограничений характера разрушений.

Мороз слушал внимательно: от кардинала исходила очень важная информация для СССР; одновременно он готовился сообщить ФБР о том, что именно он напишет в отчете резиденту советского МГБ.

— Ты ведь видел, Борис, какой популярностью пользуется наш национальный герой! — Spellman продолжал восторгаться Макарутом. — Ты же своими глазами видел, как все епархиальные школы были закрыты в день приезда



генерала в Нью-Йорк. Каждая католическая школа разместила портрет генерала на своем здании. Каждый католический священник призывал своих прихожан присоединиться к празднеству... Признаюсь, я это тяжело переживаю — имею в виду отстранения Макарура. — Spellman вздохнул, отпил глоток воды из высокого стакана и продолжил: — Вот ведь как получается... Как ты, вероятно, помнишь, Борис, давно укоренилась традиция ирландцев, итальянцев и всех других католиков голосовать и поддерживать Демократическую партию. Теперь же, из-за глупой антиамериканской политики теперешнего правительства в Вашингтоне, мне пришлось выдвинуть ультиматум Трумэну. И, вероятно, если он не предпримет более агрессивные меры к внутренним и внешним врагам, то все католические голоса от Демократической партии уйдут. Католики перестанут ее поддерживать. Вряд ли это понравится Трумэну и его сторонникам.

Spellman показал рукой стоявший на столе белый телефон.

— А ведь это, Борис, не просто телефон. Когда-то это была прямая связь с президентом, и я часто общался с Рузвельтом. А теперь по этому телефону чаще всего никто не отвечает. Но если я упорно продолжаю названивать, то трубку на том конце берет какой-нибудь мелкий и ничего не решающий секретаришка, и я должен ему объяснять цель своего разговора с президентом. Как тебе нравится такое отношение к держателю 30% голосовотирующих в США?

— Абсолютно не нравится, — ответил Мороз сочувственно.

Spellman сокрушенно покачал головой, тяжело вздохнул:

— Республиканцы, конечно же, довольны этим положением... Если же Трумэн продолжит упорствовать — то нам, католикам, придется уйти от демократов, и надолго. Другого выхода не вижу...

Борис отметил: его собеседник волнуется во время разговора, даже немного заикается, что бывало, когда он нервничал. Spellman снял белый воротничок и черную шелковую манишку. Промокнул белоснежным платком бусинки пота на лбу. Все эти детали Мороз не преминул вставить в свой рапорт советскому резиденту.

С прицелом на папский трон

Борис Мороз продолжал общаться с кардиналом и докладывать об этих встречах сразу двум «заказчикам»: советской разведке и ФБР. И тех, и других интересовали перспективы Спеллмана занять высший пост в Римско-католической в церкви. В феврале 1951 года Мороз письменно рапортует советскому резиденту:

У Спеллмана специальное задание от Ватикана — увеличить количество католиков в Северной Америке. Усилия и пропаганда направляются на богатый класс и будто бы за последние три-четыре года новые приверженцы католицизма составляют два с половиной миллиона. У Спеллмана имеется специальный бюджет для этой цели, который, конечно, легко оправдывается в случае успеха.

Если Трумэн еще надеется на перевыборы, ему очень важно иметь на своей стороне Спеллмана. Последний фактически контролирует католические голоса Америки. Трумэн до последнего момента не перестанет флиртовать со Спеллманом, а с другой стороны, и Спеллман следит за силой каждой группы с сильным кандидатом и не пропустит случая вовремя присоединиться к той группе, которая окажется победителем. В этом смысле интересно следить за симпатиями Спеллмана постоянно, ежедневно, ибо его знание политической конъюнктуры будет безошибочным.

Опыт католических голосований доказал это в прошлом. Все чаще и чаще Спеллман начинает упоминать факт очевидно бесспорный — что он будет папой римским. На моем последнем свидании с ним Спеллман показал мне письмо от папы римского, написанное лично его рукой. Письмо он вынул из большой пачки (личные письма папы римского к кардиналу Спеллману), объяснив все политические ходы, которые Спеллман должен предпринять, чтобы не иметь затруднений от всемогущего духовенства итальянского происхождения. Вся тактика сейчас готовится самим папой, вся программа готовится графом Энрико Галеацци.



На Лубянке понимали, что в том случае, если Спеллман возглавит Римско-католическую церковь, то в ближнем круге нового папы окажется агент МГБ Фрост, и прощали Морозу некоторую неряшливость в делах, даже некоторое нарушение конспирации. Но просили все же быть повнимательнее.

Патефонные пластинки в цветном переплете

В Москве было решено передать Борису дополнительные указания по усилению конспирации. Были разработаны новые условия связи с Фростом — Джоном: он должен прогуливаться около дома по оговоренному адресу в 15.00 первый вторник каждого месяца, начиная с мая 1952 года, и под мышкой левой руки держать альбом патефонных пластинок в цветном переплете какой-либо модной оперетты в Нью-Йорке.

Утвердили пароль и отзыв:

Пароль: o Please, did you hear these records? (Будьте любезны, вы слушали эти записи?)

Ответ: No, I just bought them at the Liberty on Madison avenue. (Нет, я только что купил их в Либерти на Мэдисон-авеню.)

2-я часть пароля: O.K. Let's hear them together, John. (О'кей. Давайте послушаем их вместе, Джон.)

Мороз продолжал использовать свои встречи со Спеллманом для получения информации об отношениях между США и другими странами. Он поставлял ценные данные о противоречиях внутри правящей американской элиты, о планах и намерениях США в отношении СССР, Японии, Германии и стран «народной демократии». Советской разведке требовались сведения об отношениях США с ООН, а также информация по атомной проблеме.

Борис Мороз еще пять лет исправно снабжал Лубянку ценными сведениями. А в 1957 году случилось то, чего никак не ожидали в МГБ СССР.

Ассошиэйтед пресс уполномочено сообщить...

В январе 1957 года были арестованы находившиеся в контакте с Морозом супруги Джек и Майра Соблы и Джекоб Олбем. Им были предъявлены обвинения «в стоворе с рядом высокопоставленных советских официальных лиц с целью добыть информацию, имеющую жизненно важное значение для обороны США». Проще говоря, их обвинили в шпионаже. В августе Майра Собл и Джекоб Олбем получили по решению суда по пять с половиной лет тюремного заключения. В сентябре последовал такой же приговор Джеку Соблу. Мороз понял, что ждать больше нельзя, пора доставать белый флаг.

Сообщение Ассошиэйтед пресс потрясло многих в СССР, США, Ватикане и других странах:

12 августа 62-летний кинорежиссер, родившийся в России, Борис Моррос (возможно — Мороз), отбросил установленный им самим железный занавес и впервые раскрыл свою роль, которую он играл в течение 12 лет как контршпион, действовавший против советской России.

Начались, с активной помощью Мороза, разоблачения. Были арестованы несколько советских агентов, в основном граждане США. Сдал Борис также нескольких сотрудников лос-анджелесской резидентуры, которых знал в лицо.

Компаньоны по бизнесу Мороза — Альфред Стерн и его жена Марта Додд Стерн — оказались предусмотрительнее других: они покинули Соединенные Штаты еще в 1953 году, вероятно, почувствовав в Морозе потенциальную опасность. Борис рассказал американским властям и о них; обвинения Стернам были выдвинуты заочно.



В сухом остатке

Как оценить деятельность Мороза в качестве советского агента?

Справедливости ради надо сказать, что определенные услуги нашей разведке Мороз оказал до того, как стал «двойником», в первую очередь в деле легализации прибывших агентов.

Остальная его работа шла под наблюдением ФБР, поэтому американские спецслужбы знали о том, какие секреты стали достоянием Москвы, что, конечно, снижало качество этих разведанных. Но даже тогда, когда он уже работал на ФБР, информация о ситуации в высших эшелонах власти в США, в офисе кардинала Спеллмана и в папской резиденции в Ватикане была для советских властей важной и полезной.

В ЦРУ, разумеется, знали, что советская разведка «пасет» Спеллмана. Так что не стоит удивляться тому, что упоминание кардинала сбитым летчиком Паэурсом во время суда в Москве вызвало у американской спецслужбы пристальный интерес.

Борис Мороз умер в Нью-Йорке 8 января 1963 года. Кардинал Спеллман скончался в Нью-Йорке 2 декабря 1967-го. Он так и не стал папой римским. Впрочем, план советской разведки по внедрению своего агента в ближайший круг понтифика все равно провалился.

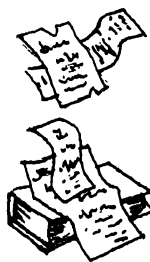
Проект «Континентального союза»

Друг сиамского принца

Через несколько дней после того, как в Москве праздничным салютом отгремели тридцать залпов из тысячи орудий в честь Великой Победы, в Вене американская военная контрразведка задержала и отправила в концлагерь Дахау венгерского консула в Австрии Ференца Вайту. Ему грозил суд как нацистскому приспешнику и военному преступнику.

Но Вайте повезло: он подружился в концлагере с наследным принцем Сиама. Когда в один прекрасный (для Вайты) день в Дахау проходила английская инспекция, члены которой решили освободить наследного принца, сиамец замолвил словечко за товарища по несчастью. К просьбе принца прислушались, и вскоре оба вышли за колючую проволоку, и более их пути никак не пересекались.

Впрочем, Вайта, возможно, оказался бы на свободе и без протекции наследного принца. К нему, как выяснилось позже, присматривались сразу три спецслужбы — Франции, Англии и США: им требовался человек, которому по силам было бы взяться за дело в буквальном смысле континентального масштаба — переформатировать подзабытый в годы войны суперпроект под названием «Интермариум».



От моря до моря

У этого проекта было и другое, более понятное славянам название — «Междуморье». Автор его — глава Польского го-

сударства Юзеф Пилсудский. После Первой мировой войны он предложил европейскому сообществу проект конфедеративного государства, которое включало бы Польшу, Украину, Белоруссию, Литву, Латвию, Эстонию, Молдавию, Венгрию, Румынию, Югославию, Чехословакию, а также, возможно, Финляндию. Конфедерация должна была простираться от Черного и Адриатического морей до Балтийского, отсюда и «Междуморье», оно же — «Интермариум». Пилсудский и его сторонники видели в «Междуморье» противовес доминированию Германии и СССР в Центральной Европе.

Идея польского маршала натолкнулась на резкий протест СССР и всех западных держав, за исключением Франции. А вскоре война вытеснила «Интермариум» с повестки дня: государства, которые должны были стать членами суперконфедерации, оказались в зоне влияния либо Советского Союза, либо нацистской Германии.

В очередной раз ситуация изменилась в 1945 году, когда рейх был повержен. Мировые позиции СССР становились все прочнее. Боязнь советской идеологической и, возможно, территориальной экспансии реанимировала идею «Междуморья» в странах, которые еще недавно были нашими союзниками по антигитлеровской коалиции. Наступали зябкие, скользкие и опасные годы холодной войны.

Кандидат устроил всех

Ференц Вайта был очень информированным человеком, поднатюрившим в сложных многоступенчатых интригах. Выпускник Сорбонны, он начинал свою карьеру как острый и энергичный журналист. Позже, с 1930-х годов, начал работал в Министерстве иностранных дел Венгрии, занимался проблемами эмигрантов.

Во время Второй мировой войны, будучи близким к национал-социалистической «Партии скрещенных стрел», Вайта публиковался в газетах фашистского толка, разил острым ядовитым публицистическим пером коммунистов,

евреев, американцев и всех, кто не нравился Гитлеру и профашистским властям Венгрии. Из Вены его часто отправляли со специальными и секретными миссиями в Берлин, Стамбул и балканские страны, которые в то время активно сотрудничали с немцами. Вхожий во влиятельные круги, он умело добывал информацию во время вечеринок и светских раутов.

В конце войны Вайта занял должность консула в Вене. Главными его задачами стали вывоз из Венгрии промышленного оборудования и прокладка путей для беженцев — тех венгерских бизнесменов и аристократов, кого страшил приход Красной Армии. Вайте удалось отправить в Германию 7000 железнодорожных вагонов, загруженных машинами и заводскими конвейерными линиями, и вывезти многих венгерских буржуа. Вывезенное из Венгрии оборудование весьма кстати пришлось после войны и союзникам, и нам: часть его ушла в СССР по репарации.

Связи у Вайты были обширные, и после чудесного освобождения из концлагеря он пристроился в Ватикане, в службе помощи беженцам, которую курировал епископ Алоиз Худал. Возглавлял эту службу отец Тибор Галлус, а оформлением виз для беженцев в Аргентину и Канаду занимался отец Ференц Луттор. Со всеми ними у Вайты сложились хорошие отношения, что впоследствии ему пригодилось. Обзавелся Вайта и крепкими связями с иерархами Ватикана, а также с кардиналами европейских стран.

Все это время, надо полагать, за ним наблюдали со стороны, и вот наступил день, когда ему последовало предложение, от которого он не смог отказаться. Сначала с ним беседовали сотрудники французской и английской разведок, позже к вербовке присоединились офицеры Корпуса военной контрразведки Армии США. Речь шла о проекте создания организации, которая должна была прийти на смену «Междуморью» — «Интермариуму». Выбор у Вайты был невелик: или принять предложение, или, скорее всего, вернуться в лагерь и ответить за свои прошлые дела.

Вскоре проект получил название — «Континентальный союз». Но поначалу за помощью и содействием к государствен-



ным мужам и католическим иерархам европейских стран Вайта обращался от имени «Интермариума», этой практически уже не существовавшей организации. Но достаточно было того, что ее название еще оставалось на слуху.

Под колпаком ЦРУ

Довольно быстро миссия Вайты перешла под общий контроль ЦРУ. И когда в 1947 году он был задержан в Риме прямо на улице, ЦРУ приложило руку к его освобождению. Об этом в рапорте ЦРУ сообщается следующее:

В апреле 1947 года ВАЙТА был арестован Римской квестурой по требованию коммунистического венгерского поверенного; правительство Будапешта потребовало его выдачи в качестве военного преступника. ВАЙТА был в конечном итоге освобожден итальянцами, но ему сказали: «Исчезни». Полиция некоторое время хранила его документы, и он скрывался у иезуитов до тех пор, пока не забрал свои документы. 1 сентября 1947 года МИД Италии издал приказ об экстрадиции ВАЙТЫ, но молодой американский офицер СИС, действовавший неофициально, помог ему скрыться на SS «Ciudad de Valencia» (вероятно, речь идет от теплоходе. — А. К.), следовавшем из Генуи в Барселону. ВАЙТА прибыл в Мадрид.

Мадрид становится своего рода базой для деятельности Вайты. В декабре 1947 года в штаб-квартиру ЦРУ поступает информация о том, что «субъект» совершил две деловые поездки: на Капри и в Париж. Говорится также о том, что Вайта поддерживает связь с Тибором Галлусом и Ференцем Лутгором, а также с религиозным писателем, венгерским эмигрантом, уехавшим в 1945 году в США, Жолтом Аради. Эмигрант-писатель должен был обеспечить, как сказали бы сегодня, информационную и пропагандистскую поддержку проекту.

Инструкции от военной контрразведки

Архив ЦРУ обнародовал кое-что из переписки Вайты со своим куратором — офицером Корпуса контрразведки армии США Вильямом Говеном. Вот примечательный отрывок из письма от 1 октября 1947 года. Адресант и адресат обращаются друг к другу по псевдонимам, но мы эти фрагменты писем опускаем, чтобы не запутать читателей. Вильям Говен предлагает Ференцу Вайте:



Вы должны сказать испанцам, что было бы неплохо создать Средиземноморский институт в Барселоне. Таким образом, можно будет рассчитывать на то, что в наших руках окажется множество людей, которые войдут в состав «Континентального союза».

Целью этого института стало бы объединение всех средиземноморских сил для защиты безопасности и независимости Средиземноморья...

Было бы хорошо, если бы этот институт был создан не в Мадриде; думаю, Барселона лучше подошла бы для этого.

Там будут специальные разделы:

- a. Защита католической религии;
- b. Защита мусульманской религии;
- c. Танжер (крупный портовый город на севере Марокко. — А. К.);
- d. Триест (город в итальянской области Фриули-Венеция-Джулия. — А. К.);
- e. Дарданеллы;
- f. Ближний Восток, с особыми интересами (через ФАРУКА) в Палестине (упоминается король Египта и Судана Фарук I. — А. К.);
- g. Итальянские средиземноморские колонии;
- h. Греция.

В конце концов даже Турция может войти...

Я знаю, что Испания делает много важного для мусульман; думаю, что это (то есть вхождение в «Континентальный союз». — А. К.) будет идеально для их интересов, а также для наших...



Помощь светских властей и священников

Вайте активно помогали испанские власти и католические священники высокого ранга. В рапорте ЦРУ от 20 ноября 1947 года говорится:

Монсеньор НИШТОР прибыл из Рима в воскресенье, чтобы обсудить организацию «Континентальный союз» с министром иностранных дел Испании АРТАХО. По прибытии НИШТОР был приглашен на обед вместе с ШУМЛАКОВСКИМ, ВАЙТОЙ и ЛОХЕНДИО (который представляет Информационную секцию Министерства иностранных дел Испании), для обсуждения планов на будущее. В понедельник или вторник (24 или 25 ноября) НИШТОР должен увидеться с АРТАХО. АРТАХО уже дал указание ЛОХЕНДИО поддержать «Континентальный союз» вместо группы «Интермариум», поскольку тех поддерживают британцы и масоны...

Упомянутые в рапорте Золтан Ништор и Марьян Шумлаковский — не последние люди во всей этой истории. Ништор — венгерский богослов, писатель, издатель, некоторое время после войны живший в Испании (в рапорте его называют главой пресс-службы Ватикана, однако документальных подтверждений того, что он какое-то время занимал этот пост, нет. — А. К.). Шумлаковский — близкий помощник Вайты и его старинный друг. Он родился в России и в 1920-х годах некоторое время занимался журналистикой в Киеве, а в годы Второй мировой войны был министром польского правительства в изгнании, которое базировалось в Лондоне.

Работавший, помимо французской и американской, и на английскую спецслужбу, Вайта вовсе не был смущен антибританскими настроениями испанцев. Достаточно было, что они помогали ему на этом этапе — а дальше будет видно. Он вел активную переписку с послом Польши в Ватикане Казимежом Папе, который всячески поддерживал своего друга Ференца. Теплые письма с дружескими советами слал ему бывший посол Словакии в Ватикане Карол Сидор, а также

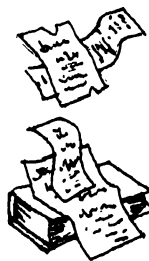
многие влиятельные лица высокого уровня, которые в свое время ориентировались на «Интермариум», а теперь постепенно вовлекались в новый проект.

Вскоре при поддержке испанских и французских властей и при содействии Ватикана (в том числе финансовой), начали вырисовываться контуры новой организации. Под руководством Вайты возникли ее филиалы в Инсбруке, Фрайбурге, Париже, Боцене, Риме. В эту сеть были вовлечены в значительной мере члены ордена иезуитов, которые в качестве агентов Ватикана действовали в государствах, попавших под контроль СССР после Второй мировой войны.



9 января 1948 года в рапорте сотрудника ЦРУ приводится отчет «источника», имя которого не раскрыто, о его встрече с Вайтой, Ништором и Шумлаковским на квартире последнего:

...Монсеньор НИШТОР рассказал о своем пребывании в Риме, где, по его характеристике, сложилась ситуация, крайне опасная для антикоммунистических иностранцев-европейцев, особенно венгров. Он заявил, что в течение последнего месяца было совершено восемь похищений его соотечественников в пределах самого Рима и что русские службы становятся все смелее с каждым днем. Г-н ВАЙТА сообщил мне, что в соответствии с планом все трое присутствующих призвали министра иностранных дел Испании обсудить вопрос о создании антикоммунистического восточноевропейского центра в Мадриде... Г-н ВАЙТА сообщил, что монсеньор НИШТОР будет вести будущие переговоры о «Континентальном союзе»... вместе с г-ном ШУМЛАКОВСКИМ...



Организаторы проекта пришли к выводу, что настало время заручиться поддержкой высокопоставленных влиятельных церковных и светских деятелей США. 16 декабря 1947 года Вайта прибывает в Нью-Йорк с дипломатической визой, выданной американским консульством в Мадриде, и встречается с кардиналом Фрэнсисом Спеллманом, потом — с американским иезуитом Джоном Лэфаржем и рядом политиков из числа венгерских эмигрантов.

Но этот визит был роковой ошибкой. Все карты спутала свобода слова: в американской прессе появились статьи, в которых Вайту именовали пособником Гитлера и венгерского диктатора Ференца Салаши, проповедником идеологии и практики Холокоста и других преступлений. Вслед за этим венгерские власти вновь потребовали его экстрадиции — на этот раз у США.

На выручку другу и соратнику бросился отец Золтан Ништор. 13 января 1948 года, защищая друга и соратника, он отправил в посольство США в Мадриде письмо, в котором говорилось:

...Он никогда не был ни нацистом, ни членом «Скрещенных стрел»; напротив, главным объектом его газетных публикаций всегда была экспансия «Скрещенных стрел» и крайне правых. По этим причинам я вступил с ним в самые тесные связи, и мы достигли соглашения о том, что я должен был написать десять больших принципиальных статей для его газеты с такой ориентацией. К сожалению, продвижение немецкой армии помешало этому.

То, что теперь его называют... как это делает эмигрантская венгерская пресса, — настоящим нацистом, убийцей, грабителем и т. д., не является чем-то новым, поскольку все бывшие журналисты, не симпатизирующие коммунизму и социал-демократии, именуются именно так...

Тихая жизнь в Колумбии

Но противостоять прессе и общественному мнению власти США не собирались, хотя, безусловно, знали, что Вайта активно сотрудничает с американской военной контрразведкой. Как, впрочем, не собирались они отдавать его в руки венгерского правительства. Поэтому дело с экстрадицией искусственно затягивали.

С удивлением и опасением за свою судьбу узнал Вайта об отказе властей Италии и Испании предоставить ему по-

литическое убежище, на что он очень надеялся. Видимо, правительства этих стран не захотели, чтобы их как-то ассоциировали с нацистским преступником. Но тут в дело вмешался Ватикан и организовал Вайте переезд в Колумбию.

Вайта, разумеется, верил, что это не навсегда, он не сомневался, что еще выберется из южноамериканского захолустья, но, пока все это происходило, у его кураторов изменились планы. Идея «Континентального союза» была сдана в утиль. И нацистский преступник Ференц Вайта завяз в Боготе, где провел остаток жизни, будучи скромным преподавателем экономики в небольшом католическом колледже.



Золотые часы для далай-ламы

Накануне аудиенции

Аудиенция была назначено на утро 20 декабря 1942 года. Илье Толстому и его напарнику предстояло ждать ее несколько дней. Придворные вежливо объяснили: эта дата выбрана как наиболее благоприятная для важных начинаний далай-ламы.

Офицеры УСС, майоры Толстой и Долан, отнеслись к показаниям тибетского гороскопа с почтением и уважением. Хотя оба порядком устали после дальнего пути, который состоял из авиаперелета, переезда всеми мыслимыми видами колесного транспорта и, наконец, тяжелого высокогорного конного перехода. И вот они ждут приглашения на высокую аудиенцию в гостевом доме у подножья холма, где расположен дворец Потала — резиденция далай-ламы в Лхасе.

Наконец, в назначенный день рано утром конная кавалькада тронулась в путь. Илья Толстой и Брук Долан, их носильщики и сопровождающие, а также тибетский монах Гуиди со своими помощниками добрались до вершины Красного холма около 9 часов утра. Обычно посетители должны были пешком карабкаться по широким ступеням к дворцу, но посланцам президента Рузвельта разрешили проехать на лошадях по узкой тропинке, ведущей к задней части дворца.

Вот и Потала. Это резиденция главы всех буддистов мира, руководителя Тибета, и одновременно храмовый комплекс. Вести себя здесь следует подобающе. Наездники спешили, пошли по длинным лабиринтам дворца.

В небольшой комнате ожидания к ним присоединился молодой тибетский чиновник по имени Ринганг. Он хорошо

говорил по-английски и объяснил майорам УСС тонкости этикета общения с далай-ламой. Почти сразу после этого последовало приглашение в тронный зал.

От Тулы до Тибета

Как же случилось, что внук великого русского писателя оказался пред ясны очи духовного лидера тибетского народа, воплощения самого духа буддизма, нравственного ориентира для всех, кто придерживается этого религиозного учения? Как сложился этот замысловатый маршрут — от Тульской губернии, где Илья Андреевич Толстой родился в 1903 году, до тибетского дворца Потала?



Илья был сыном Андрея Львовича Толстого. Его родители разошлись, когда ему был год, и воспитывался он родственниками матери. В 1916 году дядя Ильи, Константин Дитерихс, по заданию Министерства земледелия отправился в Ташкент и взял с собой 13-летнего племянника. В Туркестане в то время проходил учет поголовья лошадей и отлов диких табунов. Там Илья стал знатоком лошадей. Это пригодилось ему во время Гражданской войны, когда он недолго служил в Белой армии.



...Как-то раз в промерзшей зимней ставропольской степи конный отряд попал в сильнейший снежный буран. Из личного состава двух эскадронов в живых остался один Илья Толстой — все остальные замерзли. Его спасло то, что он крепко привязал себя к коню, и тот доставил юного корнета, почти потерявшего сознание, к белогвардейскому посту.



После Гражданской войны Илью Толстого арестовали, обвинив в антисоветской деятельности. Но расстрелять не решились. Тогда было популярным высказывание Ленина о Льве Толстом, как о «зеркале русской революции». Видимо, не решились пустить в расход родственника «зеркала». В начале 1920-х Илья Толстой начал сотрудничать с новой властью — в частности, он участвовал в организации помощи голодающим Поволжья.

Но через несколько лет он понимает, что с Советской Россией ему не по пути и в 1924 году эмигрирует в США, где учится в колледже Уильяма Пенна, а затем в Университете Айовы в Эймсе, изучает сельское хозяйство и животноводство.

В 1927 году Толстой знакомится с естествоиспытателем Уильямом Дугласом Берденом, попечителем Нью-Йоркского музея естественной истории, вместе с которым снимает фильм о жителях северо-запада Канады. Затем он отбывает на Аляску, где принимает участие в создании Национального парка у самой высокой точки Северной Америки — горы Мак-Кинли. В 1931 году он уже в Нью-Йорке, где участвует в съемке еще нескольких фильмов, а после этого предпринимает ряд экспедиций в Центральную и Южную Америку. В 1937 году, пережив увлечение подводной съемкой, он вместе с двумя коллегами создает первый в мире океанариум во Флориде.

Прекрасно говорившего на нескольких языках, симпатичного, с изысканными манерами русского аристократа принимают в американском высшем обществе. Помимо прочего, это важно для работы в разведке, где он оказался в начале Второй мировой войны.

Строгий мальчик

В сопровождении величественной процессии монахов Толстой и Дуглас поднялись на крышу дворца, где была расположена комната для приемов. С обеих сторон перед входом в нее сидели на небольших скамейках высокопоставленные монахи, за ними стояли монахи рангом пониже, а также несколько мирян и паломников, которые должны были получить благословение далай-ламы после того, как он примет гостей.

Раздвинулся тяжелый занавес, и гости вошли в богато украшенный тронный зал. Прямо перед ними стоял трон далай-ламы — квадратное кресло с прямой спинкой. Его

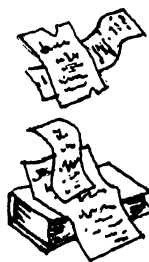
Святейшество сидел скрестив ноги, на голове его был остроугольный желтый головной убор — церемониальный колпак. Лицо далай-ламы казалось нежным, оно светилось румянцем, но выражение его было строгим, почти суровым. Очевидно, далай-лама хотел казаться старше, чем был на самом деле, и значительнее. Все это не удивительно — ведь ему было всего семь лет. Все дела за далай-ламу решал регент, сидевший неподалеку от него. Справа от регента находился человек, одетый в богатую мантию и шляпу, — отец далай-ламы.



Последовала сложная церемония приветствия. Долан держал шкатулку с письмом президента Рузвельта. Потом он на специальном церемониальном шарфе передал ее Илье Толстому, а тот — регенту. Наконец, шкатулка перешла в руки семилетнего строгого мальчика. Это был исторический момент: впервые в истории президент Соединенных Штатов установил прямую связь с далай-ламой.

В письме президента США говорилось:

Ваше Величество! Два моих соотечественника — Илья Толстой (внук русского великого писателя Толстого) и Брук Долан хотят посетить вас и историческом городе Лхаса. В Соединенных Штатах много людей, и я один из них, кто интересуется Вашей страной и людьми... Как Вы знаете, американский народ объединяется с 27 другими странами для ведения войны, навязанной миру агрессивными странами, которые хотят уничтожить в мире свободу мысли, религии и деятельности. Соединенные Штаты борются за защиту свободы и добьются победы. Поскольку наше дело справедливо и нашей силы достаточно, то наша решительность непоколебима.



Я попросил Илью Толстого и Брука Долана поднести Вам небольшой подарок, чтобы выразить мою дружбу.

Искренне Ваш...

Затем далай-ламе были вручены подарки: фотография президента Рузвельта в серебряной раме и золотой хронограф.

Посланникам Рузвельта предложили расположиться на длинной низкой подушке в правой части зала. Завершилась официальная часть приема церемониальным чаепитием, по-

сле чего офицеры УСС еще некоторое время общались с Его Святейшеством и регентом.

Дальше офицеров УСС ждали интересные и полезные для их миссии мероприятия: посвященный Рождеству праздник в Лхасе, устроенный чиновниками британского и индийского правительств, и посещения буддистских храмов.

Официально миссия Толстого и Долана заключалась в укреплении двусторонних отношений США и соблюдавшим нейтралитет Тибетом; никому из воюющих держав не удавалось привлечь высокогорное государство в стан своих союзников. Но это была лишь видимая часть поездки. Тайная же — и основная — носила кодовое название FE-2.

Разведывательный план FE-2

Визит Толстого и Долана проходил на фоне острой проблемы, с которой американцы столкнулись во время войны. США, Великобритания и СССР помогали Китаю, воюющему с Японией. Снабжение китайской армии продовольствием, боеприпасами и оружием от союзников шло через Бирманскую дорогу, между нынешней Мьянмой с Китаем, но ее захватила Япония. Американцы и англичане пытались наладить воздушный мост над Гималаями, но от этой идеи пришлось отказаться из-за большого количества авиакатастроф. Требовалось установить наземный маршрут, который стал бы альтернативой Бирманской дороге. Один из возможных путей шел через Тибет, но чтобы использовать его, требовалось разрешение далай-ламы. Добыть его и должны были Толстой и Долан.

3 июля 1942 года госсекретарь США Корделл Халл представил Франклину Рузвельту меморандум, в котором сообщалось, что руководитель УСС Уильям Донован собирается отправить двух своих сотрудников в материковый Китай через Индию и Тибет. Халл писал:

Считаю, что если Вы отправите письмо тибетскому далай-ламе, это принесет большую пользу миссии. Письмо, написанное

далай-ламе, должно быть адресовано ему как религиозному лидеру....Этот вариант позволит избежать оскорбления национального правительства, которое рассматривает Тибет как часть Китайской Республики.

Рузвельт, надо отметить, был поклонником Тибета после того, как прочитал книгу о Шангри-Ла — вымышленной стране, описанной в 1933 году в романе писателя-фантаста Джеймса Хилтона «Потерянный горизонт»; автор книги, по сути, описал мифическую Шамбалу. Американский президент даже переименовал свою летнюю резиденцию в Шангри-Ла (много позже его менее романтично настроенные преемники вернули ей прежнее название — Кемп-Дэвид).

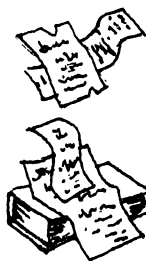
Рузвельт подготовил письмо для далай-ламы и поинтересовался у Донована, подобраны ли люди для сложной экспедиции в Тибет. Донован доложил: внук великого русского писателя Илья Толстой и ученый-естествоиспытатель Брук Долан полностью соответствуют всем требованиям.



Президент доволен результатами экспедиции

Главную свою задачу миссия Ильи Толстого не выполнила. Разрешение от тибетского руководства (в реальности — от регента далай-ламы) на доставку военных грузов наземным путем через Тибет в Китай не было дано. Не помогли ни уговоры, ни давление со стороны США, Великобритании и Китая. Пришлось все-таки организовывать перевозки авиацией, что обошлось союзникам недешево: до конца войны они потеряли в регионе свыше 600 самолетов.

Но президент Рузвельт тем не менее остался доволен итогами экспедиции. Во-первых, Илья Толстой по личной инициативе добился согласия на установку в Тибете американских передвижных радиостанций. Во-вторых, Толстой и Долан собрали стратегически важную информацию о местах для возможного устройства аэродромов, о распо-



ложении дорог, пригодных для движения длинномерных и тяжелогрузных автомашин, и о динамике метеоусловий в высокогорной местности. В своих отчетах майоры УСС отметили караванные тропы, которые могли бы стать, после переустройства, колесными дорогами, что пригодилось бы в случае военных действий в Тибете.

Забегая вперед, скажем, что после войны Илья Толстой не раз писал служебные рапорты, в которых предлагал привлечь Тибет к послевоенному устройству мира в качестве «независимой страны». Но эта позиция не получила поддержки в американских верхах вплоть до 50-х годов прошлого века.

Зачем нужна фотография красивой девушки

В январе 1944 года Илья Толстой по заданию руководства УСС составил что-то вроде свода рекомендаций для тех, кто будет заниматься оперативной работой на Дальнем Востоке. Недавно с этого документа снят гриф секретности. Особых секретов там, правда, нет, но есть много интересного — советы, как одеваться, чем запастись, чем лечиться, как вести себя с местными и многое другое. Например, есть такой примечательный пассаж:

Хорошей идеей будет напечатать несколько фотографий или захватить с собой почтовые карточки со сценами интересных этапов американской жизни, такими как: футбольный матч на стадионе на фоне небоскребов; «Золотые Ворота» (мост «Золотые Ворота» в Сан-Франциско до 1964 года был самым большим висячим мостом в мире. — *А. К.*); океанский лайнер; современный поезд; летающая лодка «Марс» (крупнейший по размаху крыла гидросамолет за всю историю. — *А. К.*); ферма и посевы; чистопородный скот; портрет президента; лицо симпатичной девушки (которая, вероятно, у вас уже есть) и т. д. Это бывает интересно туземцам и часто помогает сломать лед недоверия при первых встречах.

Войну Илья Андреевич Толстой закончил полковником армии США. После отставки он активно участвовал в работе Толстовского фонда, в штате Нью-Йорк, учрежденного его тетей и дочерью Льва Николаевича Толстого — Александрой Львовной Толстой. Занимался бизнесом и наукой, был хорошим организатором. Служил в бюро Природоохранного комитета Карибского бассейна и участвовал в создании Природоохранного треста Багамских островов, который много внимания уделял сохранению островной популяции фламинго.

Скончался Илья Андреевич Толстой в Нью-Йорке в 1970 году. Он похоронен на русском кладбище Ново-Дивеевского монастыря, неподалеку от Нью-Йорка.

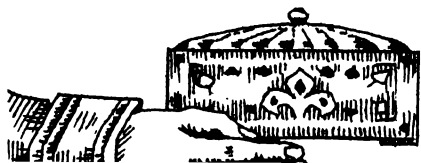
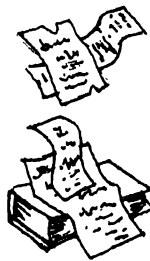
Коллега, друг и спутник Толстого по тибетской экспедиции — американский натуралист Брук Долан — в конце Второй мировой войны присоединился к группе военных наблюдателей США в Юньнани, южной провинции Китая. Он утонул в 1945 году во время операции по спасению экипажа упавшего в океан самолета.



Монахи-диверсанты

В вышедшем в 2002 году в Канзасском университете документальном исследовании «Тайная война ЦРУ в Тибете» авторы книги — Кеннет Конбой и Джеймс Моррисон — изучили действия американских спецслужб в этой точке мира в XX веке. Много внимания ими уделено послевоенным десятилетиям. Тогда перед директором ЦРУ Алленом Даллесом и госсекретарем США Кристианом Гертером была поставлена задача если не свергнуть коммунистический форпост в Азии в лице Китайской Народной Республики, то, по крайней мере, ослабить его. В течение двадцати лет (в 1950—1970-х годах) ЦРУ поддерживало Тибет, который пытался уйти от КНР и обрести независимость.

Помощь была финансовой, военно-технической (оружие и боеприпасы поступали воздушным путем с аэродромов



Таиланда и Восточного Пакистана) и в форме подготовки бойцов для будущего антикитайского восстания. Сотрудник ЦРУ Роджер Маккарти, бывший военный летчик, в 1957 году подготовил первую группу тибетских диверсантов. Другая группа тренировалась в Индии, также с помощью инструкторов ЦРУ. Поразительно, но многие из вставших на тропу войны тибетцев были буддийскими монахами. Они снимали с себя монашеские обеты и переставали бояться чужой и своей крови. С ЦРУ сотрудничали также знающие английский язык переводчики-тибетцы.

В 1959 году в Лхасе вспыхнуло антикитайское восстание, которое было жестоко подавлено армией КНР. Далай-ламе пришлось бежать в Индию. Он живет там и сегодня.

Прошли многие десятилетия с того дня, когда он, тогда еще семилетний мальчик, встречался с американскими майорами, посланцами президента Рузвельта. В его воспоминаниях нет практически ничего о тех событиях 1942 года. Но, безусловно, сегодня далай-лама XIV знает, что одним из тех, кто в свое время убеждал руководство США поддержать Тибет в его стремлении к независимости, был внук автора «Войны и мира», офицер американской разведки Илья Андреевич Толстой.

Монастырь — трамплин для перебежчика

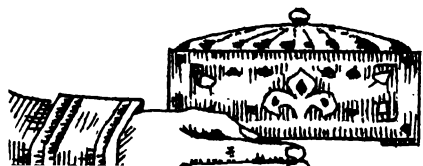
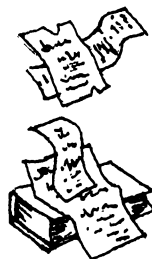
Операция, просчитанная по минутам

Сегодня все должно пройти как по маслу. И не нужно мудрить, как в прошлый раз с теми двоими. Тогда, в день побега, солдаты, сержант и рядовой, дежурили на мосту. В нужный момент, покинув пост, они забросили автоматы ППШ за спины, добежали до платформы и резво запрыгнули в кабину остановившегося на минуту электропоезда. Машинисты сдержанно кивнули — были предупреждены, а главное — подкуплены.

Сержант переоделся в железнодорожную спецовку, а солдат, поверх гимнастерки надев рубашку, которую до этого нес в вещмешке, спрятался в углу кабины, в пустом противопожарном ящике из-под песка. Поезд резво застучал по стыкам рельсов.

В Линце они вышли на разных платформах, автоматы были спрятаны в вещмешках. Сержанта Сашу встретила Евгения Достоевская, солдата Валу — католический священник отец Мехард. Все четверо сели в автомобиль и заспешили в сторону земли Верхняя Австрия, где в Иезуитском колледже во Фрайнберге перебежчиков ждали ужин, приличная одежда, деньги и документы для переброски их в США.

Та операция прошла согласно плану и графику, минута в минуту. На сей раз все как будто проще и в то же время сложнее. Проще — потому что Гаврилов должен приехать в Вену из Хайнбурга-ан-дер-Донау по делам советской комендатуры. А сложнее — потому что надо дополнительно его проверить, дабы не заслать в недра ЦРУ агента советской



разведки. Важная роль в этой спецоперации ЦРУ отводилась Евгении Достоевской — бывшей жене внучатого племянника Федора Михайловича Достоевского, носившего редкое имя Милий.

Фамилия в наследство

К семье великого Федора Михайловича Достоевского Евгения имеет, прямо скажем, отношение косвенное. Женечка была обычной девушкой из мещанской семьи города Белева Тульской губернии. Три месяца она побыла женой Милия Достоевского, историка-востоковеда, искусствоведа, археолога, лингвиста, полиглота. После развода Евгения предпочла оставить за собой гордую писательскую фамилию, манкировав своей исконной простой — Шукина. Иногда она подписывалась — Достоевская-Шукина. Но чаще — просто Достоевская.

Сведения о ней крайне скудны. Не известно, где и чем она занималась после развода с Милием и до начала Великой Отечественной войны. Милий Федорович, расставшийся с Евгенией в первые годы советской власти, в 1936 году был осужден за антисоветскую пропаганду среди студентов и погиб в сталинских лагерях. Детей у них не было. Евгения официально больше замуж не выходила и была бездетна. По некоторым данным, она в довоенные годы имела какое-то отношение к театру, занималась литературным творчеством. Гораздо больше информации о ее жизни в 1940-х годах.

Известный литературовед, исследователь творчества и жизни великого русского писателя и его родственников, Игорь Волгин в своем капитальном труде «Хроника рода Достоевских» пишет о том, что происходило с Евгенией после развода:

Спустя два десятилетия, в 1942 г., Е.А. Шукина неожиданно объявляется в оккупированном немцами Крыму, где проживает в это время «настоящая» Достоевская — Екатерина Петровна, жена покойного сына писателя, Федора Федоровича. Сори-

ентировавшись на месте и сообразив, что имя Достоевского худо-бедно почитается на родине Гёте и что это **товар** (здесь и далее выделено И. Волгиным. — А. К.), она добивается вида на жительство, украшенного знаменитой фамилией. Неясно, по собственной или же по немецкой инициативе **родственница классика** начинает выступать по радио и в печати — разумеется, в определенном ключе. Не слишком осведомленные в генеалогии подпольщики Крыма принимают именитую коллаборационистку за Екатерину Петровну Достоевскую и адресуют последней весьма недвусмысленные угрозы. В свою очередь Екатерина Петровна пытается уличить самозванку. «Даже мои знакомые, хорошо знающие меня и мою жизнь, — с негодованием пишет она А.Л. Бему (Альфред Бем — проживавший в Праге крупный филолог, выходец из России, председатель Общества Достоевского. — А. К.), — сообщают мне, что мое выступление слышали и мою благодарность Фюреру за заботу обо мне».



Из рассекреченных документов ЦРУ узнаём, что в 1943 году Евгения Достоевская присоединилась к русской театральной группе в Пятигорске. Потом немцы перевели театр в Симферополь, после — в Запорожье, а при отступлении — в Берлин. Какое-то время она пыталась заработать на жизнь работой в театре, литературным трудом, писала воспоминания о жизни в России при коммунистическом режиме. Но после падения рейха стало ясно, что из сокрушенной Германии ей надо срочно уезжать от греха, а точнее — от советской контрразведки — подальше. Но денег было мало, и добраться удалось лишь до Австрии, где Евгения надеялась скрыться от тех, кто мог обвинить ее в сотрудничестве с нацистами.



Вербовка

В Австрии она довольно скоро оказалась без гроша в кармане. В перспективе были или голодная смерть, или же — занятие востребованной, но малопrestiжной древнейшей профессией. Но Евгений повезло — она познакомилась в Зальцбурге



с бельгийским священником Марселем ван Куцемом, представителем Ватикана в Австрии и Германии.

Известно, что ван Куцем работал на разведку Святого престола. Но не только. Выходец из аристократической семьи, в детстве влюбленный в Россию, он знал русский язык и даже затеял выпуск в Зальцбурге русскоязычной газеты «Луч». Когда «Луч» стал угасать из-за финансовых проблем, ван Куцем был умело и деликатно завербован ЦРУ, которое помогло издателю деньгами, и бельгиец стал (параллельно с ватиканской разведкой) работать и на американскую шпионскую сеть. Возглавлял эту сеть бывший гауптштурмфюрер СС Отто фон Болшвинг, нацистский преступник, скрывшийся от Нюрнбергского трибунала.

Марсель ван Куцем помог Евгении Достоевской с жильем в австрийском Линце, заплатил что-то вроде подъемных и, как говорят в армии, «поставил на довольствие» — в конечном счете, из бюджета ЦРУ. Неглупая Евгения быстро поняла, на кого ей предстоит работать, и ничего против этого не имела. Одной из задач сети фон Болшвинга была вербовка и склонение к измене советских военнослужащих на территории Австрии. Это была часть масштабной операции ЦРУ под названием «Redsox», суть которой сводилась к скрытой переброске эмигрантов и перебежчиков из СССР в США, дабы в дальнейшем использовать их в качестве агентов ЦРУ.

С точки зрения работы на этой стезе у Евгении Достоевской были несомненные достоинства: она была изобретательна и свободно владела русским языком. Так она, по сути, продолжила свой путь коллаборационистки — но теперь уже работала против СССР на стороне США.

Секретноноситель Гаврилов

Вернемся к истории с Гавриловым. Уровень его осведомленности был намного выше, чем у простых советских парней в выцветших гимнастерках, патрулировавших железнодорожный мост и дезертировавших в кабине электрички. Опе-

рация по уходу Гаврилова готовилась особенно тщательно. Все надо было семь раз отмерить и сто раз перепроверить.

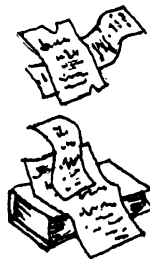
Сержант-сверхсрочник Федор Гаврилов, родившийся 14 сентября 1918 года в Тамбове, служил в канцелярии советской комендатуры в городе Хайнбурге-ан-дер-Донау (федеральная земля Нижняя Австрия). Он имел доступ к совершенно секретной информации: к спискам офицеров практически всех советских комендатур на территории Австрии, к образцам документов, печатей, штампов, обладал сведениями о командирах советских войсковых частей в Австрии.

О том, что Гаврилов готов стать перебежчиком, в сети фон Болшвинга узнали из показаний местного полицейского, тоже завербованного американцами. Перед Достоевской стояла важная задача: убедиться в том, что Гаврилов — не советский агент, что он искренне хочет уйти на Запад. Евгения несколько раз встречалась с сержантом в Хайнбурге-ан-дер-Донау во время его увольнений. С ним она как бы случайно познакомилась через свою приятельницу, некую Анну Лечнер, невесту Федора (во всяком случае, так она именуется в документах ЦРУ).

В конце концов Достоевская пришла к выводу, напрямую и через Анну, что Гаврилов — тот, за кого себя выдает. Более того, она доложила Марселю ван Куцему, а тот — выше по инстанции, что надо спешить, так как Гаврилов подозревает слежку со стороны советской контрразведки. Информация дошла до резидента ЦРУ в Вене, и тот, в свою очередь, отправил в штаб-квартиру ЦРУ телеграмму:

Советский сержант Федор Гаврилов, служащий советской комендатуры, Хайбург... Австрия, планирует дезертирство в течение месяца. Побег организован Usage (Usage — криптоним Отто фон Большвинга. — А. К.), Ван Куцемом, Евгенией Достоевской (в написании фамилии в телеграмме была допущена опечатка, лишняя буква. — А. К.) и невестой Гаврилова — Анной Лечнер. Гаврилов отправится в Салезианский монастырь...

Прибыв августовским днем 1951 года в Вену, Гаврилов поспешил не в советскую военную комендатуру, а, пере-



одевшись в туалете вокзала в гражданскую одежду, нанял такси и отправился в Салезианский монастырь. Ехать долго не пришлось — всего несколько кварталов.

«Милый Федя» в монастыре

По соображениям конспирации решили, что в монастырь Гаврилов войдет не через главный, а боковой вход. Дежурил в тот вечер пожилой монах с усталым и добрым лицом, которое сержант увидел в окошке, открывшемся в деревянных воротах.

— Я — Федор из Хайнбурга, — объявил Гаврилов.

Это был пароль. Незатейливо, но безопасно: «Fjodor aus Hainburg».

— Прошу вас, проходите.

Зазвенела связка ключей, калитка, взвизгнув, распахнулась. Гаврилов молча следовал за черной сутаной. Стемнело, и белый квадратик воротника монаха, когда тот поворачивался к перебежчику, был маячком для Гаврилова. Похрустывал гравий под ногами.

Настоятель монастыря Антон Шмидт встретил беглого сержанта у гостевого домика, но заходить внутрь не стал. Ограничился любезностями:

— Надеюсь, вам будет у нас хорошо. Филиппе позаботится о трапезе. У вас в комнате есть Библия, вам будут приносить свежие газеты.

— Большое спасибо...

Гаврилов замялся, он не знал, как обращаться к священнику такого ранга. Сержант был православным, пусть и с партбилетом в кармане, — в Тамбове его крестили в младенческом возрасте, было это то ли в 1918, то ли в 1919 году.

Вот и в католическом храме, который он посетил на следующий день в сопровождении того же Филиппе, он крестился по-православному.

Сотрудничавший с ЦРУ отец Шмидт накануне получил через курьера письмо, которое по прочтении бросил в ка-

мин, специально зажженный для того, чтобы сжечь депешу. В нем сообщалось, что в монастыре несколько дней поживет «Федор из Хайнбурга», которого потом увезет машина в американскую зону оккупации. Также говорилось о том, что о госте должно знать ограниченное количество людей.

Риск был немалый — монастырь находился в советской зоне оккупации. Аббатство жило как на вулкане: опасались, что в любой момент власти потребуют отдать часть зданий под нужды советских войск. Как это случилось, например, с иезуитским Калксбургским колледжем Непорочной Девы, в стенах которого теперь местный рабочий класс уже всю штудировать историю компартии Австрии и марксизм-ленинизм.

Полученная в венской резидентуре ЦРУ телеграмма от отца Шмидта с текстом из двух слов «Telegramm erhalten» (нем. — телеграмма получена) дала понять: все прошло без осложнений.

Сослуживцы Гаврилова знали, что тот накануне крепко поскаandalил с невестой (конфликт был инсценирован сержантом и Анной у здания комендатуры специально на глазах советских офицеров). В комендатуре решили, что его отсутствие на рабочем месте каким-то образом связано с личными неприятностями. Это помогло беглецу запутать следы и выиграть время.

Несколько дней Гаврилов томился от безделья, читал австрийские газеты, листал Библию на немецком... Наконец, принесли письмо от Евгении Достоевской:

Милый Федя!

Податель этой записки наш и Ваш друг. С ним Вы свободно можете путешествовать и верить, как нам. Он Вас привезет к нам. Счастливой дороги. Ждем Вас. До скорого свидания. Ваши друзья.

Женя.

Вскоре «милый Федя» благополучно прибыл в зону американской оккупации Австрии, а затем на военном самолете — в США. Из документов не совсем ясно, когда туда же — но,



скорее всего, с ним (или вскоре за ним) — последовала Анна Лечнер.

Какой ущерб нанес СССР перебежчик, какие секретные сведения он сообщил американцам, сегодня уж, наверное, не понять. Документы на этот счет американцами не раскритичены — во всяком случае, пока.

Из документов ЦРУ, которые доступны, нам известны советские люди, которые ушли в США по каналу Отто фон Болшвинга. Их немного. В документах — имена и фамилии, иногда годы и места рождения. Мы не станем их называть, чтобы не травмировать ни в чем не повинных родственников.

Сеть рвется

Отто фон Болшвинг вовлек в свою деятельность, помимо Марселя ван Куцема, несколько католических священников достаточно высокого ранга. Среди тех, чьи фамилии раскритичены: Отто Мауэр — профессор теологии, генеральный секретарь Католического движения в Австрии; Хьюго Монтжой — настоятель иезуитского монастыря в Граце (юго-восток Австрии); Людвиг Фродль — бывший секретарь ватиканского нунция архиепископа Джованни Деллепиана; Эломер Рейс — руководитель Венгерского отделения ордена иезуитов; Золтан Варга — руководитель Венгерской академической молодежной организации в Австрии и церковный советник Венгерской католической студенческой ассоциации; Джозеф Загон — апостольский куратор венгерских беженцев.

Со временем, однако, католическое духовенство все менее охотно участвовало в сомнительных мероприятиях фон Болшвинга, особенно когда в прессу просочилась информация о его нацистском прошлом и участии в разработке планов проведения Холокоста. В конце концов над ним нависла угроза суда, и ЦРУ «за лояльную службу и с учетом безвредности его партийной деятельности» эвакуировало его в США. В 1959 году он получил американский паспорт. И в этом же году в операции «Redsox» была поставлена точка.

Фон Болшвинг занимался в США фармацевтическим и химическим бизнесом и некоторое время жил довольно спокойно. Но в конце концов и здесь заговорили о его нацистском прошлом, на него было собрано обширное досье, и в 1981 году Министерство юстиции США подняло вопрос о его депортации из страны. Но фон Болшвинг всех переиграл: в том же году умер в возрасте 72 лет.

Преступление без наказания

А вот что потом случилось с Евгенией Достоевской-Шукиной, где она жила и чем занималась — неизвестно. В некоторых работах, посвященных семье Достоевских, отмечается, что она скончалась не ранее 1963 года.

Екатерина Достоевская — сноха великого писателя, с которой в оккупированном Крыму чуть было по ошибке не расправились советские партизаны, кропотливо, много лет живя за границей — в Румынии, а потом во Франции — собирала материалы о коллаборационистке, опозорившей фамилию. Но после смерти Екатерины Петровны весь собранный ею материал о Достоевской-Шукиной исчез. До сих пор не найдено ни страницы из этого досье. Темная, как говорится, история.

После Евгении Достоевской-Шукиной осталось несколько книг ее воспоминаний — путаных и, как сегодня доказано, лживых, и записи ее выступлений по радио в Крыму с восхвалением Гитлера. Теперь достоянием общественности стали сводки и рапорты ЦРУ, в которых, кстати, особо отмечается родственная связь Евгении с Федором Михайловичем Достоевским. Возможно, в ЦРУ считали престижным то, что удалось завербовать агента с такой известной во всем мире фамилией.



«Двадцатый век Фокс»... благословляет

Литерный борт

26 января 1949 года в стамбульском аэропорту приземлился борт № 1 США, на котором обычно летал президент Гарри Трумэн. Но на этот раз с трапа сошел 63-летний новоизбранный патриарх Константинопольский Афинагор, который до этого свыше восемнадцати лет был архиепископом и экзархом Северной и Южной Америки. 27 января 1949 года, на следующий день после прибытия Афинагора в Стамбул, в Фанаре (историческом районе Стамбула, где расположена резиденция владыки), в соборе Святого Георгия, состоялась его интронизация.

Избран на этот пост он был еще 18 октября 1948 года, 11 голосами из 17 членов Синода патриархата. Избранию не помешало то, что он не был гражданином Турции, хотя это противоречило турецким законам. Поступили просто: префект Стамбула накануне избрания выдал Афинагору турецкий паспорт, миновав все формальности и длительные процедуры.

Так началось 23-летнее служение Афинагора (в миру Аристоклиса Спиру) на посту патриарха Константинопольского, которого еще называют Вселенским. В историю он вошел в первую очередь как инициатор сближения с Римско-католической церковью и снятия с нею взаимных анафем, которыми стороны одарили одна другую еще в XI веке. Но произошло это не сразу, а в 1965 году.

Обстоятельства, связанные с восшествием Афинагора на патриарший трон, до сих пор рождают головомомные конспирологические конструкции и вызывают споры в церковных и светских кругах.

Кто похитил патриарха?

В статье, подготовленной в качестве доклада для конференции «Всеpravославное совещание 1948 года и духовная безопасность современной России» (состоялась 1 июня 2018 года в Москве, в Аналитическом центре святого Василия Великого), протоиерей Андрей Филлипс (РПЦЗ) пишет:

...В 1948 году личный самолет президента Трумэна приземлился в Стамбуле. На борту находились безжалостные правительственные агенты, прилетевшие, чтобы похитить патриарха Константинопольского Максима V (Вапордзиса). Как рассказал мне его тогдашний архидиакон и очевидец событий, епископ Бирмингемский Ириней (ум. 2009), отстаивавшему православное Предание патриарху, угрожая, приказали войти в самолет, иначе он, в лучшем случае, навсегда исчезнет. Поэтому он был отправлен в ссылку в Швейцарию до своей смерти в 1972 году. Он был заменен американской марионеткой, амбициозным греческим архиепископом Америки Афинагором, греческим националистом, экуменистом и модернистом. Вскоре он, когда было нужно, прилетел в Стамбул на том же президентском самолете. Очевидно, неканоническое низложение патриарха-традиционалиста Максима и его неканоническая замена с тех пор привели к порабощению Константинопольского патриархата государственным департаментом США.



Андрей Филлипс изложил настоящий сюжет триллера: тут и группа захвата, и похищение. Трудно при этом судить о свидетельствах очевидца, на которого ссылается протоиерей, но которого уже нет в живых. Не менее детективную версию можно прочесть, например, на сайте «Русь-Фронт» (Православный информационный вестник), где в статье «ЦРУ и Всеправославный собор: некоторые интересные факты» утверждается, что избрание Афинагора Вселенским патриархом было во многом заслугой американских масонов и разведчиков.

Попробуем отделить зерна от плевел. Обратимся к свидетельствам не голословным, а подкрепленным документами.

Для начала рассмотрим ситуацию с предыдущим владыкой, которого потом сменит Афинагор.

В 1947–1949 годах американские спецслужбы внимательно следили за непростой ситуацией в Фанаре и докладывали о ней в Вашингтон. Вот цитата из рассекреченного доклада стамбульского резидента ЦРУ от 20 марта 1947 года, еще до избрания Афинагора, но уже после появления информации о психическом нездоровье Максима, который фактически отошел от дел, но формально продолжал возглавлять Константинопольскую церковь:

Информированные турецкие круги признают, что если медицинская комиссия обнаружит неизлечимую болезнь патриарха, то турецкие власти будут настаивать на его отставке и немедленном избрании преемника, чтобы положить конец нынешней амбивалентной ситуации на Фанаре... В настоящее время правительство Турции стремится к тому, чтобы Фанаром руководил сильный человек, который смог бы справиться с (Московским. — А. К.) патриархом Алексием и религиозной политикой, проводимой Россией.

Патриарха Максима обвиняли в русофильстве и даже в советофильстве. Упреки, в первую очередь со стороны властей, умножились после поездки делегации Константинопольской патриархии на празднование 500-летия автокефалии Русской церкви. В Москву поехал экзарх патриарха Константинопольского по Европе митрополит Фиатирский Герман (Стринопулос), но объясняться пришлось самому Максиму. Летом 1948 года он делился своими огорчениями в интервью турецким журналистам: «Некоторые меня называют коммунистом. Может ли им быть настоящий священник? Это значит отрицать Бога! Утверждают, что я поддерживаю связь с Москвой. Должно быть, известно, что в Москве есть церковь, с которой я поддерживаю отношения». Но оправдываться было поздно: Турцию, где была резиденция патриарха, он не устроивал.

Недовольны были и турецкие греки. В марте 1947 года в Лэнгли поступил такой рапорт:

...Некоторые члены греческой общины в Турции утверждают, что они являются противниками патриарха Максима еще с того времени, когда тот был митрополитом Халкидонским, и требуют вмешательства турецких властей в вопрос о психическом состоянии патриарха. Эта группа заявляет, что, как члены греческого сообщества, они действуют в пределах своих прав, требуя такого вмешательства... Они указывают на определения в турецком Гражданском кодексе, где предписывается, чтобы в случае таких требований была создана медицинская комиссия по решению компетентного суда. Комиссия изучит состояние пациента и сообщит о своих выводах, после чего суд примет решение о назначении опекуна.

Фанарские круги чрезвычайно обеспокоены новым поворотом в развитии ситуации и искренне надеются, что линия на возможное назначение турецкого попечителя побудит греческое правительство санкционировать Священный синод принять отставку патриарха, что не раз предлагалось в течение последнего месяца и что по политическим соображениям греческим правительством не принималось.

Правительство Греции изучает вопрос выбора преемника патриарха Максима, и Священный синод, как ожидается, проведет заседание во время предстоящей греческой православной Пасхи, чтобы избрать нового патриарха.

Не устраивал Максим и Грецию, влиятельного игрока в деле избрания Вселенского патриарха. Греческие власти были разочарованы тем, что во время официального визита в мае 1947 года в раздираемую гражданской войной страну патриарх Максим, встреченный с большим почетом королем Павлом I, не заявил ему о своей безоговорочной поддержке и не встал однозначно на сторону монархистов. При этом он не осудил и вторую сторону конфликта — коммунистов, а лишь в обтекаемой форме призвал греческий народ прекратить «братоубийственное бичевание». Такая нерешительность, мягкотелость и невнятность позиций оттолкнули многих священнослужителей и прихожан от Максима.

21 мая 1947 резидент ЦРУ докладывал в Вашингтон:



Появилась информация о том, что греческое правительство желает назначения Хрисанфа, бывшего митрополита Трапезундского, преемником Максима в качестве патриарха Православной Церкви в Стамбуле. Хрисанф характеризуется как греческий националист, настроенный антитурецки. Вероятней всего, турки никогда не примут назначение Хрисанфа... Патриарх Максим отправляется в Афины по просьбе греческого правительства, чтобы проконсультироваться со специалистами в связи с его болезнью. Если ее сочтут неизлечимой... его отставка в качестве патриарха будет принята.

Все шло к тому, что Максим уйдет со своего поста. Так и случилось. В мае 1947 года он уехал в Афины, а 18 октября 1948 года Священный синод Константинопольской церкви принял его отставку по причине болезни. Официально было объявлено о его психическом расстройстве. Из Греции он уехал в Швейцарию на лечение, а впоследствии был назначен титулярным митрополитом Эфесским, каковым и оставался до конца жизни.

Вполне возможно, что патриарх Максим был введен в заблуждение коррумпированными медиками и своим ближайшим окружением, его могли убедить в том, что он неизлечимо болен, хотя на самом деле он был здоров, разве что нервы были расшатаны. Косвенно это подтверждают следующие строки в аналитическом обзоре «Позиция коммунистического государства по отношению к православной церкви», составленном в 1952 году для американской разведки:

Тот факт, что патриарх Максим был вынужден подать в отставку, объясняется не только причиной нездоровья, но и политическими мотивами, так как, по мнению турецкого правительства, он не придерживался антисоветского направления*.

* Цит. по: Волокитин Т. В., Мурашко Г. П., Носков А. Ф. Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов. М., 2009.

Тайные механизмы

В мае 1948 года председатель Совета по делам РПЦ Георгий Карпов подал докладную записку заместителю председателя Совета министров СССР Клименту Ворошилову:

...Начиная с 1946 г. американцами при содействии греческого правительства разными путями ведется подготовка к тому, чтобы на Вселенский патриарший престол в Константинополе поставить своего человека, враждебного Советскому Союзу, тогда как Вселенский патриарх Максимос высказывался в свое время в пользу сближения с Русской церковью. На его место намечается архиепископ Нью-Йоркский Афинагор, грек по национальности, американский подданный.

В Москве было известно, что в США включились тайные механизмы, помогавшие Афинагору на его пути к трону Вселенского патриарха. Цепь зубчатых шестеренок этого механизма вела, как выяснилось, в кинематографический Голливуд.

На борту президентского самолета, прилетевшего в 1949 году в Стамбул, Афинагора сопровождал американский продюсер, киномагнат и владелец киностудии «Двадцатый век Фокс» Спирос Скурас, грек по происхождению. В то время он, один из столпов кинопроизводства в США, был вхож не только в круги бизнес-элиты, но и в Белый дом.

Спирос Скурас долгое время был самым влиятельным греческим лоббистом в США. В первые же дни после падения фашистской Италии на Грецию он при активной поддержке и непосредственном участии архиепископа Афинагора и вместе со своими родными братьями и партнерами по бизнесу Джорджем и Чарльзом создал «Общество помощи грекам в войне». Афинагор, со своей стороны, основал движение «Греческая православная молодежь». Эти две организации оказывали гуманитарную помощь Греции в годы Второй мировой войны.



ЦРУ обнародовало фрагменты переписки архиепископа Афинагора с директором УСС Уильямом Донованом, а также с другими работниками этой спецслужбы. В письмах обсуждалось участие американской греческой диаспоры в войне против фашизма.

26 марта 1942 года Донован получил рапорт от одного из своих подчиненных. Это был отчет о встрече американского агента с Афинагором, который попросил передать руководству УСС следующее:

У меня есть три епископа, триста священников и большая и разветвленная организация. Каждый из них по моему приказу поступит под ваше руководство. Вы можете назначить их на любую службу, которая потребует. Не будет задано никаких вопросов, и ваши указания будут точно исполнены.

14 мая 1942 года Донован пишет Афинагору:

Ваше Святейшество!

Отчеты, касающиеся греко-американской молодежи призывного возраста, любезно подготовленные Вами, поступают в полном объеме.

Внимание, которое Ваше Святейшество уделяет этому важному делу, отражает большой интерес к нашим Вооруженным силам, и я хочу выразить свою глубокую признательность за Вашу лояльную и патриотическую помощь.

Искренне Ваш,
Уильям Донован

16 июля этого же года Афинагор шлет Доновану письмо, где, в частности, говорится:

Я готов взять на себя любые обязательства и пожертвовать чем угодно, чтобы сделать все возможное для нашей любимой страны, которая борется за всеобщее освобождение, справедливость и за Новый День, который обязательно наступит... Будьте уверены в том, что при первой возможности я приеду в Вашингтон, чтобы встретиться с Вами лично и выразить свое искреннее восхищение Вами.

Афинагор, надо отдать ему должное, сделал много полезного в период своего служения и для Америки, и для Греции. Количество общин в США возросло со 119 до 350, появилась Семинария Святого Креста в Бостоне и другие православные учебные заведения. Под руководством Афинагора был разработан и введен в действие новый устав архиепископии, действовавший до 1977 года. Греки ценили его за помощь во время войны и разрухи. Репутация Афинагора была высока. И, естественно, многие хотели видеть его на посту Вселенского патриарха. Как, вероятно, и он сам.

ЦРУ рассекретило и обнародовало примечательные документы, которые позволяют построить интересную гипотезу. Это не агентурные донесения и не аналитические сводки, а письма на служебных бланках с логотипами кинопрокатных компаний. Вот письмо Уильяму Donovanу от Спироса Скуроса, который, помимо прочего, вместе с братом владел крупной кинопрокатной сетью «Fox West Coast Theatres Corporation». На бланке корпорации магнат пишет 22 августа 1941 года Donovanу:

Дорогой полковник Donovan!

Позвольте выразить благодарность за Вашу доброту по отношению к господину Апостолидесу и ко мне, которую вы проявили вчера.

У меня сложилось впечатление, что, с учетом проделанной вчера работы, предлагаемый план помощи Греции — это большой шаг к его реализации, и скоро мы сможем реально осуществить поставку материалов для этой многострадальной страны, не опасаясь их перехвата или потери в пути.

Между тем, полковник, я надеюсь, что Вы сможете что-то сделать для г-на Апостолидеса, бывшего министра финансов Греции. Я знаю, что это в Ваших силах и Вы никогда не будете испытывать ни малейшего сожаления об этом, а скорее будете гордиться тем, что помогли этому талантливому человеку.

С наилучшими пожеланиями...

А вот еще одно письмо, написанное значительно позже, 26 августа 1950 года. Оно адресовано тогдашнему главе



ЦРУ, генерал-лейтенанту Уолтеру Беделлу Смигу. Автор — Джордж Скурас, родной брата Спироса Скураса. На бланке сети кинотеатров «Skouras Theaters Corporations» он пишет:

Дорогой генерал!

Словно веяние свежего воздуха я почувствовал, когда прочитал в газетах о том, что Вы дали согласие занять пост главы Центрального разведывательного управления.

Я служил в УСС в Греции и на Ближнем Востоке в 1944 году, и я осознаю важность наличия жесткой организации для выполнения определенной цели.

Полагаю, что Вам предстоит огромная и сложная работа, и если Вам в любое время понадобится объективная информация или другое содействие, я буду искренне рад быть полезным Вам и Центральному разведывательному управлению.

В ответном письме генерал Смит благодарит Джорджа Скураса за теплые слова и сообщает, что надеется на его поддержку и помощь.

Сам факт эпистолярного общения Скурасов с Донованом и Смитом, дружеская интонация и раскованная стилистика писем, — все это говорит о достаточно близких отношениях киномагнатов и руководителей спецслужбы. И это позволяет нам предположить, что бывший сотрудник УСС Джордж Скурас вполне мог пролоббировать в США кандидатуру Афинагора, используя свои связи не только в спецслужбе, но и во влиятельных кругах бизнеса. К этому, очевидно, подключился брат Джоржда — Спирос, тоже не чужой для ЦРУ человек. О его участии в деле говорит уже то, что он сопровождал Афинагора на борту летевшего в Стамбул президентского самолета.

Спирос Скурас был лично знаком не только с бывшим руководителем УСС Донованом, но и с президентом США Гарри Трумэном, который, кстати, провожал его и Афинагора к трапу самолета.

Не было никакой спецоперации по похищению предшественника, не было никаких голливудских шпионских страстей (даром, что братья занимались кинематографом).

Все решалось закулисно — по дипломатическим и разведывательным каналам: это была обычная лоббистская работа, без которой не обходятся ни политика, ни бизнес, ни церковь. Но как бы то ни было, ЦРУ, пусть и косвенно, участвовало в продвижении Афинагора на трон Вселенского патриарха.

США выиграли у СССР эту партию — Афинагор подтвердил свою репутацию антикоммуниста уже 27 января 1949 года, во время интронизации. Он призвал к сотрудничеству христиан различных направлений и мусульман «для борьбы против коммунистической опасности, которая угрожает личной свободе и всему цивилизованному миру». В этом заявлении содержались зерна будущих двух основных направлений деятельности патриарха — антикоммунизм и экуменизм.



Омофор вместо портупей «Железной гвардии»

Бухарест содрогнулся от ужаса

Скромный американский врач-стоматолог Чарльз Кремер, у которого в тот вечер уже слипались глаза от усталости, собирался было выключить телевизор и идти спать, но вдруг... На экране был тот самый человек! Его поздравляли с избранием викарным епископом Румынского архиепископства Америки и Канады.

Сюжет телеканала NBC от 5 июля 1951 года о прошедшем в Чикаго конгрессе православных румын-эмигрантов резко изменил жизнь дантиста Чарльза Кремера. Он понял, что теперь в его жизни появилось главное дело.

За десять без малого лет до выхода в эфир этого сюжета, 20 января 1941-го, в Румынии, в то время союзнике нацистской Германии, был убит майор абвера Деринг. Это стало поводом для восстания легионеров ультраправой румынской организации «Железная гвардия». Виорел Трифа, руководитель молодежного крыла легиона, распространил листовки с воззванием, в котором, обвиняя румынских евреев в убийстве Деринга, писал: «Мы требуем замены всех ожидавшихся представителей власти». Вечером 20 января на митинге Трифа пафосно заявил: «Национал-социализм, проповедуемый старыми закаленными солдатами Германии, нашел место в сердцах румынского народа и восторжествовал благодаря усилиям немецкой молодежи!»

На следующий день, 21 января, примерно в три часа полудни триста легионеров, одетых в зеленые рубашки с серебряными крестами, выкрикивая лозунг «Смерть масонам и евреям!», колонной двинулись по бухарестской улице Виктории к префектуре. Без сопротивления они ворвались в здание и установили пулеметы на балконах. Таким образом «железнодорожники» взяли под контроль прилегающие районы румынской столицы.



Затем в Бухаресте полыхнул страшный еврейский погром, который продолжался три дня. Чарльз Кремер, тогда еще подросток, жил с родителями в США, но был в ужасе от рассказов старших об этой бойне. Легионеры выталкивали евреев из домов и гнали на окраину Бухареста, к скотобойне, где зверски убивали. Трупы несчастных подвешивали за крюки и ждали, когда вытечет вся кровь, тем самым издеваясь над традициями приготовления кошерной еды.

Американская пресса много писала о тех событиях. Репортер Лейг Уайт свидетельствовал:

Толпа из нескольких сот человек атаковала еврейский храм. Они выбивали камнями окна, вышибали двери. Все ритуальные предметы: молитвенники, платки, талмуды, торы, алтарные скамейки и гобелены были вынесены наружу, собраны в кучу, облиты бензином и подожжены. Согнали нескольких прохожих-евреев и заставили их танцевать вокруг костра. Когда они упали в изнеможении, их облили бензином и заживо сожгли.



Среди тех, кто закончил свою жизнь на крюках скотобойни, были родные и близкие Крамера. И вот теперь на экране, в вечернем выпуске теленовостей он увидел в архиепископском одеянии того, кто подстрекал «железнодорожников» на погром. Он узнал его по фотографии из хранившегося дома довоенного румынского журнала — там он красовался в портупее и украшенном свастикой галстук. Теперь же на груди его был великий омофор, а звали его не Виорелом, а Валерианом Трифой.

Румынский извод фашизма

У страшного бухарестского погрома была политическая и интеллектуальная предыстория. Православное (так было заявлено) движение «Железная гвардия» возникло в Румынии в 1927 году. Ее создатель Корнелиу Кодряну надеялся при поддержке Румынской православной церкви и нацистской Германии призвать своих соотечественников к «духовному очищению».

В отличие от германских нацистов, проповедовавших атеизм, но не чуждых эзотерике, фашисты Румынии делали ставку как раз на традиционную религию. Кодряну был глубоко верующим прихожанином Румынской православной церкви. Сменивший его в 1938 году Хория Сима несколько приглушил церковно-религиозную составляющую идеологии «Железной гвардии», но от нее не отказался. Лозунгами «железногвардейцев» были ультранационализм, антикоммунизм, антикапитализм и антисемитизм.

Некоторые интеллектуалы румынского происхождения, ставшие впоследствии всемирно известными, «переболели» увлечением этой версией фашизма с псевдохристианской риторикой, в том числе философ и религиовед Мирча Элиаде. В своих дневниках Элиаде не без гордости называл себя «легионером». Американский историк Рауль Хильберг в своей книге «Палачи, жертвы, свидетели» утверждает, что Элиаде был одним из главных идеологов «Железной гвардии» и в 1936 году призывал Румынию стать «националистской, пылко шовинистической, вооруженной и сильной, безжалостной и мстительной». Фашиствовал в молодости и другой знаменитый румын — мыслитель, писатель, драматург, основатель «театра абсурда» Эжен Ионеско.

Трифа окончил теологический факультет Кишиневского университета и философский — университета Бухарестского, а потом получил диплом историка и журналиста в Берлине. В 1940 году, в 26 лет, он стал председателем Студенческого центра в Бухаресте и возглавил Национальный союз студентов-христиан Румынии. Звучит красиво, если не знать,

что под водительством Трифы большинство членов этих студенческих союзов вступили в молодежное боевое крыло пресловутой «Железной гвардии». То самое крыло, что участвовало в бухарестском погроме 1941 года.

Падения и взлеты

Но в событиях января 1941 года погром был, как бы цинично это ни звучало, побочной задачей «Железной гвардии». Легионеры ставили перед собой цель свергнуть фактического правителя Румынии — маршала, премьер-министра и кондукэтора (то есть руководителя, — румынский вариант фюрера) Иона Антонеску. Румыния была монархией, но молодой король Михай I был лишен реальных полномочий. Шла борьба за верховную власть в стране. Однако силы были неравны: Антонеску заручился поддержкой Гитлера, и румынские правительственные войска при поддержке частей германского вермахта подавили мятеж «железно-гвардейцев».

Начались расправы. Антонеску немедленно распустил правительство, в котором находились сторонники «Железной гвардии». Организация была запрещена, а большинство ее лидеров бежали из Румынии.

Уже известный нам Отто фон Болшвинг, тогда представитель СД в Румынии, тайно переправил в Германию руководителей легиона, переодев их в нацистскую форму. Среди бежавших были Хория Сима и Виорел Трифа. В рейхе их определили в лагерь, но это больше выглядело как помещение важных персон под усиленную охрану ради их же пользы. В лагере они пользовались привилегиями, полагавшимися немецким офицерам: особым питанием, медобслуживанием и др. Отсюда Трифа пытался как-то уладить конфликт между запрещенной в Румынии «Железной гвардией» и разогнавшим ее Ионом Антонеску. Но неудачно.

После обретения свободы Трифа побыл недолго секретарем бежавшего из Румынии после прихода туда Советской



армии митрополита Румынской православной церкви Виссариона (в миру Пую), которого позже, в 1946 году, румынские власти заочно приговорили за коллаборационизм к смертной казни. А в самом конце войны перебрался в Италию, где устроился преподавателем античной истории. В 1950 году экс-«железнодорожник» эмигрировал в США.

Умело выстроенный имидж Трифы в прессе и антикоммунистические настроения румынской эмиграции — все это позволило провокатору и погромщику стать в июле 1951 года викарным епископом Румынского архиепископства Америки и Канады. Он, по сути, занял чужое место. Дело в том, что номинально бывший во главе Румынского архиепископства Америки и Канады епископ Поликарп (Морушка) в годы войны находился в Румынии и после 1945 года не смог вернуться в США, так как выезд из страны ему запретили коммунистические власти Бухареста.

Положение было запутанным. Из-за отсутствия епископа Поликарпа еще в 1950 году группа из восьми румынских священников избрала кандидатом в епископы отца Андрея (Молдована). Тогда же в Мичигане была зарегистрирована «Румынская Православная автономная епископия Северной и Южной Америки». И уже в рамках этой церкви последовал раскол — одни клирики признали отца Андрея, а другие продолжали считать действующим епископом Поликарпа. В конце концов Андрей был отстранен от управления епархией и основал собственное Американское епископство, которым и руководил до конца своих дней в 1963 году.

И тут очень вовремя для себя возник Трифа. Правда, быть избранным еще не означало быть рукоположенным, и Трифа начал действовать.

Проблема с рукоположением

Ситуация «многовластия», когда разные группы православных румын в США считали епископом Трифу, Поликарпа и Андрея, смущала высокопоставленных клириков, и по-

этому желающих вручить Трифе архипастырский жезл долго не находилось. Так, отказался рукоположить его епископ Константинопольской православной церкви, архиепископ Северной и Южной Америки Михаил. Тогда группа поддержки Трифы обратилась с просьбой о хиротонии к иерархам сирийской православной церкви, но и там последовал отказ.

Согласился было рукоположить Трифу видный деятель Русской православной греко-католической церкви в Северной Америке, первоиерарх «Северо-Американской митрополии» митрополит Леонтий (Туркевич). Он обещал, что собор его церкви решит вопрос положительно, если, как отмечается в рапорте оперативного сотрудника ЦРУ: «...Румынская Церковь выплатит определенную сумму Русской Церкви и будет предоставлять отчет о своей деятельности каждые полгода». Возможно, даже начались переговоры и торги по этому вопросу, но тут вмешался патриарх Московский и всея Руси Алексей I и отговорил Леонтия от рукоположения Трифы.

Однако Алексей I не мог изменить позицию другого митрополита — Иоанна (Теодоровича), предстоятеля неканонической Украинской Православной митрополии в Северной Америке. В конце концов тот и возглавил 27 апреля 1952 года хиротонию Трифы, который был пострижен в монашество с именем Валериан и стал епископом.



Архиепископ Детройтский и Мичиганский

После кончины в 1958 году Поликарпа (Морушки), которого так и не выпустили из Румынии, позиции Валериана Трифы еще более укрепились. В марте 1960 года Румынское епископство было принято в состав (в качестве самостоятельной этнической епархии) Северо-Американской митрополии, находившейся тогда под юрисдикцией РПЦ. Чтобы снять вопросы о каноничности епископа Валериана, он был

перерукоположен и получил титул епископа Детройтского и Мичиганского.

Таким образом Валериан Трифа оказался под омофором РПЦ. Это продолжалось около десяти лет. В 1970 году Северо-Американской митрополии была предоставлена автокефалия, и епископ Валериан стал архиепископом.

Его резиденция располагалась в Грасс-Лэйке (пригород Джэксона, штат Мичиган). Там его стараниями возник духовный и культурный центр православных румын *Vatra românească* («Румынский очаг»). Приходили туда люди разные, в том числе и старые бухарестские друзья Трифы. Архиепископ продолжал поддерживать связи со своими однополчанами-легионерами, на которых в узком кругу обсуждалась возможность возрождения «Железной гвардии».

Стоматолог в роли дознавателя

Чарльз Кремер, потерявший во время бухарестского погрома своих близких и не собиравшийся прощать этого Валериану Трифе, решил собрать досье на погромщика и передать материалы американским властям. Он направил запросы властям Румынии, потом съездил в Бухарест и там продолжил сбор свидетельств. Собранные Кремером документы подтверждали деятельность Трифы в «Железной гвардии». Одновременно Кремер привлек внимание властей США к тому, что Трифа использует свой епископский сан и в целом румынскую православную церковь для помощи бывших членам «Железной гвардии», опасные осколки которой долетели через океан в США и Канаду.

Но власти США не спешили реагировать. Почему? Ответ на этот вопрос дают рассекреченные документы ФБР. 2 сентября 1953 года директор ФБР отправил руководству ЦРУ официальное письмо:

19 августа 1953 года было получено сообщение от Королевской канадской тайной полиции, проведшей расследование, целью

которого было установить, действительно ли существует движение «Железная гвардия» в Торонто или Виндзоре (Канада) и каким образом это связано с Трифой.

RCMP (аббревиатура Королевской тайной полиции Канады. — А. К.) отметила, что Трифа ряд лет подвергается критическим нападкам как фашист, квислинг и убийца со стороны противостоящей ему фракции в Румынской Православной Церкви в Америке и, следовательно, вполне возможно, что нынешние обвинения могут быть просто отражением обострившейся вражды между двумя этими группами.



У нас нет причин подозревать канадскую полицию или ФБР в попытках обелить Трифу. Это тот случай, когда сомнения естественны, идет процесс изучения проблемы. Но и Кремер не сдавался. В декабре 1955 года из канадского Онтарио в ФБР приходит информация о показаниях эмигранта Ставро Жияну, который в 1941 году обучался в румынской летной школе, воевал за штурвалом мессершмита против СССР, арестовывался советскими властями и впоследствии выехал в Канаду. В документе ФБР, основанном на донесении из Канады, речь идет о столкновении в 1941 году «железнодорожников» с правительственными солдатами возле Королевского дворца в Бухаресте:

Трое солдат сидели в механизированном транспортном средстве, которое находилось у входа во дворец. ЖИЯНУ рассказал, что он слышал, как ТРИФА приказал нескольким членам «Железной гвардии» задержать солдат, что было сделано, и выбросить их из машины. По показаниям ЖИЯНУ, ТРИФА затем приказал облить солдат бензином и поджечь. Этот приказ был исполнен, и трое солдат были живьем сожжены.



Ценные показания дал также румынский эмигрант из Чикаго Георге (Джордж) Мунтяну. В рассекреченном документе помещен отрывок из стенограммы его показаний:

...В феврале 1941 года правительство Германии в Румынии (так в тексте. — А. К.) объявило вне закона «Железную гвардию», и на

слушаниях, проведенных военным правительством Оси в июне 1941 года, Трифа был приговорен судом (заочно. — А. К.) к пожизненному тюремному заключению за его участие в январском мятеже. Я присутствовал на заседании суда в июне 1941 года, когда один из членов «Железной гвардии» засвидетельствовал, что получил приказ от Трифы вырезать язык некоему еврейскому портному Когану, но он, по его утверждению, приказ Трифы не выполнил. Я также присутствовал на суде, где слушались показания свидетелей о том, что Трифа отдал приказ выдавить глаза и вырезать языки портнихе Бинес и мастеру по изготовлению шляп Бьянок...

В последний раз я виделся с Трифой на улице Кливленда, штат Огайо, примерно в марте 1953 года. Тогда я подошел к нему и обвинил его в убийстве румынских граждан. Трифа мне тогда посоветовал забыть об этом, заявив, что люди здесь, в Соединенных Штатах, не такие умные, как в Румынии.

Получив такую информацию, ФБР тем не менее по-прежнему не спешило передавать дело Трифы в судебные органы. А тем временем американский стоматолог Кремер упорно продолжал собирать информацию о человеке, сменившем униформу «Железной гвардии» на церковное облачение. Для этого он едет в Израиль, потом опять в Румынию, встречается с чудом выжившими свидетелями погрома и родственниками погибших. Он также обращается за помощью в посольство Румынии в США.

ФБР продолжает колебаться и по-своему трактует контакты Кремера с дипломатами социалистической Румынии. В докладе, составленном 21 декабря 1972 года, говорится:

...Источник сообщил, что Кремер пытается в течение длительного периода времени дискредитировать Трифу, поскольку Трифа подозревается в том, что был членом румынской «Железной гвардии» в начале 1940-х годов.

Источник сообщил, что Кремер вошел в контакт с Николае Иринойу, вторым секретарем посольства Румынии... и с Корнелиу Богданом, послом Румынии в США. Источник не уверен, но предположил, что они могут руководить деятельностью Кремера.

Источник считает, что румынское правительство пытается дискредитировать Трифу в целях получить контроль над румынскими православными церквями в Соединенных Штатах.

Открытка Гиммлеру



Количество перешло в качество в 1975 году. ФБР накопило такой солидный объем компромата на Трифу, что сомнений уже не оставалось: трон архиепископа занимает преступник. В распоряжении ФБР появилась, например, открытка с подписью Трифы, отправленная Генриху Гиммлеру. Разумеется, Трифа пытался категорически отречься от переписки с одним из главных деятелей Третьего рейха, но судмедэксперты выявили на открытке отпечаток его пальца, который сохранился, несмотря на то, что прошло немало лет.

В 1975 году против Трифы было возбуждено дело по обвинению в том, что при въезде в США он скрыл свое членство в «Железной гвардии». Потом появилось обвинение в сокрытии им своей причастности к кровавому еврейскому погрому в Бухаресте. В вину Трифе ставилось также то, что он, указав в анкете о своем интернировании в нацистский лагерь, не уточнил, что пользовался там привилегиями.

В ноябре 1976 года Трифа был исключен из состава Национального совета церковью США. Начались судебные разбирательства. В 1979 году всплыла фотография Трифы, сидящего в коляске мотоцикла с пистолетом в руке; рядом — за рулем и на заднем сиденье — тоже вооруженные люди. Важную информацию следствию предоставили главный раввин Румынии Мозес Розен и генерал румынской госбезопасности Ион Пачепа (в 1972–1978 годах он был заместителем начальника внешней разведки Румынии, а в июле 1978 года бежал в США, где получил политическое убежище. — А. К.). Они однозначно признали в Трифе провокатора, призывавшего в Бухаресте к расправам над мирными людьми, и активного погромщика.



Из Румынии в США стали поступать улика за уликой: среди них были фотография Трифы в нацистской форме и тексты его речей и статей. Трифа заявлял во время судебных заседаний, что не стесняется своего прошлого: он, мол, делал то, что, по его мнению, было во благо граждан Румынии. При этом отрицал свое авторство фигурировавших в судебных заседаниях текстов.

В 1980 году ФБР, впрочем, по-прежнему не исключало того, что в нападках на архиепископа есть некая теневая подкладка, в которой спрятана банальная борьба за власть и ответственность. Об этом, например, говорит доклад от 16 апреля 1980 года. Конфиденциальный «источник», осведомленный о работе внешней разведки Румынии, сообщил: официальный Бухарест намерен либо склонить Трифу к общественной поддержке коммунистического правительства Чаушеску, либо, если этого не получится, сместить архиепископа с трона и посадить на него своего человека.

Действительно, на Трифу пытались воздействовать сотрудники посольства Румынии (или, возможно, разведчики под дипломатическим прикрытием), шантажируя информацией о членстве в «Железной гвардии». Но безуспешно: бывший погромщик не желал уступать свое место кому бы то ни было. При этом он категорически отказывался поддерживать авторитет румынского коммунистического диктатора Чаушеску среди румынских эмигрантов и прихожан.

Персона нон-грата

В том же 1980 году Трифа, будучи уже не в силах опровергать компрометирующие свидетельства и материалы, отказался от американского гражданства. В 1982 году он уехал по собственной инициативе в Португалию, дабы избежать позорной депортации из США. Таким образом, Трифа фактически признал свою вину.

Но осенью 1984 года официальный Лиссабон заявил, что пребывание румынского архиепископа на территории Пор-

тугалии нежелательно. Трифа был объявлен персоной нон-грата, однако успешно опротестовал это решение в Верховном административном суде Португалии.

Он дожил свой век в Португалии и в 1987 году скончался от сердечного приступа в курортном городке Эшториле.

В этом же году на Манхэттене умер врач Чарльз Кремер, который первым бросил вызов преступнику, сменившему португею на церковный омофор.



«Царевич Алексей» и план похищения кардинала

Их венчали не в церкви

30 сентября 1964 года жители многоэтажного дома в Нью-Йорке с недоумением и тревогой прислушивались к тому, что происходило за стеной. Звучал зычный распевный голос, слова были русские: «Венчается раб Божий... рабе Божией... во имя Отца и Сына...» Странно: ведь за стеной — не храм и не театр, и живет там пышноусый красавец... Соседи ничего не понимали.

А в квартире за стеной проходило самое настоящее венчание. Под позолоченным венцом стоял затянутый во фрак крепкий, немного полноватый мужчина, называвший себя русским царевичем Алексеем, избежавшим казни при расстреле царской семьи. Новобрачной была протестантка, немка Ингрид Кампф. Но обряд проходил православный. Присутствовала сестра усаца — великая княжна Анастасия, — во всяком случае, так она представлялась, хотя многие знали ее как Евгению Смит.

Проводил венчание протопресвитер Георгий Граббе, — секретарь Зарубежного Синода, который впоследствии станет епископом Вашингтонским и Флоридским Григорием. Вероятно, в тот момент он недооценивал последствия того, в чем принимал участие. Уже на следующий день известие о венчании вызвало бурный скандал в РПЦЗ. Готовившаяся в том же 1964 году канонизация царской семьи была отложена (и была задержана по этой причине на семнадцать лет): ведь возникли сомнения в смерти детей Романовых.

Тот, кто называл себя наследником русского престола, на следующий после венчания день был расстроен: утренние газеты упорно не желали называть его царевичем Алексеем, а именовали Михаилом (или на польский манер — Михалом) Голеневским.



В сопровождении агента спецслужбы

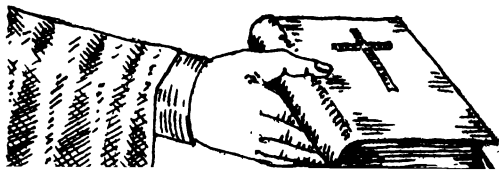
С начала 60-х годов прошлого века о Михаиле-Михале Голеневском писали и «желтые», и серьезные американские газеты. Во многих интервью он утверждал, будто бы большевистский палач Юровский даже и не намеревался расстрелять в подвале Ипатьевского дома семью Николая II, а совсем наоборот: помог всем скрыться и даже сопроводил переодетых беглецов до самой границы и помог ее перейти. После этого окольным путем, через Турцию, Грецию и Австрию, спасенная венценосная семья добралась до Варшавы, где и обосновалась. Голеневский поведал журналистам, что Николай II якобы работал в польской столице трамвайным кондуктором до самой своей кончины в 1952 году, а имя наследника (то есть его имя) бывший русский царь сменил из соображений безопасности. Так Алексей Романов стал Михаилом (Михалом) Голеневским.



Журналисты просили Голеневского объяснить его относительно молодость — ведь царевич должен быть уже в преклонном возрасте. Следовал неожиданный ответ: это, мол, последствия гемофилии, которая «задержала рост» и от которой «наследник» с годами излечился. Голеневский просил всерьез не относиться к «формальным анкетным данным», так как заполнял их в целях конспирации, спасая свою жизнь от большевиков.

Голеневский и его жена прибыли самолетом в Соединенные Штаты 18 января 1961 года. Здесь претендент на русский трон наконец обрел душевное спокойствие: ведь в Польше его заочно приговорили к смертной казни.

За что, однако, грозил ему столь суровый приговор?



В прицеле «Снайпера»

К этому времени в ЦРУ на Голеневского было довольно подробное досье, где, разумеется, ни о какой его близости к русской императорской семье не было и речи. Родился Михаил-Михал в польском городке Несвиже в 1922 году (кстати, на восемнадцать лет позже реального царевича Алексея). В 1945 году вступил в ряды польской армии, дослужился до подполковника. После выхода в запас в 1955 году учился на юридическом факультете Познанского университета, затем перевелся в Варшаву, где ему была присвоена магистерская степень по политологии.

Видимо, еще во время учебы он начал сотрудничество с польской разведкой. Потом получил предложение штатной работы. С 1955 по 1957 год он выполнял обязанности заместителя начальника отдела научно-технической информации. На этой должности Голеневский получил доступ к огромному массиву секретной документации, в том числе касавшейся сотрудничества органов безопасности Польши и КГБ.

В 1958 году, находясь по делам службы в Швейцарии, подполковник Голеневский направил письмо в американское посольство, подписавшись псевдонимом «Heckenschütze» (по-немецки чаще всего переводится как «Снайпер»). В своем послании Снайпер предложил свои услуги ЦРУ. Предложение было принято.

Через некоторое время Голеневский передал на Запад сверхценную секретную информацию, которая помогла американским и английским спецслужбам разоблачить советского разведчика Конона Молодого (он работал под псевдонимом Гордон Лонсдейл и впоследствии послужил прототипом полковника Ладейникова в фильме «Мертвый сезон»), а также его агентов — супругов Коэнов, Гарри Хаутона и Этель Джи. Он же, поскольку имел доступ к шифровкам, которые шли из Англии в Москву через Польшу, «сдал» Джорджа Блейка, который передал СССР огромное количество информации об агентах в Восточной Европе

британской разведки МІ6. На совести Голеневского был также провал в 1961 году еще одного высокопоставленного советского агента — Хайнца Фельфе, начальника контрразведки по борьбе с советской разведкой западногерманского федерального разведывательного управления (БНД).

Но в какой-то момент Голеневский заметил за собой слежку и решил не искушать судьбу. В 1960 году в Западном Берлине он вошел в здание американской миссии. Вскоре он и его невеста в сопровождении агента ЦРУ прибыли самолетом в США. В сентябре 1961 года перебежчика принял директор ЦРУ Аллен Даллес.

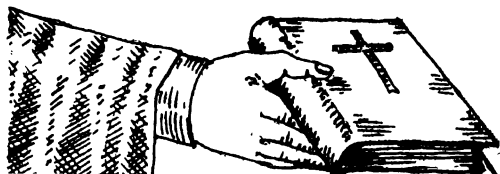


Тайная сеть «Хакке»

В 1960 году Голеневский подготовил обстоятельный многостраничный рапорт, который рассекречен через 57 лет после написания. При всех оговорках документ можно назвать сенсационным.

Впрочем, не весь: много места в нем занимает информация, сегодня уже малоинтересная: о служебных перемещениях и взаимоотношениях людей в высших эшелонах власти Польши и в ее разведке, рассказывается об интригах, дрязгах, предательствах, арестах и «чистках» в партийном аппарате правящей Польской объединенной рабочей партии и в спецслужбах. Часть рапорта, на основании информации, к которой Голеневский имел доступ в Польше, посвящена арабо-израильским и советско-китайским отношениям.

Но в рассекреченном рапорте есть поистине сенсационная часть, в которой фигурируют имена нацистских бонз Бормана и Мюллера и известного диверсанта Скорцени. В начале этой части документа Голеневский обещает поведать о «мозаике», которая сложилась в его сознании. При этом он оговаривает, что некоторые из фрагментов этой «мозаики» основаны только на одном источнике и не были им перепроверены. Но, считает Голеневский, информация настолько серьезна, что он не хотел бы упустить ни малейшей детали.



Автор рапорта утверждает: Борман и Мюллер были связаны с советской разведкой, контакты с которой у них начались еще во время Второй мировой войны. «Хакке» (нем. — кирка, мотыга, топор) — так называлась сверхсекретная сеть, созданная Борманом, и с ней, как утверждает Голеневский, контактировал ни много ни мало министр государственной безопасности СССР Виктор Абакумов.

По его словам, сеть «Хакке», которую Борман начал плести в конце 1944 года втайне от Гитлера, после поражения Германии разместила свои базы в Испании, Португалии, Аргентине, Японии и Италии. Экономической базой ее деятельности стали вывезенные из рейха золото, драгоценности и наличные деньги. Стратегической целью «Хакке» было создание нового, четвертого, рейха.

О «Хакке» и предполагаемых связях Абакумова с Борманом, Мюллером и другими нацистами в свое время написал в скандальной книге «Досье Сарагоса» бывший участник Сопротивления, сотрудник французской разведки, специалист по истории спецслужб Пьер де Вильмаре. Но никаких документов Вильмаре не привел, а потому скептиков по отношению к его утверждениям более чем достаточно.

Подчеркнем: в книге «Досье Сарагоса» ничего не говорится о сотрудничестве МГБ с нацистским диверсантом Отто Скорцени. А как раз именно этой фигуре и его контактам с советской спецслужбой уделено заметное место в 21-страничном рапорте Голеневского.

Чрезвычайно опасный парнишка

Напомним вкратце об этой одиозной фигуре. Отто Скорцени в 1939 году служил в полку личной охраны Адольфа Гитлера, воевал на территории Франции и СССР. В 1943 году Вальтер Шелленберг пригласил его на работу в отдел внешней разведки, где ему поручили руководить диверсионной деятельностью. Наиболее громкую операцию Скорцени провел

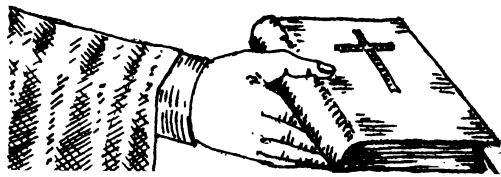
13 сентября 1943 года, когда освободил из плена низложенного итальянского диктатора Муссолини.

Были и другие дерзкие операции. В октябре 1944 года группа Скорцени похитила и взяла в заложники Миклоша Хорти-младшего, сына фактического правителя Венгерского королевства Миклоша Хорти, тем самым вынудив того аннулировать перемирие с Красной армией и передать власть лидеру фашистской партии Ференцу Салаши. А вот операция по пленению командующего войсками США Эйзенхауэра у Скорцени сорвалась, как и планировавшееся покушение на Сталина.

15 мая 1945 года оберштурмбаннфюрер СС Скорцени был арестован, но в 1948 году бежал из лагеря и поселился в Испании под покровительством каудильо Франсиско Франко. Там он занимался строительным бизнесом, сотрудничал, по некоторым данным, с израильской спецслужбой «Моссад» и при этом практически одновременно руководил подготовкой египетских командос. Умер Скорцени в 1975 году в Мадриде.

Голеневский пишет в рапорте:

...СКОРЦЕНИ был в активной разработке у АБАКУМОВА еще в 1942 году. Многие подробности не известны, а известные не проверены. Якобы (сообщил только один источник) он стал у АБАКУМОВА двойным агентом во время войны... По мнению одного из бывших руководителей высшего звена польской секретной службы, который тесно сотрудничал с БЕЗБОРОДОВЫМ (полковник Михаил Безбородов в те годы служил старшим советником МГБ СССР при Министерстве общественной безопасности Польши. — А. К.), СКОРЦЕНИ был окончательно завербован и стал сотрудником АБАКУМОВА в середине 1944 года, незадолго до конца войны; это было сделано с помощью умных маневров, которые использовали глупость руководителя РСХА — КАЛЬТЕНБРУННЕРА... АБАКУМОВ был намерен воспользоваться моментом и заставить работать на себя агентов нацистского абвера в Америке и в Южной Америке... У СКОРЦЕНИ большие связи со «старыми нацистскими вояками», и если мои факты верны, он — чрезвычайно опасный парнишка...



Верный «коммандос» Радль

Дальше Голеневский называет имена советских, как он считает, агентов, с которыми контактировал Скорцени. Среди них — некто Карл Радль, штурмбаннфюрер СС. Это бывший член группы захвата Скорцени, вместе с которым они освобождали из заточения Муссолини и планировали пленение Эйзенхауэра; впоследствии Радль работал на испанскую разведку, а затем — на французов. И при этом, как утверждает Голеневский, был завербован советской разведкой.

В рапорте говорится:

...В 1951 году АБАКУМОВ узнал через РАДЛЯ о планах Ватикана освободить из тюрьмы и переправить на Запад венгерского кардинала МИНДСЕНТИ (кардинал Йозеф Миндсенти в 1949 году был приговорен к пожизненному заключению за «измену и шпионаж»; на самом деле просоветским властям Венгрии не нравилась его критика сталинских методов управления страной. — А. К.). Полковник СКОРЦЕНИ и РАДЛЬ должны были принять участие в осуществлении этого плана. АБАКУМОВ, однако, планировал «освободить» МИНДСЕНТИ с помощью СКОРЦЕНИ и РАДЛЯ, а затем во время авиaperелета застрелить его (то есть кардинала. — А. К.) — тем самым доказав связь кардинала и Ватикана с бывшими фашистами (так в тексте, логика не совсем понятна. — А. К.), а также застрелить РАДЛЯ и позволить СКОРЦЕНИ, которого он ценил выше, «исчезнуть». Каким-то образом РАДЛЬ почувствовал во время контактов со спецпредставителями АБАКУМОВА, что дело пахнет заговором и, конечно же из-за страха перед АБАКУМОВЫМ, он не предупредил СКОРЦЕНИ, но уклонился от участия в запланированной акции. С этого момента сотрудничество РАДЛЯ с МГБ начало «давать сбои», и, предположительно, позже контакт был разорван.

Если даже и существовал в действительности описанный Голеневским план «совместной спецоперации» МГБ и От-

то Скорцени, то он не смог бы осуществиться по причине форс-мажорной: 12 июля 1951 года Виктор Абакумов был арестован в Москве, обвинен «в государственной измене и сионистском заговоре». Несмотря на смерть Сталина, его расстреляли в 1954 году. Официально о его контактах с нацистами нигде не сообщалось, но тем не менее под амнистией после смерти «вождя и учителя» он не попал, в отличие от других крупных советских руководителей.



Странное хобби?

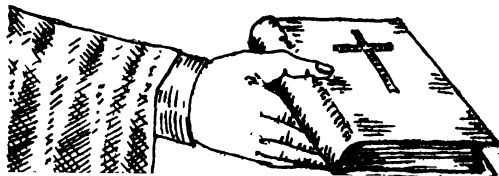
Поначалу Голеневским в ЦРУ были довольны, в 1963 году ему помогли получить гражданство США. Но со временем начальству стало не нравиться то, что «Heckenschütze» то и дело «светится» в прессе, козыряет своим якобы царским происхождением. Довольно странное хобби для сотрудника ЦРУ, сетовали его коллеги. Начальство пыталось делать ему замечания. Но Михала-Михаила как заклинило. Кадровикам спецслужбы пришлось переоформить все документы на своего работника, так как Голеневский по решению американского суда получил свидетельство, где был записан как Алексей Николаевич Романов. Это вызвало дополнительное раздражение у его начальства в ЦРУ.



Напряжение в отношениях руководства спецслужбы и Голеневского достигло пика после того, как в прессе он принялся голословно обвинять в работе на СССР видных политиков США, в том числе госсекретаря Генри Киссинджера. Это было уже слишком, и в 1964 году Голеневского из ЦРУ уволили.

Но «царевич» не стал унывать, а полностью переключился на кампанию по самоутверждению себя в роли наследника русского престола. Одним из эпизодов этой кампании и стало странное венчание в нью-йоркской квартире.

В кулуарах ЦРУ и в прессе заговорили о психическом расстройстве Голеневского. Но как тогда сегодня относиться к его рапорту 1960 года?



Он был надежным источником...

Вероятно, этот вопрос встал перед американцами еще в 1971 году, когда «Алексей Романов» уже сделался притчей во языцех бульварных газет и чуть ли не клоуном в глазах своих бывших коллег. Вспомнили о его старом рапорте, когда в ЦРУ решили выяснить, существовала ли на самом деле организация «Хакке» и связывало ли ее что-либо с советскими спецслужбами. Четкого ответа не нашлось, ограничились предположениями. Примечательна буквально первая фраза в подготовленном по этому вопросу секретном меморандуме:

По словам Михаила ГОЛЕНЕВСКОГО (когда он был еще надежным источником)...

То есть получается, что в 1971 году в ЦРУ не сомневались в адекватности своего сотрудника одиннадцать лет назад.

В меморандуме говорится:

...АБАКУМОВ тогда управлял огромной спецоперацией, целью которой было проникновение в созданную нацистскую сеть и использование ее «на доверии». Согласно ГОЛЕНЕВСКОМУ, АБАКУМОВ был весьма успешен в этом начинании, он даже преуспел в вербовке Отто СКОРЦЕНИ в качестве коллаборанта.

Скандал и забвение

Пока ЦРУ искало следы «Хакке», забросивший шпионаж Голеневский продолжал гнуть линию по защите своего царского происхождения. Он неоднократно обращался к руководству ЦРУ с требованием выдать ему протоколы о (внимание!) проведенных расследованиях касательно «неопровержимых доказательств» того, что он в действительности является

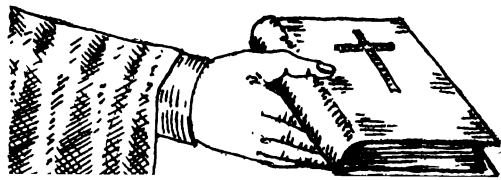
Алексеем Николаевичем Романовым. Голеневский утверждал, что по прибытии в США он передал ЦРУ свои документы: польский паспорт, польское офицерское удостоверение и идентификационную карточку о принадлежности к польской разведывательной службе, причем паспорт якобы содержал в себе копии микрофильмов важных документов о «престолонаследнике». Но из ЦРУ ему просто не отвечали.

А тут выяснилось ко всему прочему, что «княжна Анастасия», присутствовавшая на венчании «престолонаследника», — это аферистка, ловкая эмигрантка, приехавшая из Буковины за океан в поисках куска хлеба и втершаяся в доверие к влиятельным людям.

Досталось в этой истории и батюшке, венчавшему молодых в нью-йоркском многоэтажном доме. И само это событие, и скандал вокруг него возмутили церковных иерархов РПЦЗ. На Георгия Граббе посыпались грозные инвективы. Шутка ли: протопресвитер сознательно венчал самозванца, называя его при этом Алексеем Николаевичем Романовым! И в самом деле: во время совершения таинства бракосочетания по крайней мере 21 раз священник должен произнести имя жениха. Вот Граббе и произносил имя «сына Божьего Алексия». Вывод в РПЦЗ был грозен: протопресвитер Граббе двадцать один раз солгал Богу — ведь провозглашая имя жениха, он лжесвидетельствовал перед Господом!

Граббе пытался оправдаться тем, что ему-де было предъявлено светское свидетельство о бракосочетании на имя Алексея Николаевича Романова, а также тем, что он держал в руках судебное постановление, в котором говорилось, что «податель сего», Михаил Голеневский, сменил свое имя и называется Алексеем. Но оправдания протопресвитера звучали жалко.

Понемногу вся эта история стала забываться. Но самозванец, перебежчик и предатель Михаил-Михал Голеневский до самой своей смерти выпускал собственную газету «Двуглавый орел», где пытался доказывать свое царское происхождения. Похоже, что он был чуть ли не единственным ее читателем. Интерес к нему возобновился, хотя ненадолго, после публикаций в СМИ о том, что история с лжецаревичем



была якобы задумана в кабинетах КГБ для внедрения своего агента (то есть Голеневского) в ЦРУ. Но опять же все это не подтверждалось никакими документами. Возможно даже, что сам Михаил-Михал и инспирировал эти статьи в попытках напомнить о себе.

Он умер в 1993 году, о чем сухо сообщил небольшой некролог.

Зерна и плевелы

Возможно ли было сотрудничество Скорцени и Абакумова? Собирались ли они похищать венгерского кардинала? Если да, то мы узнаем всю правду, вероятно, не скоро.

Что же касается «Хакке», то нет ни одного документа, подтверждающего существование этой сети. А само ее название, как выясняется, придумал сам Голеневский. В докладе ЦРУ под названием «Использование КГБ Хайнца Фельфе. Успешное проникновение КГБ в западные разведслужбы» по этому поводу говорится:

Это кодовое имя было изначально придумано Михалом (так в тексте. — А. К.) Голеневским для использования в посвященном этому вопросу рапорте, в то время когда он еще был внедренным сотрудником ЦРУ в польской разведывательной службе. Так как мы не знаем фактического названия организации, кодовое слово НАСКЕ закрепилось и до сих пор используется из-за отсутствия лучшего термина.

Теперь о Бормане и Мюллере. Сколько правды о них в рапорте Голеневского? На этот вопрос наверняка могли быть дать ответ наши спецслужбы, но они ведь если и открывают свои архивы, то с большим скрипом, редко и неохотно, опасаясь, надо полагать, эффекта «сосуда Пандоры». Впрочем, у них на это могут быть свои основания: если Борман и Мюллер действительно сотрудничали с МГБ, то срок секретности такой информации действует и по сегодня.

Недавно, правда, стало известно о том, что шеф гестапо Мюллер мог избежать гибели в Берлине в 1945 году; возможно, улетел на легком самолете в Швейцарию, откуда перебрался в США. Впервые о том, что он мог быть советским шпионом, написал руководитель германской разведки (VI управления РСХА) Вальтер Шелленберг. В книге воспоминаний, вышедшей незадолго до его смерти в 1952 году, он говорит о том, что, когда в 1945 году агентам гестапо удалось захватить несколько радиопередатчиков, используемых советскими разведчиками, Мюллер сообщил ему, что хочет попытаться использовать эту аппаратуру для передачи в Москву дезинформации. Это насторожило Шелленберга. Но он понимал, что подозрения — еще не улики. Тем временем советские танки стремительно приближались к Берлину, и вскоре верхушке РСХА стало не до взаимных разоблачений...

Версия о Мюллере так и осталась версией. Юлиан Семёнов, вероятно, читал мемуары Шелленберга, недаром в книге «Семнадцать мгновений...» (и в фильме Татьяны Лиозновой) есть примечательный диалог:

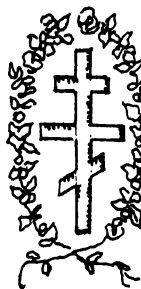
Мюллер спрятал донесения в папку и поднял трубку телефона.

— Мюллер, — ответил он, — слушает вас.

— «Товарища» Мюллера приветствует «товарищ» Шелленберг, — пошутил начальник политической разведки. — Или вас больше устраивает обращение «мистер»?

— Меня больше всего устраивает обращение «Мюллер», — сказал шеф гестапо, — категорично, скромно и со вкусом. Я слушаю вас, дружище.

В 1972 году на территории Берлина были найдены останки, которые по косвенным признакам — перелому ключицы, расположению пломб в зубах и др. — эксперты идентифицировали как принадлежавшие заместителю Гитлера по партии Мартину Борману. Проведенный в 1998 году ДНК-анализ подтвердил принадлежность останков именно ему. Но сегодня некоторые специалисты считают, что генетический тест, проведенный в 1998 году, некорректен. Эксперты утверждают: методы ДНК-анализа девятидесятых годов часто давали так



называемые ложноположительные результаты в том случае, если останки долго пролежали в земле и генетическая информация, сохранившаяся в тканях, по выражению специалистов, «разрывалась».

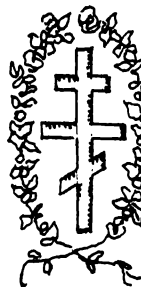
В послевоенной европейской печати писали о том, будто через три месяца после капитуляции рейха в Аргентину прибыла подводная лодка «U-29», высадившая трех моряков и одного штатского — Мартина Бормана. Сообщалось также о том, что якобы в Баварию приходили письма от Бормана с обратным адресом, где значилась Бразилия. Его «следы» находили, если верить газетным и журнальным публикациям, также в Чили, Парагвае, Гватемале, Перу, Австрии, Италии, Швейцарии, а также в Москве и даже в Калуге (о том, что Борман мог быть похоронен в Калуге, рассказал в свое время писателю Кириллу Ковальджи советский разведчик, болгарин по происхождению Борис Афанасьев). Рассекреченные документы ЦРУ зафиксировали показания о том, что Бормана якобы видели в европейских и латиноамериканских католических монастырях облаченным в сутану. Но, как показали дальнейшие исследования, речь шла всего лишь о похожих на него людях. Борман так и канул в Лету, непонятно как и где. Так, может быть, то, о чем писал в своем докладе Голеневский, не так уж далеко от истины?

Или все же доклад Голеневского — целиком и полностью фальшивка? Зная личность его автора, вполне можно допустить, что лжецаревич, пытаясь набить себе цену в ЦРУ, много чего нафантазировал. И о Бормане, и о Мюллере, и кооперации МГБ и Скорцени в деле подготовки похищения венгерского кардинала Миндсенти.

Судьба Йозефа Миндсенти сложилась трагично. Во время Венгерского восстания 1956 года правительство Имре Надя освободило кардинала из заключения, и вышедший на свободу Миндсенти призвал венгров по радио добиваться нейтралитета Венгрии и свободы совести. Но вскоре восстание подавили советские войска, и Миндсенти укрылся в американском посольстве в Будапеште. Он прожил там почти пятнадцать лет, фактически в заточении. И лишь в результате долгих дипломатических переговоров, предпринятых папой

римским Павлом VI, в 1971 году кардиналу разрешили уехать в Вену. 6 февраля 1974 года Йозеф Миндсенти объявил о своем уходе с поста архиепископа Эстергома и примаса Венгрии. Он умер в мае 1975 года; останки кардинала перезахоронили на территории Венгрии в 1991 году.

Заточение в его жизни было, заключение в тюрьму — тоже, а вот похищения — не было. И вообще сегодня есть документальное подтверждение только одного случая похищения священника высокого ранга советскими спецслужбами. Об этом — в следующей главе.



Укол в вену, укол в Вене

Радиофилиппики

Из песни слов не выкинешь: будущий епископ Василий-Виктор Леу во время Второй мировой войны воевал против Красной армии в составе 14-й пехотной румынской дивизии. За свою военную службу он был награжден орденом Михая Храброго, Национальным Крестом и медалями.

После войны, в самом конце которой Румыния стала союзником СССР, Леу закончил семинарию и богословскую школу. Служил в церкви Св. Спиридона в Яссах, был духовником в госпитале и жандармерии Бухареста.

В 1948 году новый коммунистический режим в Румынии начал гонения на Румынскую православную церковь. Румынской патриархии было предписано все ее епархии за границей переподчинить РПЦ Московского патриархата. Одним из тех, кто воспротивился этому, был Леу. Он и несколько других священников явились на встречу с бежавшим от коммунистов митрополитом Виссарионом (Пуя), который учредил румынский Православный епископат Западной Европы.

Виссарион тяжело болел и лечился в Швейцарии. Через некоторое время после ряда консультаций Леу был избран кандидатом в епископы. В декабре 1949 года он был пострижен и вскоре рукоположен в епископы в Мюнхене, в храме РПЦЗ.

В 1949 году епископ Василий-Виктор посетил бывшего румынского короля Михая и исповедовал экс-королеву Анну в Швейцарии. В Англии он был принят официально в Министерстве иностранных дел и англиканским архиепископом Лондона. В Испании его принял испанский диктатор Фран-

ко. Довольно быстро Леу становится известным в Европе проповедником, чему способствовали его частые выступления на английском и французском радио.

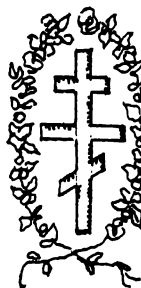
Активность и стремительно растущий авторитет Василия-Виктора Леу, чья деятельность носила ярко выраженный антикоммунистический и антисоветский характер, вызвали озабоченность как в СССР, так и самой Румынии. Началась охота за священником. Первый удар был нанесен в Бухаресте — внезапно скончался, предположительно от боевого отравляющего вещества, отец Василия-Виктора — епископ Григорий Леу. Затем, во время поездки в австрийский Инсбрук, пытались убить самого Василия-Виктора: толкнули под идущий поезд, но он чудом вывернулся из-под колес.

Все это не заставило Василия-Виктора умолкнуть, и он продолжил метать в адрес СССР и коммунистической идеологии гневные филиппики, которые слушала большая аудитория на волнах ВВС и парижского радио. Кроме того, он помогал румынским эмигрантам, обеспечивая их документами для устройства в разных странах.

Под личным контролем Берии

16 августа 1952 года Леу прибыл поездом в австрийский город Брук. Он вез с собой три чемодана, в которых содержался архив румынской епархии в изгнании, книги и церковное облачение. Все это должно было быть доставлено ближайшим экспрессом во французские Канны, где предполагалось разместить временную резиденцию епархии. До поезда в Канны оставалось много времени и, сдав багаж, священник в гражданской одежде отправился пешком в город пообедать.

На обратном пути, неподалеку от вокзала, он услышал за спиной поспешные шаги, и тут же его ударили по голове. Улица была пустынна. Потерявшего сознание Леу затолкали в машину и увезли. Это произошло в зоне ответственности в оккупационных войсках Великобритании. Очнулся епископ уже в расположении венского гарнизона Советской Армии.



В Вене, уже безбородому и с обритой наголо головой, ему вкололи препараты, подавляющие волю, и заставили подписать ряд признаний. Он согласился с тем, что вел антикоммунистическую пропаганду и был связан с английской разведкой (в первом никто не сомневался, а второе было весьма вероятно, что отмечается и в рассекреченных рапортах ЦРУ).

Затем Леу доставили через Одессу в Москву, в тюрьму на Лубянке, и допрашивали в течение семи месяцев. По некоторым данным, в допросах иногда участвовал лично Лаврентий Берия, который в то время в ранге заместителя председателя Совета министров курировал работу МВД, МГБ и Министерства государственного контроля.

Смертный приговор без казни

Через два с лишним года допросов в Москве епископа перевезли в Бухарест. Следствие по его делу было завершено, 300-страничное дело передали в суд. На суде в Бухаресте 16 ноября 1954 года Леу заявил, что ни за кем никогда не шпионил, но что он действительно ярый противник коммунистического режима, поскольку тот главный враг христианства и превратил Румынию в тюремный лагерь.

20 ноября 1954 года на заключительном судебном заседании он был приговорен к смертной казни за государственную измену. В своем последнем слове Леу попросил, чтобы его казнили как можно скорее, потому что тогда он будет уверен в том, что в тайне останутся и уйдут вместе с ним «в мир теней» имена тех, кто продолжит его дело.

Но казнь отложили. Леу переводили из одной румынской тюрьмы в другую десять лет. В 1964 году он был освобожден.

Советский шпион?

В составленном 12 сентября 1950 года оперативном донесении сотрудника ЦРУ о работе американской шпионской сети, которую возглавлял бывший гауптштурмфюрер СС Отто

фон Болшвинг, есть раздел, посвященный Леу. В документе говорится, что Леу назначил официальным представителем Румынской православной церкви в американской зоне Австрии Иона Маргарита, который в годы войны сотрудничал с нацистами, а потом был завербован фон Болшвингом. Маргарит активно «стучал» американцам на Леу.

В донесении указывается, что фон Болшвинг не сомневается в работе Леу на британскую спецслужбу (у Леу, кстати, был паспорт Великобритании, и он подолгу жил в Лондоне). Более того — фон Болшвинг стал подозревать, что Леу одновременно работает и на советскую разведку. Поводом так думать стало то обстоятельство, что через Иона Маргарита епископ настойчиво пытался связаться с Константином Папанаце — проживавшем в Риме бывшим «железнодорожником», который в Румынии был объявлен нацистским преступником. За Папанаце охотилась Секуритате, так как было известно, что из эмиграции он руководит сепаратистским движением румынских македонцев. В разговоре с Маргаритом, как тот сам доложил своим кураторам из ЦРУ, Леу интересовался составом и работой группы, руководимой Папанаце.

Но подозрения фон Болшвинга в том, что Леу — советский шпион, развеялись после того, как стало известно, что епископ пытается вывезти из Румынии свою дочь, но этого сделать ему не удастся. Действительно: если бы он был русским агентом, то наверняка Москва помогла бы ему.

Кстати, дочь Леу, студентку Флорику Леу, все же вывезли из Румынии в 1952 году, но ненадолго и в Москву: агенты Секуритате доставили ее на Лубянку, чтобы она подтвердила личность арестованного отца, порядком измученного допросами и психотропными препаратами.

Умер епископ в 1978 году. До сих пор остается загадкой, почему его не казнили в 1954 году. Возможно, этому причиной были арест и расстрел Лаврентия Берии, после чего румынские коммунистические власти заняли выжидательную позицию.



Бурные волны «Автономного плавания»

Секретная миссия францисканского монаха

Этот важный для американцев документ, сердцевиной которого была тщательно прочерченная советская разведывательная сеть, попал в Управление стратегических служб США окольным путем. Случилось это в декабре 1946 года.

Менее чем за полгода до этого из Ватикана в Мюнхен, находившийся после войны в американской зоне оккупации, отправился францисканский монах отец Захариас с секретным заданием от Конгрегации по делам Восточных Церквей. Формально он был назначен помощником отца Николая Автономова.

Архиепископ Ратиарский и униатский митрополит Германского Римского патриархата (так полностью называлась его должность) Николай Автономов жил в здании на Рентгенштрассе. Захариас был послан к архиепископу в качестве негласного соглядатая, ему было поручено выяснить, насколько правдива поступающая в Ватикан из разных источников информация о том, что Автономов дискредитирует свой духовный сан.

Менее чем через полгода после своего прибытия в Мюнхен отец Захариас направил доклад отцу Алоизиусу Мюнху, апостольскому представителю и руководителю Папской миссии по делам беженцев в Германии. Мюнх был в шоке от содержания доклада и незамедлительно поделился его содержанием с американской военной контрразведкой, с которой был в тесном контакте. Было чему удивиться: по

докладу францисканца выходило, что отец Николай Автономов — русский шпион!

Доклад сопровождался схемой агентурной сети, в которой сам Николай Автономов (под криптонимом «Nikolai of Ratiar») находился в середине; были обозначены четыре его основных осведомителя и несколько получателей информации. В приложении был перечень членов подпольной группы, работавшей на СССР.

Американская военная контрразведка занялась этим вопросом. Для начала в СИС подняли досье на Автономова. В числе прочих всплыли документы о том, что во время Второй мировой войны тот сотрудничал с гестапо на оккупированной советской территории. Так, по его навету в Пятигорске был казнен священник Лазаревского храма отец Василий (Геккель), которого немцы приговорили к смерти за помощь Советской Армии и укрывательство партизан.

Неужели сотрудничество с советской разведкой — попытка Автономова загладить свою вину? Или он сотрудничал с русскими-эмигрантами, бывшими белогвардейцами? Американцы начали его оперативную разработку священника, установив за ним наружное наблюдение, и приступили к поisku людей, упомянутых в докладе бдительного Захариаса.

«Обновленец»

Автономов учился в начале XX века в Тамбовской духовной семинарии, откуда был исключен в 1909 году за пьянство. Позже он все-таки был рукоположен в священники, поскольку в 1920 году мы обнаруживаем его в качестве батюшки в Царицынской (Сталинградской) епархии. Но не прошло и пары лет, как Николай Автономов ударился в обновленческий раскол — стал сторонником течения внутри Русской православной церкви, главным принципом которого была лояльность по отношению к советской власти. Обновленцы выступали против руководства церковью патриархом Тихоном, стремились к модернизации богослужения и заявляли



о полной поддержке преобразований, проводимых большевиками. В период наибольшего влияния — в 1922—1923 годах — более половины российского епископата и приходов находились в подчинении обновленческих структур.

С 1930 года Автономов служил обновленческим епископом в Ставрополе, затем, в 1932 году, был назначен в Тверскую епархию, откуда уже через полгода его уволили «за целый ряд неправильных поступков, унижающих епископское достоинство». Другими словами — за «аморалку». Не сложилось у Автономова и в Дагестане, где в 1934 году ему было запрещено заниматься священнослужением за «бестактную деятельность в должности настоятеля собора г. Махачкалы».

Но в апреле 1934 года опала с него была снята, и он был откомандирован в Курскую митрополию для замещения Старо-Оскольской кафедры. Но и там он задержался ненадолго, и в начале 1935 года оказался в Ивановской митрополии, которой управлял в то время известный «обновленческий» деятель Александр Боярский. Когда того арестовали, Николай Автономов занял его место и стал митрополитом. Однако в 1938 году уже сам Автономов был арестован по «делу» так называемой Автокефальной черной Церкви. На следствии он дал показания против Александра Боярского, своего бывшего начальника, свалив на того все грехи, и был выпущен на свободу, однако с запрещением служить в церкви.

Коллаборационист

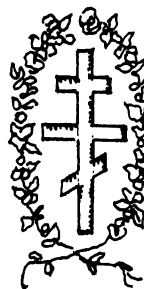
Начавшаяся война восстановила, казалось бы, оборвавшуюся духовную карьеру Автономова. Он оказался в оккупации в Пятигорске, где к приходу немцев работал на местном мясокомбинате. Но тут же объявил себя архиереем (причем без всякого намека на обновленчество) и стал служить в небольшом, уцелевшем в годы войны, кладбищенском храме, вместе с тем самым протоиереем Василием, которого по его доносу потом расстреляют гестаповцы.

Когда 11 января 1943 года Красная армия освободила Пятигорск, Автономов отступил вместе с немцами. Оказавшись на Украине, он умело ввел в заблуждение экзарха Украинской автономной церкви митрополита Алексия (Громадского), который 3 января 1943 года назначил Автономова временным управляющим Мозырской епархией. В Мозыре, впрочем, Автономов пробыл недолго, так как приближались советские войска, и отбыл в Варшаву. Там он по поручению местной германской администрации «религиозно обслуживал» неарийские воинские подразделения.

26 мая 1944 года Автономов без лишней скромности объявил себя «Православным руководителем для легионеров и воинских соединений Вермахта и Охранных войск в генерал-губернаторстве» и обратился к Архиерейскому Синоду Русской зарубежной церкви с прошением принять его «в каноническое и евхаристическое общение». Ответа не последовало: репутация просителя была уже известна в РПЦЗ.

Но Автономов делает хитрый ход: он выходит на белого генерала, бывшего атамана Всевеликого войска Донского Петра Краснова, пошедшего на службу к немцам. Представившись уроженцем казачьей станицы, что было правдой, Автономов выдает себя за канонического православного архиерея, а о своем былом «обновленчестве» не упоминает ни словом. Автономов понравился атаману, и тот допустил его к «духовному окормлению» красноновских казачьих частей, состоявших из коллаборационистов, перешедших на службу в вермахт.

В августе 1944 года Автономов вновь обращается в Синод РПЦЗ и лично к митрополиту Анастасию (Грибановскому). К письменному обращению он прикладывает прошение руководителей главного штаба «Казачьего Стана» (военной организации, объединявшей казаков в составе вермахта) на имя председателя Синода, в котором говорится об избрании Автономова казачеством на кафедру Донской и Новочеркасской митрополии. Но Синод признал прошение поддельным: оно было скреплено печатью одного из румынских православных приходов, который никакого отношения к казачеству не имел.



Это побудило Синод РПЦЗ провести расследование, которое пришло к выводу, что Автономов — самозванец. 11 октября 1944 года Синод постановил:

- а) прошение Николая Автономова о принятии его в молитвенное и евхаристическое общение отклонить ввиду непринадлежности его к составу канонических православных епископов;
- б) уведомить генерала Краснова, что Николай Автономов как самозванец и обновленец не может быть назначен ни на какую церковную должность;
- в) просить Митрополита Берлинского и Германского Серафима аннулировать выданное им Николаю Автономову удостоверение о том, что он является православным епископом, коему разрешено совершение богослужений в пределах Германской епархии...

9 апреля 1945 года Архиерейский Синод окончательно отклонил просьбу Автономова о пересмотре его дела. Через месяц завершилась Вторая мировая война. На Автономова накатила новая волна событий и обстоятельств. Он умело ее оседлал, и она вынесла его теперь уже в лоно униатской церкви.

Он опять умудрился запутать тех, от кого зависела его новая карьера, и в результате был возведен папой Пием XII в сан митрополита. Теперь Автономов — глава униатов Германии, в подчинении Ватикана.

Вместе с семьей он прибыл в декабре 1945 года в Мюнхен, где приступил к изданию журнала «Колокол» и организации униатского прихода. Одним из направлений служения архиепископа стало окормление выходцев из России и других советских республик — пленных, эмигрантов и их родственников.

Опять к казакам

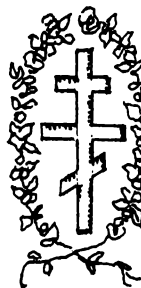
7 февраля 1946 года в лагерь для военнопленных близ немецкого города Мемминген прибыл священник для защиты,

как он объявил, перед американской оккупационной администрацией интересов гонимых русских казаков. Это был Автономов. С ним встретился войсковой атаман Кубанского казачьего войска в эмиграции с 1920 по 1958 год, генерал Вячеслав Науменко. Вот как он описал в своей книге «Великое предательство. Казачество во Второй мировой войне» встречу с Автономовым, упорно беря в скептические кавычки духовный сан афериста:



...Он поехал в Рим, там пробыл два месяца и получил от Папы Пия документ о назначении его митрополитом Германским с титулом архиепископа Ратъярского. На мой вопрос, что значит этот титул, он объяснил, что все епископы, подчиненные Папе, имеют титул по какой-либо части Святой земли. Получил его и он, но что это за часть Святой земли, он мне объяснить не мог.

Таким образом, он вошел в подчинение Римского Папы и получил от него задачу защищать интересы русских, как православных, так и католиков. Во исполнение этого поручения о. Николай и был 31 января у командующего 3-й американской армией генерала Трускота. Тот принял его очень хорошо, сказал, что он всемерно сочувствует нам, но что у него имеются распоряжения своего правительства, которые он обязан выполнять... Выслушав все это, я подвел итог, что о. Николаю дано право защиты интересов русских перед американскими, английскими и французскими властями и спросил, а какие за это им (Николаем) приняты на себя обязательства. Он на этот вопрос ответил нерешительно и неопределенно, сказав, что фактически никаких обязательств он на себя не взял, что у Папы несколько изменилось отношение к инаковерующим, что он просто хочет помочь православным, не требуя за это ничего.



Я спросил, каковы будут взаимоотношения с Папой тех православных людей, которые будут через него (Николая) искать защиты Папы. Он ответил, что от них ничего не требуется. Тут вмешался в разговор его секретарь (господин Ващенко Б. С., бывший кавалерийский офицер) и сказал, что он себя называет «римо-католиком православного обряда». Ответ этот ясно показал, каковы обязательства тех, кто войдет под защиту Папы.

Затем я спросил «архиепископа», что должен сделать всякий желающий иметь папскую защиту. Он ответил, что надо обратиться к нему (Николаю) с просьбой об этом и больше ничего. Так как я знал, что дана форма письменного обращения, то спросил, надо ли подавать письменное заявление и по какой форме. На это о. Николай несколько задержался с ответом, а его секретарь сказал, что имеется определенной формы прошение, которое и надо подписать. Тогда «архиепископ» взял свой портфель и вынул из него папку, из которой извлек формуляр прошения. Я его списал полностью. Он гласит:

«Прошение. Прилагаясь к исповеданию православной Вселенской веры, сыновне прошу принять меня в каноническое общение с Вами, Ваше Высокопреосвященство, и подведомственного Вашему Высокопреосвященству духовенства, а равно и под духовную опеку Святейшего Престола, Пия Папы Римского. Дата. Подпись».

Эта форма прошения также указывает на цели, преследуемые Папой.

Основной целью Автономова было обращение пленных казаков в униатство, считает Науменко.

Намного серьезнее к фигуре Николая Автономова отнесся лидер Казачьего национально-освободительного движения (КНОД) Василий Глазков. Во время работы в 1947 года в Мюнхене «Всеказачьего комитета» Глазков предложил создать «Автокефальную казачью церковь» под руководством отца Николая. Но разгоревшийся шпионский скандал сломал это план.

Откуда взялась схема агентурной сети

В документе, попавшем в американскую контрразведку от католиков, было нарисовано некое агентурное «древо», в середине которого находился Автономов, а на вершине (то есть в конце разведсети) значились главные получатели се-

кретной информации — некие Росунов (Розунов) и Хомяков. Автономов был связующим звеном.

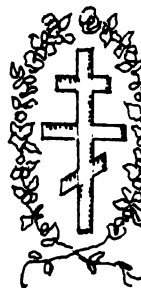
Из приложения к донесению следовало, что Автономов поставлял информацию о ситуации в американской зоне оккупации неким Михайлову, Соколову, Димитриеву, Павлову, Гансону, Резникову, Аниссимову, а получал сведения от Масурова (или Масуренко), Прохорова, Девятки и Енакова. Упоминались также некие Иванов и Чеботарёв (без имен, только фамилии) и, в качестве помощников, дочь Автономова — Надежда Алексеевна и ее муж по фамилии Свеницкий.

В другом приложении были раскрыты фамилии членов подпольной группы Автономова: Куловец, Иванов, Орлов, Садовский, Шевяков, Френда и др. — всего 26 человек.

Всего этого было достаточно, чтобы Автономова задержать и отправить в следственный изолятор. Американцы начали допрашивать его, демонстрируя копию схемы разведсети, но не называя источник ее получения. Автономов был ошарашен и ничего толком не мог объяснить. Следователи решили, что он тянет время.

Сотрудники СИС ломали голову по поводу тех, кто упомянут в документе (ясность было только в отношении дочери и зятя Автономова). Рассматривали разные варианты, включающие в себя искаженные или усеченные фамилии и перепутанные имена фигурантов. Гадать можно было долго: одних подходящих Ивановых нашлось четверо — все они по тем или иным признакам подошли бы на роль помощников Автономова: двое были офицерами власовской РОА, еще двое арестовывались американской военной контрразведкой в ходе операции «Бинго». (Такое наименование получила в 1946 году широкомасштабная операция по нейтрализации советской разведсети, во время которой были допрошены или взяты под наблюдение 385 лиц — советские граждане, жившие в лагерях для перемещенных лиц, в том числе советские офицеры.)

Но прошло еще какое-то время, и американцы поняли, что ничего из того, что было написано в документе, поначалу казавшегося весьма ценным, не подтверждается. Пустышка! И даже не дезинформация, а просто ерунда



какая-то... Автономов выпустили на волю. Но разбирательство продолжалось. Требовалось выяснить, кто надул «пузырь». И зачем.

Шелленберг, да не тот

Исследуя цепь, по которой пришла к ним информация об Автономове, американцы вышли на «исходник». Им был житель Айхштетта (небольшого городка в Баварии), некий Франц Шелленберг, никакого отношения не имеющий к знаменитому Вальтеру Шелленбергу, начальнику VI управления РСХА, просто однофамилец.

Выяснилось, что Франц Шелленберг родился в России, знает русский язык. Работая инженером, а затем директором металлургического предприятия, он до войны участвовал в переговорах с советской стороной о поставках вооружений, был знаком с высокопоставленными московскими чиновниками, отвечавшими за производство военной техники, оружия и боеприпасов. Несколько лет, в том числе в годы войны, Франц Шелленберг был агентом УСС и информировал США об оборонной промышленности в СССР. Но со временем в УСС пришли к выводу, что эта информация не представляет интереса, и отказались от его услуг.

На прямой вопрос о том, как попала в его руки схема советской разведсети, Шелленберг отвечал уклончиво, ссылаясь на то, что, мол, он дал слово не называть имена неких армейских офицеров США, от которых к нему поступили материалы. Он мялся и противоречил сам себе, говорил о том, что информацию, дескать, получил подлинную, но лично он не уверен, что Автономов — советский агент, а, скорее всего, таковым может быть его секретарь Вашенко. Не добившись никакого толка от Франца Шелленберга, дело в Корпусе контрразведки США закрыли. Шелленберга отчитали за склонность к фантазиям, и не более того — ведь фальшивая информация была им предложена монаху-францисканцу Захариасу, а вовсе не американским властям.

Вероятно, дело было так. Франц Шелленберг очень хотел вернуться к сотрудничеству с американцами и для этого пошел на подлог. Пышная агентурная «крона», приложенная к сфабрикованному им документу, была «развесистой клюквой». Но она могла заинтересовать спецслужбы США. Шелленберг все просчитал: он вращался в русскоязычных кругах послевоенной Германии и, вероятно, знал о сомнительной репутации Автономова. Вот и «назначил» того русским разведчиком.

Автономов же после этой истории решил, что из Германии ему лучше уехать.

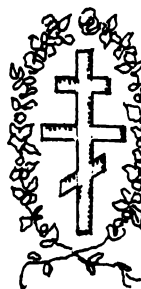
Интересные наблюдения об Автономове оставил лично знавший его деятель антисоветской эмиграции первой волны, писатель Сергей Фрëлих в своей книге «Генерал Власов: русские и немцы между Гитлером и Сталиным»:

В Мюнхене он регистрировал всех, кто присоединялся к его «приходу» и выписывал им официальную охранную грамоту, которая гласила: «Господин такой-то с женой и семьей принадлежит к русскому католическому приходу в Мюнхене. Все они состоят под охраной Святейшего Престола». Большая печать с ключами Ватикана и соответствующая подпись закрепляли этот документ.

Такая охранная грамота сама по себе не имела ценности, но считалась в то время полезным документом. Люди так желали ее получить, что за ней стояла двойная очередь от Рентгенштрассе, 5, до площади Галилея. Жители Мюнхена знают, что это весьма порядочное расстояние.

За каждую охранную грамоту Автономов взимал 50 рейхсмарок, которые тогда было весьма легко мобилизовать, если учесть, что коробку сигарет на черном рынке продавали за 1000 рейхсмарок. На основании такого громадного спроса Автономов мог каждую неделю докладывать своему начальству о больших успехах. Его «приход» рос, как гриб после дождя, а возможно, и еще скорее...

После того, как наплыв прозелитов к этой «русской католической церкви» стал ослабевать, немедленно возник новый проект. На этот раз собирали желающих, которые проявляли интерес по-



селиться на землях, принадлежащих Ватикану в Аргентине. Для покрытия расходов взималась такса в 200 рейхсмарок, желающие регистрировались, и деньги поступали.

В конце 1940-х годов Автономов, сколотивший неплохой капитал на охранных и прочих филькиных грамотах, добился у Ватикана назначения в Аргентину. Его направили туда для работы среди русских беженцев в качестве так называемого ритуального митрополита без юрисдикции. Но этот статус его быстро перестал удовлетворять, и из Аргентины он отправился в США, где и провел остаток жизни. Он скончался в 1979 году в скромном сане простого священника, на этот раз — Русинской греко-католической церкви.

Тайны домового храма русской императорской семьи

Бежал, поймали, завербовали

Упомянутый в предыдущей главе Сергей Фрëлих достоин более подробного упоминания, тем более что и он однажды поучаствовал в шпионской операции, связанной с церковью.

В июле 1946 года Фрëлих был привлечен в Германии к работе на ЦРУ в качестве агента. Его завербовали после того, как он бежал из американского лагеря, но был пойман. Одно из заданий Фрëлиха состояло в том, чтобы уговорить работать на ЦРУ игумена Пантелеимона (Рогова).

Этот русский священник одновременно служил в Мадриде, в домовом храме великого князя Владимира Кирилловича Романова, и периодически, наездами, — в Берлине. В Германии он, как правило, проводил службы, когда великий князь покидал Мадрид. Игумен мог представлять большой интерес для ЦРУ как источник информации о жизни русского императорского двора в изгнании.



«Я передаю привет
от Великого князя Владимира»

В августе 1954 года отец Пантелеимон встретился с Фрëлихом в Мюнхене. После долгой беседы священник сказал вербовщику, что готов вступить в контакт в Берлине с «соответствующим доверенным лицом американцев». И пред-

ложил использовать пароль: «Я передаю привет от Великого князя Владимира».

Но рассекречен пока только один документ — о начале вербовки. Данных о работе Пантелеимона на американскую спецслужбу нет. Возможно, ее и не было. В 1957 году Пантелеимон был возведен в сан архимандрита и уехал служить в Бизерту (Тунис). А с Фрëлихом со временем ЦРУ прекратило сотрудничество, посчитав его некомпетентным и неэффективным.

Русская мечта хорватского иезуита

Противоречивые ярлыки

Никто точно не знает, когда и где он родился и где умер. Кто-то уважительно называет его интеллектуалом, а кто-то неприязненно — авантюристом. Кто-то — участником Словацкого антифашистского восстания, а кто-то — предателем. Кто-то видит в нем образец священника, а кто-то — служителя антихриста. Рассекреченный документ ЦРУ, возможно, восполнит некоторые лакуны нашего представления об этом священнике, которого всю жизнь влекло к Советскому Союзу.

Имя, данное этому человеку при рождении, — Степан Томислав Поглайен. Он родился 8 сентября 1906 года, по одним данным — в черногорской Подгорице, по другим — в маленькой деревне недалеко от хорватского города Нашице. Рос в семье учителей. В шестнадцать лет поступил в орден иезуитов в Травнике, потом изучал философию, социологию и теологию во Франции и набирался знаний в Бельгии, в престижном католическом университете Лувена, где и был рукоположен в 1935 году.

Во время пребывания в Бельгии углубленно изучал философию христианской личности, разработанную французом Эммануилом Муниером, который выступал за приоритет человека, а не государства в извечном противостоянии этих основ бытия. Большое влияние на формирование личности Поглайена и его представления о возможностях христианской миссии оказал опыт участия в движении Jeunesse Ouvrière Chrétienne («Рабочая христианская молодежь»), основанном в 1925 году бельгийским священником (впоследствии кардиналом) Жозефом-Лео Кардейном.



К этому времени Поглайен знал уже не только латынь, но и немецкий, французский, итальянский, английский и русский языки. Он преподавал социологию в Загребском философском институте, был одновременно профессором социологии и нравственного богословия в учебном заведении иезуитов в Сараево и редактировал богословский журнал. В своих лекциях и статьях он критиковал идеологии, противоречащие христианскому мировоззрению — фашизм, нацизм и коммунизм.

В соответствии с Фатимскими пророчествами...

В 1941 году Хорватия стала полуфашистским государством с немецкими и итальянскими оккупационными зонами. Вольнодумцем-священником Поглайеном заинтересовались гестапо и местная служба безопасности. С ним провели «профилактическую беседу», и Поглайен был вынужден «уйти в тень»; более того, он стал называться девичьей фамилией своей матери — Колакович. Это, впрочем, не помогло, и в 1943 году ему пришлось перебраться в Словакию.

В Братиславе он создал множество христианских кружков, в которых преподавал философию и другие гуманитарные науки через призму католической догматики, а кроме того учил желающих основам первой помощи больным и раненым, так как у него было еще и медицинское образование. Здесь он также создал подпольную общину католиков-мирян «Rodina» («Семья»), одним из первых членов которой стал Владимир Юкл, впоследствии известный богослов и общественный деятель. Юкл так вспоминал о своем старшем наставнике: «Его главным устремлением была евангелизация России: ради этого он жил и к этому он готовил нас». Заметьте: именно России. «Целью Колаковича было попасть в Москву, встретиться со Сталиным и внести вклад в религиозное обращение СССР — в полном соответствии с Фатимскими пророчествами...» — пишет в одной из своих статей российский историк Елена Глушко.

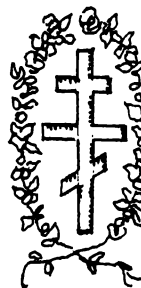
Напомним, что в Фатимских пророчествах — серии апокалиптических видений и пророчеств, якобы данных трем молодым португальским пастухам самой Богородицей с мая по октябрь 1917 года, — говорилось среди прочего, что мир на земле наступит лишь в том случае, если Россия обратится к Богу.



«Матерый иезуитский агент»?

В литературе можно найти довольно серьезные обвинения в адрес Томислава Колаковича. Например, в некоторых публикациях говорится о том, что он, «матерый иезуитский агент», во время антифашистского восстания в Словакии осенью 1944 года с помощью прелата Шкрабика внедрил в ряды восставших и передавал фашистам услышанные на исповеди военные тайны. Также ему вменяются в вину неоднократные встречи со Степаном Бандерой и то, что он «снабжал бандитов оружием, боеприпасами, продовольствием, радиопередатчиками и долларами».

Заслуженны ли подобные обвинения? Шутка ли — предательство, сотрудничество с гестапо, помощь бандеровцам... Но надо принять во внимание то очевидное обстоятельство, что Колаковича никто не преследовал после войны как военного преступника. И он ни от кого нигде не скрывался. Разве так ведут себя те, на ком лежит грех коллаборационизма?..



Словацкое восстание

В 1944 году в Словакии вспыхнуло восстание против немецких оккупантов и марионеточного фашистского режима Йозефа Тисо. Оно вызревало давно. В августе того же года Тисо получил информацию о том, что в Карпатах и Центральной Словакии создаются партизанские отряды, и объявил в стране военное положение. Но опоздал: уже к 20 августа целые гарнизоны перестали ему подчиняться и начали переходить

на сторону повстанцев. И Тисо ничего более не оставалось, как 29 августа обратиться за помощью к немцам.

Но после вторжения гитлеровцев вооруженное сопротивление оккупантам только усилилось и вылилось во всенародное восстание, центром которого оказался город Банска-Бистрица. В отличие от варшавского, словацкому восстанию советская сторона всячески помогала. На словацкие аэродромы из СССР доставлялись винтовки, автоматы и прочее вооружение. Сюда перебрасывались подкрепления из числа словаков, перешедших на сторону Красной армии, отряды советских партизан с освобожденных территорий и целые подразделения специалистов — в первую очередь подрывников и диверсантов.

Но силы были неравны. 27 октября нацисты захватили Банско-Бистрицу. Оккупанты казнили несколько тысяч участников восстания и около тридцати тысяч отправили в концлагеря. Впрочем, это не было полной победой гитлеровцев: многие повстанцы отступили в горы, где продолжали воевать вплоть до освобождения страны.

В те дни, по свидетельству очевидцев тех событий, Колакович сменил сутану на полувоенную форму. Чешский дипломат, автор книг по истории католической церкви Вацлав Вашко, лично его знавший, в своей статье «Профессор Колакович — мифы и реальность» (в выходящем в Праге журнале «Импульс») пишет о том, что во время восстания в Быстрице Колакович «встречался с известными советскими партизанскими командирами — майором Студинским и капитаном Егоровым. С их помощью и с разрешения епископа он смог разместить в некоторых партизанских отрядах военные чашовни. Кроме того, он посещал священников и призывал их присоединиться к восстанию, поскольку, по его словам, словакам предоставлена последняя возможность очистить себя от обвинений в том, что они сотрудничали с нацистской Германией». Вашко сообщает, что майор Студинский, с которым Колакович поделился своими «русскими» планами, собирался отправить его в Киев курьерским самолетом, но сделать это не удалось. Он также пишет об уважительном отношении партизан к Колаковичу, который часто беседовал с ними о Боге и церкви.

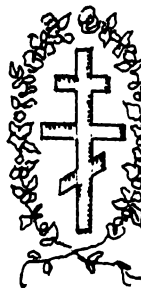
С помощью портативного станка Колакович напечатал 200 тысяч листовок о явлении Девы Марии в Фатиме и ее пророчествах. Эти листовки, как утверждает Вашко, принимали боевой дух словацких партизан и влившихся в отряд советских солдат.



Рапорт о встрече во Вьетнаме

18 ноября 1954 года итальянский резидент ЦРУ направил в Лэнгли секретный рапорт о встрече своего агента с Колаковичем. Состоялась она во Вьетнаме, куда Колакович привез христианскую литературу.

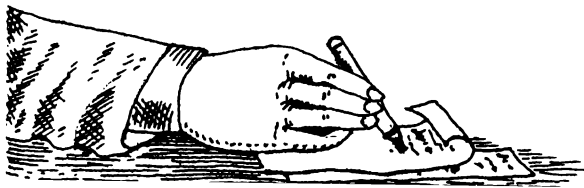
Вероятно, это был так называемый вербовочный подход. Колаковича изучали на предмет возможного сотрудничества с ЦРУ. Агент отметил несомненные «kozyри» Колаковича: связи с иерархами в Ватикане, серьезные контакты за «железным занавесом», а также стремление священника путешествовать по миру, — и высказал мнение, что «субъект» тайно работает на разведку Ватикана (что вполне вероятно, ведь к этой работе были подключены многие влиятельные католики, в первую очередь — иезуиты). Было обращено внимание и на то, что Колакович — автор книги «Подпольный Бог» (о ней — чуть позже).



В какой-то момент Колакович заговорил с агентом о России, интересуясь, может ли он получить рекомендательные письма к крупным промышленникам, например к Форду, чтобы обратиться к ним «за деньгами, столь необходимыми для продолжения его работы по подпитке умов и душ русских христиан».

Далее в рапорте сказано:

Субъект впервые убедился в реальности христианского подполья в России, когда он служил партизанским офицером в Красной армии (так в тексте. — А. К.) в 1944 году. В течение этого времени он оставался практикующим католическим священником и пытался тайно проводить мессы и совершать таинства. После



капитуляции Германии субъект с помощью высокопоставленных офицеров Советской армии, с которыми он связал себя, восстановив их Веру и передав им Тайнства своей Церкви, въехал в Россию под вымышленным именем и много путешествовал по всей стране, перемещаясь от одного христианского контакта к другому.

Во время своего пребывания в стране он обнаружил неопровержимые доказательства того, что в основном духовный характер русского народа, как католического, так и православного, благополучно пережил антирелигиозные кампании и показную религиозную терпимость со стороны государства... Он решил по возвращении на Запад посвятить себя снабжению этих людей литературой, с помощью которой они могли бы расширять и продвигать христианскую контрпропаганду.

Он искал и нашел поддержку своей деятельности у кардинала ТИССЕРАНТА из Конгрегации по делам Восточных Церквей... Как иезуит, присягнувший своему руководству, он получил поддержку и одобрение генерала ордена иезуитов.

Обращает на себя внимание то, что, во-первых, подтверждается (правда, со слов «субъекта») партизанское прошлое Колаковича, о котором пишет Вашко. А во-вторых, в документе нет ни слова о связях Колаковича с гестапо, словацкими коллаборационистами или бандеровцами. Если бы в его биографии были такие страницы, то, шантажируя ими, завербовать его было бы значительно легче. Этим методом не гнушаются все разведки мира.

Откуда тогда взялись обвинения против Колаковича, которые тиражируются по сей день, хотя и не подкреплены никакими документами? Считаю, что это продукт советской лобовой пропаганды. Информация о том, что Колакович был коллаборационистом, — фальсификация, появившаяся на свет после того, как спецслужбы восстановленной Чехословакии начали преследовать инакомыслящих, в том числе католических священников.

В ходе этих гонений были арестованы Владимир Юкл и другие близкие к Колаковичу церковные деятели. Добрались и до него самого: полгода в общей сложности провел

он в камерах следственного управления в Праге и Братиславе и был освобожден, по некоторым данным, в результате ходатайства западных дипломатов. После этого Колакович покинул Чехословакию и уехал в Бельгию.

«Подпольный Бог»

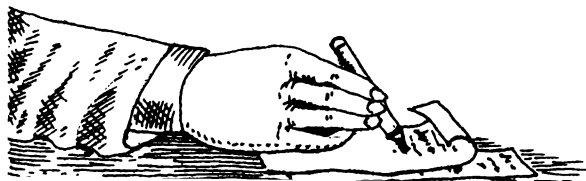
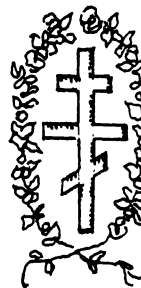
Колакович рассказал о своем пребывании в партизанском отряде и своих впечатлениях о СССР в книге «God's Underground» («Подпольный Бог»), которая вышла в 1949 году в США под псевдонимом Father George. Писалась книга в соавторстве с профессиональным литератором.

Если рассказ о военном периоде не вызывает вопросов, то путевые впечатления о пребывании в СССР кажутся скорее беллетристическими. Автор рассказывает о том, что посещал в Советском Союзе «секретные семинарии», готовящие молодых людей к священству. Он знакомился со священниками и верующими, которые нашлись даже среди армейских и милицейских офицеров.

О каком путешествии по СССР говорит автор? Реальном? Или, как мы сказали бы сегодня, виртуальном? Не исключено, что соавтор Колаковича, делавший литературную запись его рассказов, дополнительно «раскрасил» и драматизировал события.

После войны

Вацлав Вашко упоминает версию о том, что весной 1945 года Колакович все-таки побывал в СССР, в Москве и, возможно, даже встретился с членами политбюро. Называется имя Анастаса Микояна. Но о деталях этой гипотетической поездки практически ничего не известно. Есть упоминание о том, что в ноябре 1945 года священник рассказал о своем московском вояже папе римскому.



О дальнейшей судьбе Колаковича известно мало. Вашко пишет о том, что он слышал о его пребывании в США и Италии, встречах с матерью Терезой в Индии, миссионерских поездках по Вьетнаму, Китаю и Филиппинам. В Китае и на Филиппинах Колакович часто менял имена, так как его проповеди приводили к недовольству местных властей. Среди его филиппинских псевдонимов — отец Георгий, Владо, доктор Умро, Томазо Джордж, аббат Жорж, а в Китае он звался Хунага.

Интересные заметки о Колаковиче оставил словацко-российский иезуит, отец Алексей Стричек. Он вспоминал, как вскоре после войны он и известный французский католический философ и теолог Тейяр де Шарден за обеденным столом в парижском Католическом институте как-то раз выслушивали «катастрофические предсказания одного гостя»:

Это был хорват, экс-иезуит, известный под фамилией Колакович. Я познакомился с ним, живя в Загребе. Там он пользовался большим успехом среди молодой интеллигенции. Переселился в Словакию, где стал кумиром студентов-медиков, целителем и неким магом. Под большим секретом сообщал, что он все еще иезуит, но ввиду особого посланничества отец-генерал просил его скрывать свое членство в Обществе Иисуса.

Когда подали кофе, Колакович вынул из сумки карту мира. Красным цветом на ней были указаны государства, где восторжествует коммунизм. Отец Тейяр молча слушал о предсказываемых катаклизмах, как о любом историческом процессе.

Предсказание гостя подтвердилось.

Тридцать лет спустя в мою комнату входит мужчина в черном пальто, с черной шляпой: никто иной, как сам Колакович. Садится, подает мне пачку долларов на мои нужды. Из портфеля достает большой пакет распечатанных на ротаторе тетрадей с целью распространения...

Дальше следует что-то не совсем понятное. Тетради, которые Колакович принес Стричку в конце 1970-х годов, тот смотреть не стал, а сразу передал их для ознакомления другим людям. Те потом утверждали, что они напичканы

антисемитизмом. Автор книги «Автобиография рядового иезуита отца Алексей Стричека» ни подтверждает, ни отрицает этого. Но, как бы то ни было, на имя Колаковича снова была брошена тень. Возможно, Стричек это сделал по каким-то личным причинам, это чувствуется даже по интонации его рассказа.

Был ли Томислав Колакович завербован ЦРУ? Об этом нет никакой информации. Но точно известно, что его всю жизнь влекло к России. Почему? Как считает выходец из общины «Rodina» Сильво Крчмери, в основе этого влечения были христианские любовь и сострадание. Крчмери пишет о том, что Колакович «осознавал, как тяжело страдает этот народ».

Никто не знает точно, когда он умер. По одним данным — в 1981-м, по другим — в 1990 году. Разброс немалый... Где же почил этот необычный иезуит, проповедник и врач, точно неизвестно. Предположительно, в Париже. По другим данным — в Индии. Родственников да и просто близких людей у него не было, а потому не осталось и свидетельств. Вот и появляются в справочниках и энциклопедиях статьи о Колаковиче с оговорками: «вероятно», «предположительно», «по разным данным»...



Архимандрит в египетском плену

Допрос

Визгливо заскрипели ржавые болты, которыми закрывалась камера, и вошел охранник.

— Русский священник, на выход! — скомандовал он по-арабски.

Архимандрит Алексей с трудом поднялся с жесткой деревянной кровати. Температура его была под 40 градусов, мысли путались, иногда он впадал в забытье.

— Поторапливайтесь! — Усы охранника топорщились, форма его была песочного цвета... песок... песок... всюду песок и камни...

Священник упал в обморок. К его лицу поднесли нашатырь:

— Вставайте, вас ждут.

Тучный следователь источал восточные благовония. Глядел он строго. Допрос, впрочем, велся корректно и вежливо. Отец Алексей сидел на железном стуле, преодолевая головокружение. Он никак не мог понять главное: почему пять дней назад, ранним августовским утром 1948 года, его арестовала египетская полиция. Арестовали архимандрита обманом, заявив, что приглашают в гувернатарат (губернаторство) для делового свидания с полковником Эйзад-беем, который, в частности, отвечал за контакты с приехавшими из Европы священниками, а на самом деле препроводили в александрийскую крепость Ком-Эль-Дик.

Еще по пути в крепость-тюрьму отец Алексей потребовал показать ордер на арест, возмутился, что ему не дали возмож-

ность собраться, взять с собой лекарства, принадлежности обихода — белье, мыло, а главное — Библию. Его конвоиры молчали. Отец Алексей не знал, что накануне его ареста вступил в действие закон, по которому в условиях разгоревшейся арабо-израильской войны власти Египта могли арестовать кого угодно без объяснения причин.

Очередной допрос... Он уже устал отвечать на множество формальных вопросов о себе, своем приходе, количестве прихожан. Негромко, но внятно он спросил следователя:

— Могу я, наконец, узнать, в чем меня обвиняют?

Следователь посмотрел в лежавшую перед ним раскрытую папку и неторопливо ответил:

— Вы обвиняетесь в создании коммунистического движения в нашей стране.

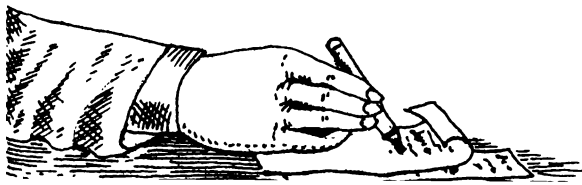
Переводчик сухо и без эмоций перевел эти слова на русский. Отец Алексей с изумлением посмотрел сначала на следователя, потом на полковника (или как его называли арабы: бимбаши, то есть полковой командир) Эйзад-бея, с которым у него сложились хорошие отношения, но тот отвел взгляд. Присутствовавшие на допросе представители миссии СССР и Александрийского патриархата были ошарашены. Другие участники допроса — начальник тюрьмы, дежурный констебль — сохраняли невозмутимость.

— На сегодня все, — сухо подытожил следователь. — Но есть и хорошие новости: мы переводим вас в одиночную камеру. Вашему церковному старосте разрешено привезти вам лекарства и кое-что из необходимых вещей.



Храмы как корабли

Пять шагов в длину и три шага в ширину. Вверху два узких окна, зарешеченных и вдобавок оплетенных, как паутиной, частой проволокой. Стекол на окнах нет. Подступала зима, и холодный морской ветер продувал этот каменный мешок. Какую же гадкую, теплую воду тут дают в поцарапанной и мятой алюминиевой кружке, какой же тухлятиной с плохом



проваренным рисом кормят... Койка, столик, табурет. Не разгуляешься... Но хоть не придется теперь видеть наглые уголовные рожи, на которые он насмотрелся в общей камере...

Отец Алексей задремал.... Вот он — трехлетний мальчик Саша Дехтерёв, сидящий на ступенях церковного амвона, повторяет молитву, которой научила его старенькая няня... Она первая крестила его утром и последняя — на сон грядущий; а в церковь они вместе ходили круглый год, и в погоду, и в непогоду...

Первые стихи, первые публикации в виленских журналах, литературные и художественные кружки. Потом — Морское училище в Либаве. Семнадцатилетним юношей свою любовь к поэзии и морю он воплотил в немного наивные, но искренние стихи:

Волнуется море пред сильной грозой,
И чудится горе в стихии немой.
Валы за валами, вздымаясь, бегут,
Большими горами на берег ползут,
И точно вздыхая, на скалы упав,
Леса оглашая, как будто устав...

И вот уже капитан четырехпалубного парохода «Бирма» Русского Восточно-Азиатского общества, совершающего регулярные рейсы на русско-американских линиях.

15 апреля 1912 года, около половины первого ночи, в его каюту постучал дежурный матрос.

— Господин капитан, радист получил сигнал SOS! — торопливо доложил матрос.

— Иду.

Это был сигнал бедствия от парохода «Титаник» (того самого!). Прибывший в рубку штурман доложил:

— Мы слишком далеки, господин капитан, до «Титаника» больше ста миль...

Было ясно, что помочь невозможно. В полвторого ночи пришло сообщение от радиста «Титаника»: идет высадка пассажиров в шлюпки, нос парохода начал крениться...

У Дехтерёва было горько на душе. Может быть, как раз «Титаник» повлиял на то, он начал писать о морских путе-

шествиях в Санкт-Петербургский журнал «Вершины» и Московский «Вокруг света»...

Сейчас, лежа на жесткой тюремной кровати, Дехтерёв подумал, что не переставал чувствовать себя моряком и много лет спустя после того, как сменил капитанский китель на облачение православного священника.

Уже после освобождения он опишет службу в Троице-Сергиевой лавре, не удержавшись от сравнения с тем, что было ему памятно и мило:

Вечерня была отслужена вместе с акафистом Преподобному Сергию. По окончании вечерни дождливая погода сменилась приветливым солнцем, неожиданно засиявшим на ясном небе. На его бездонном фоне лаврские храмы развернулись, как корабли, плывущие по голубому океану Вечности.

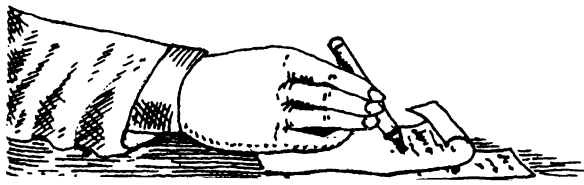
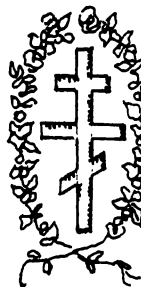


Александр становится Алексием

1917 год сломал все планы и перевернул всю жизнь. Море осталось в прошлом. Судьба забрасывает Дехтерёва в Войско Донское. Он занимается журналистикой, печатается в газетах «Приазовский край», «Воронежский телеграф», затевает литературно-художественный журнал «Лучи солнца», выступает одним из организаторов скаутского движения на Дону.

Но вскоре становится ясно, что Белая гвардия терпит поражение в Гражданской войне. Уже в эвакуации Дехтерёв заболел тифом и выжил чудом. После выздоровления он остался жить в Галлиполи, поступив воспитателем в гимназию им. барона Врангеля.

В 1934 году случился еще один поворотный момент в его судьбе. У него завязалась переписка с иеромонахом Саввой (Константином Петровичем Струве) из монастыря Преподобного Иова Почаевского, расположенного в словацком селе Ладомирова. Письма иеромонаха так повлияли на Дехтерёва, что он отправился в Чехословакию и поступил в монастырь послушником. Преподавал русский язык и ма-



тематику в монастырской школе, учил детей ближайших сел Закону Божьему, редактировал газету «Православная Русь» и приложение к нему «Детство и юность». В следующем году он был пострижен в монашество. С этого времени он — Алексей.

В декабре 1938 году он получил приход в Ужгороде, а еще через два года был переведен в египетскую Александрию настоятелем Александро-Невского храма, находившегося тогда под юрисдикцией Русской православной церкви за рубежом. Это назначение совпало с началом военных действий на территории Египта

Экфель нур!

Дехтерёв вспоминал, как 10 июня 1940 года он, будучи по делам в Каире, узнал из утренних газет, что Италия объявила войну Англии и Франции. Так как Египет в военном отношении полностью подчинился Великобритании, стало ясно — война добралась и до Северной Африки.

Из дневника отца Алексея:

17 июня. (Записано глубокой ночью). Тревожно и страшно стало теперь жить. И не потому страшно, что на каждом отрезке данного времени возможна гибель, а потому, что эта возможная земная гибель может случиться до завершения всего того, что необходимо еще осуществить. И только потому, что мы Христовы, душа как-то мирится (вернее, смиряется) с возможностью преждевременного (?) ухода. Особенно жутко по ночам и по вечерам. Страшно человеку в эту пору, потому что так мало человеческого осталось на земле...

Ко всему человек может привыкнуть. Или приспособиться, если угодно. Отец Алексей с изумлением, даже с радостью отмечает, что, как ни страшны ночные сирены, стоит прекратиться налету, как жизнь возвращается к своей исконной сути.

Нужно пройти через первичный страх и победить его. Как бы ни было подчас не по себе, жить нужно, не меняя своих привычек: только таким путем можно сохранить себя — свою бодрость и свою трудоспособность на продолжительное время. Если быть нам еще и при новой войне, не забудьте этого совета...

Как горестно, как жалко, сколько бед и страданий во круг... Но жизнь идет своим чередом. Отец Алексей проводит всенощную... Увы, молящихся в церкви мало. Страшно покидать дома. Отец Алексей отверзает царские врата, возглашает «Слава Святей», мальчик подает ему кадило — и в этот момент гудит сирена, словно рвет душу.

Воздушная тревога! Но он не прерывает службу, все идет обычным чередом...

Утром Дехтерёв побывал на месте бомбежки. Развалины, пятна крови...

Из дневника отца Алексея:

Посетил один из ближайших пунктов разрушения. Здесь на месте зданий — руины... Жуткое зрелище; гораздо более жуткое, чем предполагал я... Пусть это обыденное зрелище всякой войны — всякого меча и всякого огня. Но в этой обыденности — необыденный знак безлюбивой жизни...

Но есть и хорошие стороны в этой непрестанной тревоге сердца: все как-то охотнее и крепче сближаются, ища друг у друга внутренней поддержки; все чаще имя Божие на устах...

По вечерам, после отбоя, на улицах Александрии роились синие и красные огоньки маленьких ручных фонариков. Дехтерёв описал в своем дневнике конец авианалета, когда люди выбирались, наконец, на улицы из абри (бомбоубежищ):

...Шли в одиночку и большими группами, возвращаясь из абри в свои дома. Вели за руку засыпающих маленьких детей. Спешили, видимо, немало взволнованные, чтобы вторичная тревога не застала их еще раз в пути... А в небе не переставали ходить сполохи света, подгоняя всех, удесятерая силы...



Тревожным и опасным выдался день 16 июля 1940 года.

Я только закрыл книгу и лег, как зазвучала сирена. Вскоре заговорили орудия: сперва далеко, потом все ближе и ближе... Над нашим домом ясно был слышен тяжелый лет бомбовозов. По соседству кто-то надрывно кричал:

— Экфель нур! (по-арабски — «Гаси свет!»). — А. К.)

Я никогда не забуду этого крика.

Вдруг дверь сильно дернулась на всех своих петлях, чуть не сорвалась... Еще и еще раз...

Еще и еще раз... С потолка посыпалась известка.

— Экфель нур! Экфель нур! — надрывался кто-то на улице. Все мы, собравшиеся в коридоре, притихли. Начался ужасный обстрел зенитками вблизи нашего дома.

Все же трудное положение: сидеть в темной, хрупкой коробке, которая каждое мгновение может разлететься вдребезги.

Кто-то из нас приоткрыл дверь в сад: дивная лунная ночь... Светло, как днем, можно свободно читать книгу...

Вечером 8 июня 1941 года две бомбы упали в 200 метрах от дома, где жил священник. Дом закачался, перекошились стены, и полопались стекла в окнах. Электричество отключилось. Всюду пыль от штукатурки, она лезла в глаза и рот. Жильцы дома сгрудились в коридоре: хозяйка, ее дети и квартиранты, песик Булька, кошка с тремя котятками и ежик... Так, в коридоре и скоротали ночь.

Ситуация в Александрии накалялась. Опасность захвата ее итальянцами казалась все более реальной. Многие русские уезжали в Каир — во-первых, столицу почти не бомбили, и, во-вторых, там была значительная русская община. Но Дехтерёв решил не покидать свою паству, вместе с нею пережив за два с лишним года 229 воздушных налетов.

1 сентября 1942 года началось наступление британских войск, и в октябре-ноябре 1942 года североафриканская итало-немецкая группировка фельдмаршала Эрвина Роммеля была разгромлена. Авианалеты на Александрию прекратились.

Он никогда не забудет тот июньский день 1945 года, когда патриарх Алексей с сопровождавшими его епископами и клириками Русской православной церкви прибыл в Египет по приглашению Александрийского патриархата.

Через несколько дней Дехтерёв получил из рук патриарха грамоту о принятии его прихода в церковное общение. Александро-Невский храм получил статус подворья патриарха Московского и всея Руси, а сам настоятель отец Алексей — пост экзарха патриарха Московского и всея Руси при патриархе Александрийском и всея Африки.

В 1947 году он получил советское гражданство.

Но витиевато петляет судьба, и теперь вот он томится в каменном мешке... Господи, спаси и сохрани!

Скабрзные рисунки как орудие пытки

Как сильна в некоторых людях дьявольская страсть издеваться над себе подобными. Да, обыски в камере делаются согласно тюремным правилам, но так, как это случилось сегодня, — представить себе трудно.

...Отец Алексей проснулся от скрежета железных болтов. Охранники вошли резко, ни слова приветствия.

Короткий жест — мол, убирайся с койки.

Отец Алексей, с трудом подбирая арабские слова, спросил: — Вы не могли бы дать мне возможность хотя бы умыться?

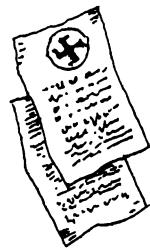
В ответ зазвучал смех, а потом один из охранников сильно толкнул священника, и тот ударился головой о стену.

— Проснулся? Больше спать не хочешь?

И снова смех. Второй охранник схватил отца Алексея за бороду и откуда-то из заднего кармана вытащил скабрзные рисунки.

Отец Алексей пытался отвести взгляд от непотребства, но охранник больно дергал за бороду и насильно поднимал ему веки, когда священник закрывал глаза.

— Смотри, смотри! Нравится?!



Отец Алексей понимал, что жаловаться нельзя, иначе его и без того несладкая жизнь в тюрьме превратится в сущий ад. Но он знал, как поступить сейчас.

— Послушайте, — горло перехватывала обида, голова болела от удара, — мне принесли из нашего прихода немного продуктов... Возьмите себе половину...

Охранникам только этого и надо было — они, довольные, спрятали свои порнографические картинки и ушли с пакетом рыбных консервов, булочек и конфет.

Отец Алексей облегченно перевел дух. Ну и ладно, без консервов и прочего он проживет, а вот если бы обыск продолжался, то могли найти под матрасом бумагу и карандаш. Слава Богу, не добрались. В следующий раз надо спрятать все это в щели в каменном полу.

С «воли» отцу Алексею незаметно, среди конфет, передали завернутый в фантик короткий карандаш и еще специально бумаги использовали для упаковки продуктовой посылки так много, что появилось, на чем писать. Отец Алексей записывал тюремные впечатления, даже начал работать над «Евангельской симфонией», капитальным трудом, много позже опубликованным. По настоянию представителей Александрийской епархии ему передали Библию, работа спорилась. Но надо было таиться от тюремной охраны, поэтому священник писал, лежа на полу под дверью — это место не попадало в обзор через глазок камеры. Работал после обеда и после ужина, когда надсмотрщики по восточной привычке уходили подремать.

Потом не без риска переправлял написанное «на волю», незаметно передавая сложенные листочки навещавшему его старосте прихода. Кроме того, он писал письма прихожанам и церковным деятелям Египта, так как боялся, что «карловчане», пользуясь его заточением, захватят храм. Да и, скорее всего, в тюрьме он оказался по доносу последователей случившегося в 1921 году так называемого карловацкого раскола эмигрантской православной церкви (по названию югославского города Сремски-Карловци), которые возомнили себя единственными представителями русского православия за рубежом.

В русской колонии «карловчан» было много, и Алексей знал, что среди них немало агентов египетской полиции.

Заправлял в колонии бывший полковник Михаил Скарятин, занимавший в Министерстве внутренних дел Египта пост директора Русского отдела. После воссоединения Александро-Невского храма с РПЦ он не раз угрожал Алексею. Архимандрит не забыл, как в 1945 году по распоряжению Скарятин был заключен Александро-Невский храм. Правда, уже утром следующего дня, по просьбе патриарха Александрийского, полиция церковь открыла...

Миссия не дает добро

За освобождение архимандрита Алексея боролся патриарх Александрийский Христофор. Он написал по этому поводу письма председателю Совета министров Накраши-Паше, великому муфтию и даже королю. Но военный закон осуществлялся в стране со всею строгостью, и даже король не пожелал его преступить.

Тогда патриарх попросил губернатора Александрии разрешить отцу Алексею отбывать арест в здании патриархии, и разрешение было получено. До освобождения было еще далеко, но возможность пребывать в человеческих условиях после всего того, что он выдержал, — уже казалась чудом.

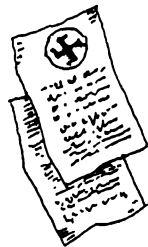
Утром в крепость явился полковник Эйзад-бей. В руках его была папка с документами о переводе русского священника в здание патриархии.

— Здравствуйте, отец Алексей! — полковник был любезен и вел себя подчеркнуто уважительно. — Машина ждет нас у входа... нет, у выхода из крепости. Прошу вас...

— Мы куда-то едем? — с тревогой в голосе спросил священник.

— Да, в Александрийскую патриархию. Вы теперь будете находиться там. Это что-то вроде домашнего ареста.

В патриархии архимандрита приняли радушно. Вместе с сопровождавшими его представителями египетской православной церкви и полковником Эйзад-беем он прошел в отведенные для него покои. Потом ему показали трапезную, где его ждал обед.



Но, как оказалось, радоваться было рано.

— Извините, отец Алексей, — вдруг сказал полковник, — только что я получил приказ по рации... Видите ли, нам с вами надо будет проделать еще некоторые формальности... Не все готово... Мне очень жаль, но вам придется вернуться в крепость...

— Почему? — изумился архимандрит.

— К сожалению, премьер-министр Накраши-паша аннулировал разрешение губернатора. Мне очень жаль. Извините.

Обратно ехали молча. Чувствовалась неловкость. Но, возможно, полковник Эйзад-бей уже думал о плане, который мы попытаемся реконструировать на основе рассекреченных документов из архива ЦРУ.

Американская разведка в те годы внимательно следила за ситуацией в Египте. В донесения и сводки американских агентов время от времени попадал и отец Алексей, — не будем забывать, что он был не только настоятелем русского Александро-Невского храма, но и занимал пост экзарха патриарха Московского и всея Руси при патриархе Александрийском и всея Африки. Так что интерес к его фигуре со стороны спецслужб США объясним.

Например, в рапорте резидента ЦРУ от 30 января 1947 года, в котором упоминаются визиты в Египет патриарха Алексия (в 1945 году) и митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (в 1946 году), архимандрит Алексей упоминается дважды. В документе говорится о том, что во время обоих визитов ему были выказаны поддержка и одобрение.

Но куда интереснее другой документ ЦРУ, целиком ему посвященный. В этом донесении много загадок. Приведем его полностью:

28 ноября 1948 года

Страна: Египет/СССР

Тема: Нежелание египетского правительства освободить архимандрита Дехтерёва.

1. В попытке вывезти Архимандрита Александра (Алекси-са) Дехтерёва из Египта, бимбаши Эйзад (в документе его имя

по-английски транскрибировано так: Izzat. — А. К), инспектор Европейского бюро Александрийского гувернарата, 26 сентября 1948 года забронировал место для прелата (так в тексте. — А. К) на БЕРЕЗИНЕ (название советского теплохода. — А. К.), которая отплывала из Александрии в СССР.

2. После проведенных консультаций с капитаном судна и советской дипломатической миссией в Каире выяснилось, что миссия не окажет содействия в том, чтобы доставить Дехтерёва (у которого советский паспорт) на борт судна. Тогда Эйзад попросил у начальства разрешение... ускорить освобождение Дехтерёва. Но он был проинформирован о том, что Дехтерёв должен находиться под «надзором» с целью выпустить его в более «подходящее время».

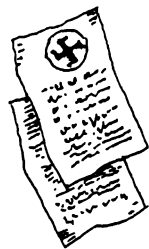
3. 28 октября Алексей Шведов, первый секретарь миссии СССР в Каире, посетил православного патриарха Александрийского Христофора и обсудил вопрос о задержании Дехтерёва в тюрьме Ком-Эль-Дик. Шведов призвал патриарха использовать свое положение главы Православной церкви в Египте для влияния на власти Египта, чтобы ускорить освобождение Дехтерёва.

Комментарий. Источник не указал, была ли успешной попытка Шведова получить помощь Христофора.

Что следует из этого донесения? Отец Алексей был арестован в августе 1948 года, а уже в конце сентября бимбаши Эйзад-бей пытается посадить его на теплоход, уходящий в СССР. Причем Эйзад-бей предпринимает свои действия до (!) консультации с представителями советской миссии. Но дипломаты вынуждены разочаровать полковника: помочь они не могут. По чьей инициативе в таком случае полковник забронировал для священника место на теплоходе, если, как следует из документа, он не нашел понимания и у своего руководства?.. По своей собственной?

О сути происшедшего можно строить лишь предположения. В этом нам поможет еще один рассекреченный документ ЦРУ.

В рапорте от 7 апреля 1949 года резидент ЦРУ в Египте дает характеристику советскому дипломату Алексею Шведову



и сообщает ключевые эпизоды его деятельности. В частности, упоминается, что в период с ноября 1948 года по январь 1949 года (то есть когда Алексей Дехтерёв сидел в крепости) Шведов посещал патриарха Александрийского и всея Африки Христофора II, чтобы обсудить возможность замены Алексия Дехтерёва на архимандрита Николая (Прозорова). Сам факт этих переговоров свидетельствует: в СССР были заинтересованы не столько в освобождении Дехтерёва, сколько в том, чтобы настоятелем Александро-Невского храма и экзархом патриарха Московского и всея Руси при патриархе Александрийском и всея Африки стал другой священник.

Исходя из этого, можно сконструировать версии по поводу того, кто готовил побег архимандрита. У меня их три.

Первая: побег (негласно, разумеется) готовили официальные советские власти, которые желали, чтобы ситуация как можно скорее разрешилась и Дехтерёв убрался из Александрии, а Николай (Прозоров) занял его место. В таком случае в спецоперации была задействована советская разведка, которая вошла в контакт с Эйзад-беом и руководством тюрьмы. Имел ли к ней какое-то отношение священник Прозоров, мы вряд ли скоро узнаем.

Вторая: побег или, точнее, эвакуацию готовили сторонники Дехтерёва из числа состоятельных прихожан русской диаспоры, которые симпатию Эйзад-бея к Дехтерёву подкрепили внушительной суммой, часть которой, надо полагать, досталась служащим крепости.

Не исключен и третий вариант: чиновник Александрийского гувернарата Эйзад-бей самостоятельно готовил канал для нелегальной отправки русского узника.

...Скорее всего, о попытке освободить его в сентябре 1948 года архимандрит Алексей так и не узнал до конца своей жизни. Об этом нет ни слова в его мемуарах. Ни современники, ни биографы отца Алексия также никак не упоминают об этом эпизоде. Об Эйзад-бее в очерке архимандрита «Мой путь на Родину» есть лишь короткие упоминания.

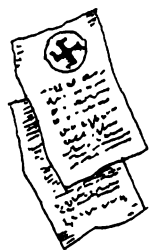
Полковник же, судя по всему, симпатизировал архимандриту. Но побег, который он пытался организовать, сорвался. Архимандрит Алексей томился в одиночной камере до 11 мая

1949 года и был освобожден, как считается, благодаря усилиям патриарха Московского и всея Руси Алексия I и советского правительства.

«Вильнюс» и Вильнюс

Что это? Божий промысел? Или знак свыше? Или просто совпадение? Архимандрит Алексей (Дехтерёв) возвращался домой на борту теплохода «Вильнюс». Скоро он будет служить именно в Вильнюсе, архиепископом Виленским и Литовским. А ведь и родился он в Вильнюсе и там же упокоится и будет похоронен в 1959 году...

Но пока идет год 1949-й. Архимандрит, как когда-то в молодости, вновь стоит на деревянной палубе, вдыхает морской ветер и вытирает лицо от соленых брызг. Теплоход на всех парах рассекает тяжелые волны Средиземного моря. Курс — на пролив Дарданеллы...



Советские дипломаты и одиозный муфтий

Три «источника»

В 1948 году, в разгар так называемой Палестинской войны, в ООН шла интенсивная подготовка прямых переговоров между только что созданным, но уже воюющим Израилем и коалицией арабских стран. Необходимо было добиться для начала хотя бы перемирия.

23 декабря 1948 года руководству ЦРУ от резидента в Ближневосточном регионе поступил следующий рапорт:

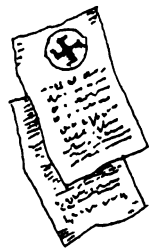
Камиль Мансур, профессор каирского Университета «Фуад I», в настоящее время находится в Бейруте в составе делегации Египта на Конференции ЮНЕСКО. Недавно он сказал своему другу, д-ру Мухаммаду Халиду, сыну муфтия Ливана, что от великого муфтия, хаджи Амина Хуссейни, отвернулись король Фарук (Фарук I — король Египта и Судана в 1936–1952 годах. — А. К.) и египетские чиновники, которые прежде были настроены к нему благожелательно, — не только из-за его личных амбиций и несвоевременной антибританской агитации, но и из-за его тайных контактов с агентами советского представительства в Каире. Говорят, что у великого муфтия есть соглашение с Советами о том, что он выведет арабов на советскую орбиту, если получит помощь во взятии им под контроль ситуации в Палестине.

Далее, со ссылкой на информацию, полученную агентом от неких Хухаммада бей Надина и Халида Халбуни, прибывших в Бейрут самолетом из Каира в середине ноября, резидент сообщает:

...Король Фарук был полностью в курсе того, что великий муфтий связывался с советской миссией в Каире через Абд-аль-Рахмана Султанова, второго секретаря миссии (так в тексте. Имеется в виду советский дипломат Абдрахман Фасляхович Султанов. — А. К.). Источник заявляет, что муфтий пытается получить советскую помощь в деле предотвращения раздела Палестины, и обещает, что взамен он попытается убедить арабов встать на сторону СССР в «грядущей войне».

Надин и Халбуни, говорится далее, утверждают, что у египетского правительства есть документы, подтверждающие контакты муфтия с представителями СССР и то, что он намерен тайно отправиться в Советский Союз или «просоветские страны-сателлиты». Король Египта приказал учредить строгий надзор за муфтием и «принять любые меры, законные или иные, необходимые для предотвращения его отъезда из Египта».

Этот документ, казалось бы, не содержит ничего неожиданного или странного. Ведь в то время шли поиски ближневосточного перемирия по всем официальным и неофициальным каналам. Тем не менее контакт наших дипломатов (и, вероятно, разведчиков) с великим муфтием Иерусалима, лидером арабской общины Палестины и главой Всепаалестинского правительства в изгнании Хаджи Мухаммадом Амином аль-Хусейни — это сенсация. Все дело — в личности и биографии великого муфтия.



Дружба с фюрером

Чего стоит только эта цитата из его мемуаров:

Я просил Гитлера предпринять решительные шаги, которые позволили бы нам решить еврейскую проблему таким способом, который соответствовал бы нашим национальным и расовым устремлениям и находился в согласии с научными методами, опробованными в отношении евреев в Германии. В ответ я услышал: «Евреи ваши».

Мухаммад Амин аль-Хусейни стал иерусалимским муфтием в 1922 году с помощью англичан, рекомендовавших его на этот пост. За спиной у него была недолгая учеба в Каирском университете «Аль-Азхар», служба кадетом в турецкой армии и одновременно сотрудничество с английской разведкой.

Вскоре Хусейни уже — председатель Верховного мусульманского совета, у него в руках суды, мечети, школы, кладбища. Он подстрекает арабов на погромы евреев. Потом его настроение меняется, и он становится ярым англофобом, называет Великобританию врагом (напомним, что у англичан с 1922 года был мандат на управление Палестиной).

В 1936 году на совещании арабских общественных деятелей в Шхеме создается Высший арабский совет, председателем которого становится Хусейни. Этот совет начал свою деятельность стремительно и резко: провозгласил всеобщую забастовку в Палестине, которая продолжалась 175 дней, а затем переросла в вооруженный бунт, сначала направленный против англичан и евреев, а потом уже и против арабских кланов, соперничавших с семьей муфтия. В городах прокатилась волна убийств.

В начале сентября 1937 года в курортном городке Блудан состоялась панарабская конференция, посвященная проблеме Палестины. Председательствовал Хусейни. Участники выразили протест против появившихся планов (пока еще только планов) раздела Палестины и создания еврейского государства. В ответ на это британские власти распустили Высший арабский совет. Над Хусейни нависла угроза ареста, и он, переодевшись нищим, бежал из Иерусалима в портовый город Яффу, а оттуда на рыбацкой лодке пробрался в Бейрут, где, человек амбициозный и волевой, быстро «восстал из пепла» и возглавил в изгнании арабское национальное движение в Палестине.

Из своей бейрутской резиденции Хусейни продолжил руководить действиями мятежников. Потом он оказался в Багдаде, где принял участие в заговоре, ставившем своей целью свержение пробританского режима Ирака, а после провала

заговора бежал в Тегеран. Но вскоре в Иран вошли британские и советские войска, и Хусейни перебрался в Германию.

В рейхе начался новый этап в жизни муфтия. В 1941 году он встретился в Берлине с Гитлером и Гиммлером. Беседа, по инициативе Хусейни, велась о том, что, когда вермахт вытеснит британцев из Палестины, Германия поможет ему с «удалением» евреев. Гитлер ничего против «истребления евреев, проживающих на арабских территориях», не имел.

Нацисты подарили муфтию роскошную виллу, в которой (ирония истории!) до 1939 года располагалась еврейская школа, назначили ему хорошую пенсию. В 1942 году Хусейни с их легкой руки занял пост премьер-министра «панарабского правительства» со штаб-квартирой в Берлине.

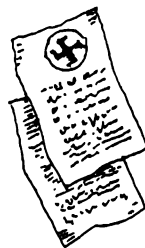
В Германии этот ярый антисемит развил бурную деятельность. В Берлине он подружился с Адольфом Эйхманом и убедил с его помощью правительства Румынии, Венгрии и Болгарии отказаться от планов по переселению евреев в Палестину. Позже около 400 евреев из этих стран отправились в лагерь смерти.

Муфтий завербовал несколько тысяч живущих в Германии мусульман для службы в СС. Его пропаганде поддалась часть узников тюркского происхождения немецких концлагерей. В ноябре 1944 года Гиммлер и муфтий создали в Дрездене школу военных имамов, работавшую под эгидой СС.

Хусейни помог сформировать две эсэсовские дивизии из югославских мусульман, а также способствовал организации в немецкой армии арабского легиона, который сражался на Балканах и на советско-германском фронте. Сохранилась фотография, датированная декабром 1943 года, где муфтий заснят вместе с выходцами из Азербайджана — мусульманскими боевиками СС.

По окончании войны муфтий планировал создание для евреев концлагеря в Наблусе (в Палестине). С этой целью он по личному разрешению Гиммлера посетил Освенцим, где изучал технологии массового уничтожения людей.

Была у него и своя шпионская сеть, достаточно эффективная: так, например, агенты муфтия за 48 часов предупредили



штаб вермахта о готовящейся высадке союзников в Северной Африке.

В 1944 году, когда исход войны был уже очевиден, Хусейни уговорил нацистов организовать в Палестине массовое отравление евреев. Через некоторое время к югу от Иерихона высадился парашютный десант, в арсенале которого были яды. Но, к счастью, бдительные бедуины сообщили об этом британским властям, и чудовищный план Хусейни провалился: диверсанты были вовремя обезврежены.

Тем временем советские и союзные войска неумолимо шли к Берлину. Ситуация быстро менялась.

Каша из красных бобов с уксусом

В своей роскошной вилле на Гетенштрассе, в берлинском районе Целендор, Хусейни во время войны не раз принимал у себя нацистских бонз. Но эпоха их триумфа завершилась, как и полоса удач самого Хусейни. Утром 6 апреля 1945 года, понимая, что пришла пора спасаться, он покинул виллу, затаился в квартире одного из своих друзей и принялся решать задачу бегства из Германии. Хусейни чувствовал себя ущемленным, проигравшим, оскорбленным. До него уже никому не было дела. С ним остались только шофер и еще несколько человек.

Из Германии муфтий в сопровождении охранника-шофера перебрался в Австрию, где в районе Клагенfurта его ждал легкий самолет, который доставил их в нейтральную Швейцарию. Но тут Хусейни ждал неприятный сюрприз: швейцарские власти отказались дать ему политическое убежище, и пришлось ехать во Францию. Здесь его арестовали по подозрению в сотрудничестве с нацистами и... тут же освободили. Бюрократические механизмы, умело пущенные в ход симпатизантами, отвели от него наказание. Но опасность нового ареста оставалась, и в мае 1946 года, сбрив бороду и переодевшись в гражданский костюм, муфтий с поддельным сирийским паспортом вылетел в Каир.

В 1948 году Хусейни, обосновавшийся в находившемся под управлением Египта секторе Газа, возглавил Всепа-лестинское правительство в изгнании. Правительство это, впрочем, реальной власти не имело и носило скорее симво-лический характер.

Так неужели советская дипломатия вступала в контакты со столь одиозной фигурой?

Если верить донесениям ЦРУ, какие-то связи существовали.

В апреле 1949 года резидент ЦРУ со ссылкой на некоего Фейсала Хайдара Таргана, представителя «Дженерал моторс» в Стамбуле, сообщил информацию, полученную из секре-тариата Великого муфтия (в документе муфтий называется бывшим, но сам он таковым себя не считал):

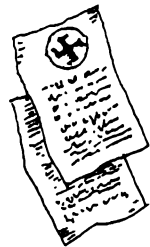


Недавно человек, посетивший в Каире дом бывшего Великого муфтия Палестины, сообщил, что там постоянно обсужда-ется связь муфтия с Советами. Посетивший также заявляет, что средства поставляются Советами в таких размерах, что часть их остается у секретаря в кармане; и что муфтий и его секретарь в настоящее время, по-видимому, не имеют каких-либо других регулярных источников дохода.

Сотрудник ЦРУ 27 декабря 1949 года докладывал своему начальству из Ливана:

1. 27 декабря 1949 года Галина Абд-аль-Карим аль-Джауни, жена палестинского арабского лидера (так в тексте, точнее было бы: активиста. — А. К.) и приверженца Великого муфтия, прибыла в Бейрут и остановилась в пансионе «Рафаэль». В тот же вечер она посетила Федота ПИСАРЕНКО в советской миссии. Миссис аль-Джауни — полька, ей двадцать восемь лет.

2. В тот же день Авни АБД-АЛЬ-ХАДИ, бывший министр пра-вительства Газы, прибыл в Бейрут из Дамаска. По словам источ-ника, АБД-АЛЬ-ХАДИ также является последователем муфтия.



В июне 1953 года в ЦРУ поступила информация о контак-тах Великого муфтия и советского полковника по фамилии Пасулиев; встречались они, по информации «источника», в Иерусалиме.

С дальним прицелом

В первые годы существования Израиля СССР его всячески поддерживал, но затем все кардинально изменилось, поскольку, вопреки ожиданиям Кремля, новорожденное еврейское государство не собиралось проводить просоветскую политику и ориентировалось на США. В ситуации ближневосточного конфликта Советский Союз встал на сторону арабских государств.

Хусейни в это время был озабочен тем, чтобы укрепить свое влияние и превратить Всепапалестинское правительство в реально действующий орган власти. Логично предположить, что он мог искать контакты с советскими представителями для осуществления этих планов.

Казалось бы, дипломаты страны, победившей нацизм, не должны были вести переговоры с одним из идеологов Холокоста и пособником Гитлера. Но в политике часто приходится вести себя по принципу «кто старое помянет, тому глаз вон». Реальные интересы порой важнее старых обид и даже преступлений. Это можно называть цинизмом, но можно и прагматизмом. Не исключено, что в этом случае сработал прагматичный подход, и советские дипломаты (а скорее всего разведчики) входили в контакт с Хусейни и даже подпитывали его финансово. Ведь со временем он мог встать во главе палестинской администрации, считали в Москве. И, надо сказать, почти угадали. В конце концов этот пост занял племянник муфтия Мухаммед Абдель Рауф Арафат аль-Куд аль-Хусейни, который более известен под своим военным псевдонимом Ясир Арафат.

Всепапалестинское правительство было распущено президентом Египта Гамаль Абдель Насером в 1959 году, который увлекся красивым, но так и не сбывшимся планом создания Объединенной Арабской Республики, которая включала бы в себя Сирию, Египет и Палестину. Хусейни остался без поста. В дальнейшем он жил в Каире и Бейруте и до самой своей смерти в 1974 году пропагандировал панисламизм — религиозно-политическую идеологию, в основе которой ле-

жат представления о духовном единстве мусульман всего мира вне зависимости от социальной, национальной или государственной принадлежности, а также о необходимости их политического объединения под властью высшего духовного главы — халифа.

Вопрос контактов одиозного муфтия и советских официальных властей остается открытым. Хорошо бы дождаться рассекреченных документов не только из американских, но и из наших архивов.



Ватиканская миссия зятя Хрущёва

Отзыв анафемы

Все трое советских участников тех событий, включая старшего лейтенанта КГБ, были журналистами — Алексей Аджубей, главный редактор «Известий» (зять первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущёва), Рада Аджубей, заместитель главного редактора журнала «Наука и жизнь» (дочь Хрущёва), и спецкор «Известий» Леонид Колосов, разведчик по основной работе, но при этом великолепно писавший для газеты.

Встрече четы Аджубей и папы римского предшествовало некоторое потепление отношений между Ватиканом и СССР. Его началом принято считать речь Иоанна XXIII в сентябре 1961 года, после так называемого Берлинского кризиса, связанного со строительством бетонной стены между ГДР и ФРГ. Понтифик выступил с обращением ко всем людям, «принадлежащим к Богу и Христу», и призвал их не допустить решения международных вопросов иначе, как мирным путем. Советское руководство имело все основания увидеть в этом обращении Иоанна XXIII фактический отказ от декрета 1949 года, подписанного его предшественником, Пием XII. Декрет отлучал от церкви коммунистов и людей, близких к ним по взглядам. Эдакая глобальная анафема.

21 сентября 1961 года в «Правде» было опубликовано интервью с Никитой Хрущёвым, который подчеркнул, что речь папы римского читал с интересом и считает ее добрым знаком, выражением настроения миллионов католиков во всем

мире. Два месяца спустя в ЦК КПСС было решено поздравить понтифика с 80-летием: юбиляру направили послание лидера СССР с пожеланием доброго здоровья и успехов в его благородном стремлении содействовать сохранению мира на земле.



Отец католической разведки

22 октября 1962 года президент США Джон Кеннеди в телеобращении сообщил о том, что Советский Союз разместил на Кубе ядерные ракеты, которые способны достичь американской территории за считанные минуты, — а потому объявляется блокада острова. Начался пресловутый Карибский кризис.

Брат американского президента Роберт Кеннеди встретился с Георгием Большаковым — полковником ГРУ, работавшим в Вашингтоне под прикрытием должности атташе посольства СССР по вопросам культуры и редактора журнала «Совет лайф тудэй». Большаков стал неофициальным посредником между Кремлем и Белым домом. Роберт Кеннеди сказал ему, что ради урегулирования кризиса политическим путем США готовы убрать свои ракеты из Турции, если СССР демонтирует свои на Кубе. Но Хрущёв не спешил прислушаться к этим предложениям.



В те дни в Андовере, штат Массачусетс, проходила третья Дартмутская конференция — двусторонний диалог между делегациями американской и советской общественности. Наблюдателем на конференции был представитель Ватикана отец Феликс Морлион, президент Международного университета социальных исследований в Риме. Это была личность примечательная: священник, ведущий доминиканский богослов, киносценарист (работал с великим Роберто Росселини). Формально он не мог принимать участие в дискуссиях, но тем не менее выступил на одном из пленарных заседаний, донеся до присутствующих мнение о ситуации вокруг Кубы папы римского.

Тут надо заметить, что у отца Морлиона имелась еще одна ипостась — он был создателем и руководителем европейской католической разведывательной службы Pro Deo (*лат.* за Бога).

Сначала резиденция Pro Deo находилась в Лиссабоне, затем, во время войны, по настоянию Донована, отец Морлион перенес ее штаб-квартиру в Нью-Йорк, а после освобождения Рима в 1944 году она наконец оказалась в Ватикане. Здесь было удобнее всего собирать информацию от католических священников. Самыми ценными кадрами для сбора разведывательных материалов считались иезуиты, в ордене которых культивировались строгая дисциплина и субординация.

Сотрудничество ЦРУ и Pro Deo продолжилось и после войны, хотя долгое время официально это никем не подтверждалось. Но в недавно рассекреченных документах ЦРУ можно прямым текстом прочитать о кооперации ЦРУ и «ведомства» Феликса Морлиона. Например, в письме от 1 ноября 1952 года руководитель ЦРУ Аллен Даллес отмечает:

...Отец Морлион, чей меморандум прилагается, работал со мной в Нью-Йорке в первые дни войны. У меня сложилось очень благоприятное впечатление о нем.

Общая задача — мир

К работе по разрешению Карибского кризиса подключилось Первое главное управление КГБ СССР (внешняя разведка). 26 октября в Белый дом поступило сообщение от корреспондента телекомпании «ABC News» Джона Скали о его встрече в ресторане с резидентом КГБ в Вашингтоне Александром Фоминым (настоящее имя — Александр Феклистов). Советский разведчик передал озабоченность Кремля по поводу нарастания напряженности и попросил журналиста предложить своим «высокопоставленным друзьям в Госдепартаменте» искать дипломатическое решение кризиса. После чего Фомин-Феклистов передал через Джона Скали

предупреждение: в случае вторжения американцев на Кубу СССР может нанести ответный удар в другом районе мира.

Через несколько часов Скали уже обсуждал с Фоминым вариант выхода из кризиса: удаление советских ракет с Кубы в обмен на снятие блокады с острова и публичный отказ от вторжения. К чему и призывал папа римский.

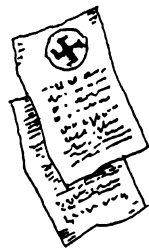
В ночь с 27 на 28 октября по заданию президента его брат Роберт Кеннеди встретился с советским послом Анатолием Добрыниным. Говорили о ситуации, которая «вот-вот выйдет из-под контроля и грозит породить цепную реакцию». Но, к счастью, никакой «цепной реакции» не последовало. Договорились и мирно разошлись. Блокада Кубы была снята, а советские корабли повезли ракеты домой. В этом есть и заслуга папы римского: его воззвание, прозвучавшее по радио 25 октября и адресованное всем людям доброй воли, имело широкий резонанс. Оно появилось в «Правде» в пересказе и в цитатах.

После Карибского кризиса отношения между СССР и Ватиканом заметно потеплели.



«Сотворить что-то из ряда вон выходящее»

В 1962 году Хрущёв, желая усилить влияние Советского Союза на Западе, пошел навстречу пожеланию Иоанна XXIII о присутствии православных наблюдателей на Католическом соборе. Также на собор, по просьбе понтифика, пустили католиков из Литовской ССР, чего раньше не делалось. В качестве ответного жеста Ватикан сквозь пальцы посмотрел на происшедшую в том же году странную историю с греко-католическим священником Иоанном Корниевским, которого в СССР посчитали невозвращенцем и насильно вывезли из Бельгии. Корниевскому попытались инкриминировать статью о шпионаже, но затем оставили в покое и позволили обосноваться в Запорожье.



В марте 1963 года произошел обмен телеграммами между Иоанном XXIII и патриархом Московским и всея Руси Алек-

сием I. Русский патриарх поздравил папу с присуждением ему Бальцановской премии, которой награждались борцы за мир и гуманизм во всем мире, а также ученые и деятели культуры за высшие достижения в сфере своей деятельности. Именно присуждение этой премии и стало официальным поводом для поездки в Ватикан Алексея и Рады Аджубей, которых пригласили на церемонию награждения. На высшем кремлевском уровне было решено, что советские посланцы будут просить аудиенции у главы Римско-католической церкви.

Идея этих переговоров была по душе далеко не всем членам ЦК КПСС. Но послушаться первого секретаря они не посмели. Похожее сопротивление пришлось, кстати, преодолевать в своем окружении и папе римскому.

Перед отъездом Хрущёв вручил Аджубею личное письмо для понтифика. Зять и дочь первого человека в стране вылетели в Рим в марте 1963 года. Советский посол в Италии Семен Козырев «прикрепил» к ним собкора-разведчика Леонида Колосова. Впоследствии Колосов вспоминал в интервью «Известиям» о сказанных ему конфиденциально словах Аджубея после дружеского застолья в задымленном сигаретами номере отеля:

— Леня, говорю это тебе первому в Риме. Поручение, которое мне дал Хрущёв, гораздо сложнее, чем вам сообщили. Необходимо не только выяснить возможность визита Никиты Сергеевича в Италию и его встречи с папой, но и договориться, если это удастся, о заключении межгосударственного соглашения с Ватиканом и взаимном открытии посольств в Москве и Риме. Позиции Хрущёва в Политбюро ухудшаются, и ему нужно сотворить что-то из ряда вон выходящее.

О преклонении не может быть и речи

Перед торжественной процедурой награждения понтифика возникло осложнение: советские гости остались без переводчика, так как Колосова на встречу с папой римским не

пустили. На выручку поспешил сотрудник папского Восточного института отец Александр Кулик, иезуит, русский, родившийся в Италии в семье эмигрантов.

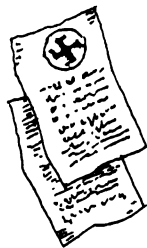
Церемония проходила в просторном Тронном зале. Стены зала были обтянуты серо-серебристым штофом, светились массивные люстры и бронзовые бра. Алексей Аджубей вспоминал в книге «Те десять лет»:

Иоанн появился внезапно из почтительно распахнутой перед ним двери и мелкими шажочками засеменял к креслу-трону, быстро-быстро протягивая руку для поцелуя. Все встали, а кое-кто (среди журналистов было немало ревностных католиков) опустились на колени и ждали, когда Иоанн устроится в кресле. Оно было высоко для него, и он, грузный, старый уже человек, взобрался на сиденье, как это делают дети, — в два-три приема.

Долго молчал, простодушно разглядывая зал некогда, по-видимому, карими, а теперь светло-янтарными глазами и выставив вперед уши, будто хотел услышать нечто необычное. Вначале слово о присуждении Иоанну XXIII премии произнес сенатор Джованни Гронки, один из руководителей фонда Бальцана. Затем настала очередь святого отца.

Иоанн говорил тихо и спокойно, без аффектации, скорее беседовал. Он даже подался вперед, чтобы быть ближе к слушателям, и казалось, вот-вот сойдет со своего трона и сядет рядом с нами...

После завершения церемонии должна была состояться встреча советских посланцев с папой римским. Но снова случилась заминка, даже неловкость — отец Кулик настаивал на том, что при встрече с папой необходимо преклонить колена, «хотя бы чуть-чуть, символически». Рада Никитична сказала иезуиту, что у ее мужа нет такого опыта и он боится показаться неловким и выставить себя в плохом свете. Пришлось вместе с Куликом идти к кардиналам, ответственным за протокол. Но и те не знали, как быть. Пришли к выводу, что «все разрешится само собой». Кулик добавил: «Все будет так, как захочет Господь». Переложил, можно сказать, ответственность...



Наконец, чета Аджубей остановилась перед дубовой дверью папской личной библиотеки, где Иоанн XXIII ежедневно работал, читал книги, писал энциклики. Алексей Аджубей так описал дальнейшее:

Отец Кулик слегка толкнул дверь, пропуская нас вперед. Дверь не поддавалась. Пришлось даже отступить. Подумали, что хозяин еще не успел вернуться из зала, но тут дверь открылась сама, и мы почти столкнулись с хозяином кабинета нос к носу. Иоанн как бы в смущении развел руками. Ни о каком преклонении колен уже не могло идти речи. Жестом он пригласил занять место в кресле чуть в стороне от его рабочего стола. Между нами сел переводчик. Хозяин кабинета помолчал, давая возможность гостям оглядеть полукружье стеновых книжных шкафов, отделанных на старинный манер тонкой золотистой сеткой. Через большие окна доносились запахи цветущего сада и совсем уже неожиданное для этих каменных лабиринтов пение птиц. Первым нарушив молчание, Иоанн сказал, что он считает очень важными многие инициативы нашей страны в защиту мира. «Я знаю две мировые войны, видел, какие невероятные несчастья принесли они людям, а третья мировая война была бы для человечества гибелью. И разве затем Господь Бог дал нам эту прекрасную землю?..»...

Поздравив Иоанна с получением награды, я передал ему послание Никиты Сергеевича. В нем говорилось: «Искренне поздравляю Вас с присуждением комитетом фонда Бальцана премии “За мир и гуманизм”, что является свидетельством признания ваших усилий в благородном деле поддержания мира. Желаю Вам доброго здоровья и сил для дальнейшей плодотворной деятельности на благо мира. Н. Хрущёв».

Иоанн принял послание с явной симпатией. Я преподнес ему два тома русско-итальянского словаря, так как знал, что такой подарок будет им принят. Иоанн перелистал книги и даже сказал несколько слов по-русски. Он пояснил тут же, что восемь лет жил в Болгарии. «Если бог даст мне еще несколько лет жизни, — сказал он, — я бы хотел продолжить изучение языков славянских народов, у которых такая богатая литература. Мне было бы приятно выучить русский язык... Надеюсь, — сказал

Иоанн, — когда господин Хрущёв посетит Рим, мы оба найдем время, чтобы побеседовать с глазу на глаз. Ведь я уверен, что и Хрущёв не побоится такой встречи...»

...Проводив нас до двери, глава Ватикана попросил передать нашим соотечественникам пожелания счастья и мира. Сказал, что работает сейчас над документом, в котором выскажется вполне определенно по многим волнующим его проблемам, и, видимо, это будет уже в последний раз, так как болезнь точит его все сильнее.

Уже не было секретом, что глава Римско-католической церкви страдает серьезным онкологическим заболеванием и при этом отказывается от лечения под предлогом того, что хочет вынести страдания, предписанные ему свыше.

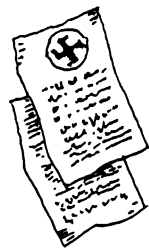


Странная авария

Участники этой встречи были поощрены, каждый по-своему. Александр Кулик, который был переводчиком не только четы Аджубей, но и наблюдателей от РПЦ во время II Ватиканского собора, был вскоре назначен настоятелем русской католической церкви Св. Троицы в Париже. За успешное сопровождение ватиканской миссии советских посланцев досрочно получил звание капитана КГБ Леонид Колосов.

Но еще через пару-тройку дней случилось то, что, возможно по чьей-то задумке, должно было помешать дальнейшим контактам между Хрущёвым и папским престолом. Много лет спустя сам подполковник КГБ в отставке Леонид Колосов рассказал журналистам, что случилось в тот злополучный день:

— Я ехал вслед за посольской машиной со скоростью 130—140 километров в час. Вдруг меня неожиданно потянуло влево, я ощутил сильный удар и куда-то полетел. Очнулся только в больнице. Ноги были все переломаны, множество ушибов. Ясно, что автокатастрофа готовилась не для меня. Наши технари, осмотревшие позднее мою машину, нашли в под-



резанной покрышке левого переднего колеса специальную стальную шпильку. При большой скорости она проткнула камеру.

Накануне Колосов, в автомобиле которого Аджубей соби­рался ехать в римский аэропорт, допустил непростительную для разведчика ошибку и на какое-то время оставил свою «Джувьетту» около своего дома, а не в посольском гараже, как было положено инструкцией по безопасности.

Алексей Аджубей не пострадал, так как советский посол уговорил его сесть в свой «мерседес». Возможно, это спасло ему жизнь. Леонид Колосов был уверен, что аварию с его машиной подстроили те, кто не хотел сближения СССР и Ватикана — возможно, это были спецслужбы Италии или их американские партнеры.

Греко-католический демарш

О дотоле не известном эпизоде ватиканской миссии четы Аджубей рассказывает недавно рассекреченный и обнародованный документ из архива ЦРУ. Было, оказывается, у Алексея Ивановича и Рады Никитичны еще одно задание, которое, безусловно, инициировал или, по крайней мере, одобрил сам Хрущёв.

Во время встречи папа выдвинул такие предварительные условия для улучшения отношений: Хрущёв придет в Рим первым; в СССР должны дать большую свободу Православной церкви; необходимо освободить из заключения всех священников униатской церкви на Украине.

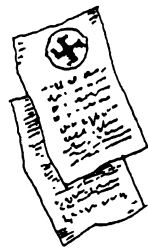
Еще до аудиенции, в январе 1963 года, накануне Второго Ватиканского собора в Риме, был освобожден из лагеря униатский священник Иосиф Слипый. Об этом просили у советского руководства папа римский и президент США Джон Кеннеди. Никита Хрущёв пошел им навстречу, скорее всего, преодолевая сомнения и антипатию к фактическому лидеру униатов всего мира. Такое отношение к Слипому было объяснимо.

Еще в 1939 году НКВД завело на ряд католических священников агентурное дело под кодовым названием «Ходячие». Их обвиняли во враждебном отношении к воссоединению Западной Украины с УССР. Фигурантам этого дела стали митрополит Андрей Шептицкий, архиепископ Иосиф Слипый, епископы Никита Будка и Иван Бучко, прелаты Леонтий Куницкий и Александр Ковальский, каноник Василий Лаба, Климентий Шептицкий и другие, всего около 50 человек.

В апреле 1945 года были арестованы девять высших сановников церкви во главе с митрополитом Иосифом Слипым. К прежним обвинениям чекисты присовокупили священникам-униатам новые: пособничество немецким оккупантам, связь с гестапо, прямая связь и даже управление подпольем ОУН, антисоветская пропаганда. Иосиф Слипый провел в сибирских и мордовских лагерях без малого восемнадцать лет. После освобождения он поселился в Ватикане и в дальнейшем принимал активное участие в жизни Украинской греко-католической церкви. Со временем, уже при папе Павле VI, Слипый получил статус Верховного архиепископа, а позже стал кардиналом.

Хрущёв, судя по всему, поручил своему зятю встретиться со Слипым в Риме, дабы продемонстрировать добрую волю со стороны Кремля. Но вот что рапортует сотрудник ЦРУ, ссылаясь на информацию агентов AECASSOWARY-2 и AECASSOWARY-3 (согласно таблице криптонимов и терминов в рассекреченных файлах ЦРУ, это украинские националисты — деятель ОУН Мыкола Лебедь и униатский священник, капеллан и публицист Иван Гриньох):

По словам источника, когда Алексей АДЖУБЕЙ находился в Риме, он несколько раз пытался встретиться со СЛИПЫМ. Как сообщается, митрополит отказался от встречи. На него продолжалось давление, и, наконец, в отчаянии СЛИПЫЙ позвонил советскому послу в Риме и, выразив протест, сказал, что за 18 лет, что он провел в тюрьме в СССР, АДЖУБЕЙ не приложил никаких усилий для того, чтобы поговорить с ним, так почему же он хочет пообщаться сейчас? СЛИПЫЙ якобы сказал послу,



что он не желает видеть АДЖУБЕЯ, но все же, если это станет необходимостью, то хотел бы, чтобы встреча прошла в советском посольстве в Риме в присутствии посла.

Встреча не состоялась. Это было, несомненно, неудачей советских посланцев, и об этом Алексей Аджубей предпочел не упоминать в своей книге, вышедшей в 1989 году. Это понятно даже просто по-человечески: отказ Слипого от встречи был, помимо прочего, оскорбительным для Алексея Ивановича.

Если бы встреча все-таки состоялась, то это был бы со стороны советских властей жест одобрения и благодарности Иоанну XXIII за его действия на Втором Ватиканском соборе. Тогда понтифик сделал серьезное внушение униатам, которые устраивали демарши и провокации против делегации РПЦ с обвинениями православных иерархов в единстве с официальными властями СССР в деле гонений греко-католиков. Инициировал эти манифестации как раз Иосиф Слипый.

Завещание Иоанна XIII

Иоанн XXIII и Никита Хрущёв продолжали обмениваться доброжелательными письмами. В одном из них папа римский, помимо прочего, отметил, что рад успехам советской космонавтики. «Я часто молюсь о них», — написал он, имея в виду наших космонавтов.

Смертельно больной Иоанн XXIII скончался 3 июня 1963 года от рака, хотя есть версия, что ЦРУ ускорило его смерть, дабы помешать сближению Ватикана с СССР. Завещанием понтифика стала энциклика «*Pasem in Terris*» («Мир на Земле»), где были такие слова: «Всем людям доброй воли предстоит выполнить огромную задачу — восстанавливать в истине, справедливости, любви, свободе жизнь в обществе...»

В октябре 1964 года в результате кремлевской интриги был свергнут с вершины советской власти и отправлен на пенсию Никита Хрущёв. Иоанну XXIII и Хрущёву так и не суждено было встретиться, чтобы подписать межгосударственное соглашение между Советским Союзом и Ватиканом.



Михаилу Горбачеву хотел помочь... «аватар»

Задание опальному панамцу

В своем доме на берегу беспокойного Тихого океана бывший полковник Панамских сил обороны Роберто Диас Эррера коротал дни, внезапно ставшие для него пустыми и тоскливыми, за перечитыванием работ индийского проповедника Саи Бабы. Его он не просто почитал, а прямо-таки боготворил. Снявший погоны Эррера, уволенный президентом Норьегой со всех постов и помещенный под домашний арест, находил духовную опору в проповедях гуру, с которым он имел честь быть знакомым. Хотя за него же, можно сказать, и пострадал: однажды публично подверг критике генерала Норьегу именно по воле Саи Бабы — такое задание ему передал прибывший из Индии верный человек. И Роберто Диас Эррера не мог не подчиниться.

И вот он в отставке, изучает в своем домашнем кабинете труды Саи Бабы и не ждет никаких гостей. Но неожиданно слуга доложил, что прибыл посланец из Индии, от самого гуру.

В кабинет вошел человек странной наружности, в котором можно было угадать и индийские, и индейские черты лица; возможно, он родился в смешанном браке. Гость был взволнован.

— Г-н полковник, гуру просил передать вам важную и срочную информацию. — Посланец вежливо покачал ладонью, отказываясь от предложенного бокала вина.

Полковник свой бокал пригубил.

— Эта информация настолько важна, что Учитель срочно прислал вас ко мне?

— Именно так, господин полковник. Это касается Москвы.

— Вот как? Слушаю.

— Гуру просил передать вам следующее. Ему было видение: в ближайшее время легкий самолет из Западной Германии нарушит советское воздушное пространство. Гуру предлагает вам каким-то образом сообщить об этом русскому руководителю — генеральному секретарю их правящей партии Михаилу Горбачёву.

Полковник был озадачен. У него не было никаких сомнений в правдивости этого предсказания, он верил в паранормальные способности боготворимого гуру.

— Почему Учитель просил вас известить об этом именно меня?

Гость ответил подчеркнуто уважительно:

— Он считает вас не только компетентным офицером, но и своим верным последователем, которому нужно доверять...

Распрошавшись с гостем, отставной офицер стал напряженно думать о том, как выполнить задание Саи Бабы. Немецкий самолет пересечет границу Советского Союза... Это что — начало новой войны?

Если бы он не был в опале и под домашним арестом, то мог бы, наверное, обратиться прямо в посольство СССР в Панаме. А в правительстве и аппарате президента Панамы его слушать не станут — Норьега никому не простит контактов с уволенным полковником, оскорбившим его... Тем не менее Эррера решился на телефонный звонок в Генштаб, старому и, как ему казалось, надежному другу и единомышленнику. Эррера попросил того заехать к нему ненадолго: есть важный и срочный разговор. Но вместо «надежного друга» к дому экс-полковника вскоре прибыл наряд полиции, и наручники, клацнув, сомкнулись на запястьях Эрреры. Он был арестован по доносу того, кому только что звонил.

В тюремной камере работало радио, и в один прекрасный день экс-полковник услышал, что восемнадцатилетний западногерманский пилот Матиас Руст приземлился на



Васильевском спуске, рядом с Красной площадью. Руст пересек советскую границу возле города Кохтла-Ярве и беспрепятственно долетел до Москвы, «передав привет» стражам советских рубежей аккуратно в День пограничника. Разгорелся невероятный скандал, полетели головы, погоны и карьеры, генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачёв был зол, как никогда.

Предсказание Саи Бабы, таким образом, сбылось. Неужели гуру был ясновидящим? Этим вопросом в свое время озадачились и в ЦРУ. Аналитиками управления в 1990-х годах был подготовлен шестнадцатистраничный доклад под названием «Изучение культурных тенденций: движение Саи Бабы в Индии». Там описание эпизода с предсказанием полета Руста есть, но никакого объяснения этому не дается. Впрочем, есть там и кое-что еще интересное...

Укус черного скорпиона

О Саи Бабе — смуглом, невысоком человеке, с большой копной жестких черных волос — стало известно в России в конце 1990-х годов. В умах большей части населения наступил мировоззренческий вакуум. Российское общество переживало шок за шоком, нужно было на что-то морально и психологически опереться, во что-то поверить.

Какая-то часть постсоветских людей — может быть, не очень большая, но активная и потому заметная — ударились мистику и пантеизм юго-востока. И Сатъя Саи Баба с его статусом «живого бога» оказался тут очень кстати.

Его имя при рождении — Сатъя Нараяна Раджу. Он родился в 1926 году в Путтапарти. В 14 лет он был ужален большим черным скорпионом и находился на грани смерти, а выздоровев, как утверждает, обнаружил в себе способности к целительству и предсказаниям. В 1940 году он оставил своих родителей и начал проповедовать. Много лет спустя Сатъя вернулся в свою деревню и основал в родных местах ашрам Прашанти Нилайям.

Через несколько лет это был уже не просто монастырь, а целый город, где появились не только святилища, но и пятиэтажные гостиницы для паломников, здание университета, музеи, суперсовременный планетарий, спортивный стадион, госпиталь и даже собственный аэропорт. Саи Баба создал громадную финансовую империю. Он помогал беднякам и больным в приютах и госпиталях. Его стали почитать как аватара божества в человеческом теле. Ну а кто еще может извлекать из воздуха конфеты, хлеб, рис, раздавать взявшуюся из ниоткуда пищу беднякам?.. Конечно, аватар.

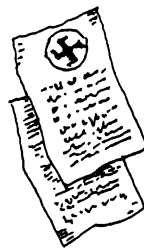
Его ашрамы сегодня действуют в 126 странах мира. Его лекции изданы на многих языках, в том числе на русском. К концу жизни его состояние, сосредоточенное в благотворительном фонде, оценивалось в 8,9 млрд долларов.

Когда в 2011 году он на 85-м году жизни скончался, на его похороны собралось почти полмиллиона человек. Но горевали не только в Индии — в то время число последователей Саи Бабы во всем мире достигало 6 (по другим данным — 10) миллионов человек. На траурной церемонии присутствовали премьер-министр Индии Манмохан Сингх и лидер партии Индийский национальный конгресс Соня Ганди.



Чудеса и серьезная аналитика

Документ ЦРУ готовился еще при жизни проповедника. Отложив в сторону скепсис, аналитики спецслужбы перечисляют сверхспособности Саи Бабы. Он читает мысли и материализует ювелирные изделия, еду (причем горячую!), живых животных, извлекает из воздуха «вибхути» (святой пепел), его фотографии мироточат «амритой». В докладе говорится:



...Группа западных парапсихологов наблюдала некоторые из этих событий в полевом исследовании. В то время как научная парадигма может отвергать возможность таких способностей, традиционные индусы принимают их как вполне правдоподобные.



Правда, после появившихся в 2000-х годах публикаций бывших последователей Саи Бабы, которые обвиняли своего духовного наставника в гомосексуальных и педофилических домогательствах, образ гуру поблек. Заслуженны эти обвинения или кто-то сознательно и целенаправленно подрывал его авторитет, пока трудно сказать определенно.

Что наша жизнь? Лила!

Согласно учению Саи Бабы, наш мир — это иллюзия, представляющая собой результат «божественной игры» (лилы). Можно в этой связи вспомнить культовый фильм «Матрица», который, по сути, основывается на этой идее. «Бог создал мир как игру (лила) для себя», — утверждал Саи Баба.

Суть своего учения (которую многие религиоведы считают эклектикой из элементов многих религий и верований) Саи Баба излагал в нескольких словах «Люби всех, служи всем; всегда помогай, никогда не обижай». Он утверждал, что главное, к чему должен стремиться человек, — это праведный образ жизни, основу которого составляют пять принципов: Истина, Праведность, Мир, Ненасилие и Любовь. Почитатели Саи Бабы внимали таким его словам: «Благодаря Любви человек постигает Истину, стремится к Праведности и Ненасилию, обретает Мир. Человек должен прийти от “я” и “мое” к “мы” и “наше”. Эгоизм влечет к мирским вещам и желаниям, но все это временно, поэтому человек не должен стремиться к ним. Будьте в этом мире, но не от мира сего».

Слова правильные, но, согласитесь, кто только их не проносил, кто только не призывал людей любить друг друга?.. Говорили многие, в разные времена и в разных странах, а тех, к кому прислушивались, не так уж и много. Народ внимал тем, кто обладал особым, иногда трудно объяснимым влиянием. Необходимость наличия харизматической фигуры в массовом движении отмечается и в докладе ЦРУ. И дальше говорится, что Саи Баба — именно таков:

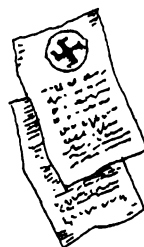
...Сатья Саи Баба создал массовое движение и многоуровневую организацию, чтобы выполнить то, что он называет своей миссией. Поскольку он утверждает, что Индия отказалась от своего культурного наследия, его первая цель — вызвать индийское духовное возрождение, восстановив традиционную ведическую культуру Индии. Он также утверждает, что в конечном итоге он будет править Землей в золотой век. Он говорит о том, что он и есть на самом деле тот, о втором пришествии которого говорит Библия. Хотя такие заявления могут показаться невероятными, большинство его адептов ему верят.



Доктрина Саи Бабы, как сказано в докладе, «имеет потенциальную широкую привлекательность в обществе, раздираемом насилием». И далее: «Поскольку учение Саи Бабы поддерживает концепцию гармоничной, многоконфессиональной и многоэтнической Индии, оно может уравновесить привлекательность индуистских шовинистов и этнических сепаратистских группировок».

Саи Баба зорко зрит

В отчете также говорится о влиянии Саи Бабы на «многих индийских лидеров», включая политиков. Так, например, премьер-министр Индии Нарасимха Рао присутствовал на праздновании дня рождения Саи Бабы в ноябре 1991 года. В том же году Нарасимха Рао заявил, что новая образовательная политика Индии будет основана на синтезе духовных и научных ценностей, созданных по образцу системы образования Саи Бабы.



Среди известных последователей Саи Бабы были вице-президенты Индии, губернаторы штатов, члены верховного и нижестоящих судов, главный маршал авиации, генералы армии, главы различных министерств, выдающиеся ученые, промышленники, академики, различные индуистские религиозные деятели и проч.



О степени влияния Саи Бабы на политиков в докладе ЦРУ говорится буквально следующее:

Саи Баба практически никогда не касается политических вопросов в своих беседах и публично презирает политику, поэтому маловероятно, что кто-либо из этих его поклонников когда-либо действовал по явным указаниям Саи Бабы. Но они, вероятно, руководствовались этическими принципами Саи Бабы, поскольку адепты считают, что Саи Баба всегда следит за ними.

Завершается документ следующим резюме:

Движение Саи Бабы, вероятно, в конечном итоге станет новой всемирной религией... Жизнеспособность новой религии зависит от, по-видимому, сейчас хорошего здоровья Саи Бабы, — ее харизматичного центра и живого источника, и от его сложившихся доверительных отношений с паствой. В долгосрочной перспективе его влияние должны будут продолжить его последователи, в распоряжении которых в информационный век появится хорошо документированное наследие его учения.

Способность движения быстро расширяться, по-видимому, не ограничивается только в чистом виде финансами, так как сама способность финансировать крупную больницу и аэропорт — это еще и впечатляющее проявление богатства. Источник денег не ясен. Богатым последователям разрешается, хотя и не поощряется, жертвовать деньги трасту Сатья Саи, управляемому Банком Индии, который финансирует проекты Саи Бабы.

Расширяющееся предоставление бесплатного образования, бесплатной медицинской помощи и волонтерского обслуживания последователями Саи Бабы будет и впредь способствовать благоприятному восприятию среди индийцев движения Саи Бабы, несмотря на споры о его чудесах и притязаниях на звание аватара. Поскольку движение продолжает расти, оно будет все сильнее влиять на индийских политиков. Поэтому, даже если Саи Баба сам не участвует в политике, его последователи, скорее всего, поддержат политических деятелей, которые выступают за

социальную гармонию и акцентируют внимание на облегчении социальных проблем...

В более долгосрочной перспективе, если образовательная система Саи Бабы воспитает достаточно большое количество лидеров, которые перейдут из начальных школ в систему университетов, в индийское правительство и бизнес, может образоваться группа преданных Саи Бабе людей на важных ключевых позициях. Тогда они смогут влиять на политику во многих сферах жизни общества.

С другой стороны, социальные проблемы Индии монументальны, и для их решения потребуются огромные усилия. Не ясно, привлечет ли движение критическую массу людей для преодоления укоренившихся предрассудков различных этнических и религиозных групп. Индусы обычно уничижительно относятся к любому гуру или секте, кроме своих собственных, и лидеры других неиндуистских религий обычно осуждают Саи Бабу. Например, некоторые христианские фундаменталисты утверждают, что способность Саи Бабы творить чудеса — это доказательство того, что он является антихристом, а идея аватара предается анафеме мусульманскими фундаменталистами. Также всегда существует вероятность того, что движение рухнет, если будет убедительно доказано, что Саи Баба — мошенник.

Сам факт обращения ЦРУ в 1990-х годах к личности Саи Бабы свидетельствует о том, что его в то время считали фигурой, которая может не просто влиять на текущую политику Индии, но в будущем серьезно изменить картину мира.

Но сегодня говорить о создании новой мировой религии не приходится. Да и было ли возможно это при жизни гуру? Движение Саи Бабы, как считают многие скептики, держалось на его почти гипнотическом личном обаянии и на грамотно выстроенных имидже и пиаре. Если прибавить к этому покровительство со стороны правительства Индии, — страны, в экономику и социальную жизнь которой неоиндуист вносил значительный вклад, — то станут понятны корни его успеха. Но...



Но как он смог предсказать появление немецкого самолета на Красной площади? Он что — проник в будущее? Или каким-то образом увидел его? Или получил о нем информацию из неведомого источника? Ведь и сама история СССР могла бы пойти по другому сценарию, если бы панамский полковник не загремел в тюремную камеру, а каким-то образом донес до Кремля важную информацию о грядущем инциденте на Большом Москворецком мосту. Или...

Или это все-таки красивый миф, созданный пиар-службой Саи Бабы и затем — простодушно?! — вставленный в аналитический доклад ЦРУ?

Содержание

Предисловие	5
Кто был «пастором Шлагом»?	7
«Заяц» и монсьенор	23
Шампанское для советских подпольщиков	31
Тройной агент Вильгельм Хёттль	40
Шпионаж под музыку	57
Проект «Континентального союза»	83
Золотые часы для далай-ламы	92
Монастырь — трамплин для перебежчика	101
«Двадцатый век Фокс»... благословляет	110
Омофор вместо портупей «Железной гвардии»	120
«Царевич Алексей» и план похищения кардинала	132
Укол в вену, укол в Вене	146
Бурные волны «Автономного плавания».	150
Тайны домового храма русской императорской семьи	161
Русская мечта хорватского иезуита	163
Архимандрит в египетском плену	172
Советские дипломаты и одиозный муфтий	186
Ватиканская миссия зятя Хрущева	194
Михаилу Горбачеву хотел помочь... «аватар»	206

Казачков А.

К14 Церковь и разведка. О чем рассказали рассекреченные документы / Алексей Казачков. — М. : Ломоносовъ. — 2019. — 224 с. — (История. География. Этнография).

ISBN 978-5-91678-548-7

Эта книга посвящена сложной и деликатной сфере — сотрудничеству разведки и священнослужителей различных конфессий. В ее основу легли документы ЦРУ, которое в 2016–2017 годах опубликовало почти 13 миллионов страниц рапортов, оперативных сводок, аналитических докладов и т. п. Автор также использовал рассекреченные материалы ФБР, Корпуса военной контрразведки армии США, Королевской тайной полиции Канады, Особого архива Литвы и румынской Секуритате. Большой интерес — особенно в условиях закрытости архивов российских спецслужб — представляют донесения советской разведки, перехваченные американцами в рамках проекта «Венона» в 1943–1980 годах, и так называемые Тетради Васильева — конспекты, сделанные в архивах КГБ и затем вывезенные на Запад. Можно утверждать без боязни ошибиться: читателя в этой увлекательной книге ждут неожиданные открытия.

Алексей Казачков — писатель, один из авторов ежемесячника «Совершенно секретно». В издательстве «Ломоносовъ» выходила его книга «Шпионаж под сенью муз».

УДК 533.401

ББК 63.3(0)6

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Алексей Казаков

Церковь и разведка

О чем рассказали рассекреченные документы



Редактор С. Лункин
Верстка А. Петровой
Корректор Н. Хромова

Подписано в печать 16.09.2019.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 14. Тираж 1000 экз. Заказ 7324.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300 Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru, E-mail: sales@chpk.ru, 8 (495) 988-63-87

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 1 Лев Минц. КОТЕЛОК дядюшки Ляо
- 2 Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ
- 3 Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»
- 4 Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
- 5 Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
- 6 Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
- 7 Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
- 8 Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
- 9 Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
- 10 Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
- 11 Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
- 12 Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
- 13 Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
- 14 Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ
ФРЭНСИС ДРЕЙК и УИЛЬЯМ ДАМПИР
- 15 Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
- 16 Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
- 17 Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
- 18 Виолет Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
- 19 Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
- 20 Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК
- 21 Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕНА ХЕДИНА
- 22 Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК у святынь ТИБЕТА
- 23 Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
- 24 Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ
- 25 Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ
- 26 Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ
- 27 Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ
и ПРОЧИЕ...
- 28 Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
- 29 Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ и РУСЬ
- 30 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ в ДРЕВНЕЙ РУСИ
и МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА
- 31 Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ
и ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ
- 32 Олег Ивик. ИСТОРИЯ и ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ

- 33 Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА
- 34 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ
- 35 Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА
- 36 Стефан Цвейг. ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА
- 37 Вашингтон Ирвинг. ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА
- 38 Владимир Новиков. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА
- 39 ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ
- 40 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ
ЖЕНЩИНЫ XVIII ВЕКА
- 41 Сергей Ольденбург. КОНФУЦИЙ. БУДДА ШАКЬЯМУНИ
- 42 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ
- 43 Генрих Бёмер. ИСТОРИЯ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ
- 44 Алексей Смирнов. СКИФЫ
- 45 Андрей Снесарев. НЕВЕРОЯТНАЯ ИНДИЯ: РЕЛИГИИ, КАСТЫ,
ОБЫЧАИ
- 46 Генри Чарлз Ли. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ
- 47 Олег Ивик, Владимир Ключников. ХАЗАРЫ
- 48 Вячеслав Шпаковский. ИСТОРИЯ РЫЦАРСКОГО ВООРУЖЕНИЯ
- 49 Лев Ельницкий. ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АНТИЧНОГО МИРА
- 50 Юрий Чернышов. ДРЕВНИЙ РИМ: МЕЧТА О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ
- 51 Виктор Бердинских. РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: БЫТ И НРАВЫ
- 52 Сергей Макеев. ДЕЛО О СИНЕЙ БОРОДЕ
- 53 Борис Романов. ЛЮДИ И НРАВЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
- 54 ПЕЧЕНЕГИ
- 55 Генрих Вильгельм Штоль. ДРЕВНИЙ РИМ В БИОГРАФИЯХ
- 56 Алексей Смирнов. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РУССКИЙ ЦАРЬ
КАРЛ ФИЛИПП, ИЛИ ШВЕДСКАЯ ИНТРИГА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
- 57 Александр Куланов. ОБНАЖЕННАЯ ЯПОНИЯ
- 58 Валерий Ярхо. ИЗ ВАРЯГ В ИНДИЮ
- 59 ИНСТИТУТЫ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ В МЕМУАРАХ ВОСПИТАНИЦ
- 60 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СЕКСА В МИФАХ
И ЛЕГЕНДАХ
- 61 Михаил Мочалов. ДРЕВНЯЯ АССИРИЯ
- 62 Константин Кудряшов. АЛЕКСАНДР I И ТАЙНА ФЕДОРА КОЗЬМИЧА
- 63 Виктор Калашников. РУССКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ
- 64 Рафаил Нудельман. ПРОГУЛКИ С БИБЛИЕЙ
- 65 Московия при Иване Грозном глазами иноземцев 66
Георгий Вернадский. РУССКОЕ МАСОНСТВО В ЦАРСТВОВАНИЕ
ЕКАТЕРИНЫ II
- 67 Олег Ивик, Владимир Ключников. СЮННУ, ПРЕДКИ ГУННОВ,
СОЗДАТЕЛИ ПЕРВОЙ СТЕПНОЙ ИМПЕРИИ
- 68 Константин Иванов. ТРУБАДУРЫ, ТРУВЕРЫ, МИННЕЗИНГЕРЫ
- 69 Галина Шебалдина. ЗАЛОЖНИКИ ПЕТРА I И КАРЛА XII

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 70 Тамерлан — покоритель Азии
- 71 Василий Смирнов. КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В XVIII ВЕКЕ
- 72 Яков Канторович. ПРОЦЕССЫ О КОЛДОВСТВЕ В ЕВРОПЕ И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
- 73 Татьяна Георгиева. РУССКАЯ ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА
- 74 Александр Васильев. ВИЗАНТИЯ И КРЕСТОНОСЦЫ. ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИИ
- 75 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТОЙ ЕДЫ
- 76 Геннадий Левицкий. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
- 77 Василий Веретенников. ИСТОРИЯ ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ
- 78 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА
- 79 Константин Иванов. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАМОК, ГОРОД, ДЕРЕВНЯ И ИХ ОБИТАТЕЛИ
- 80 Алексей Бокшанин, Олег Непомнин. ЛИКИ СРЕДИННОГО ЦАРСТВА
- 81 Петр Черкасов. КАРДИНАЛ РИШЕЛЬЕ
- 82 Василий Бартольд. ТЮРКИ
- 83 ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ
- 84 Ирина Опимах. ЖИВОПИСНЫЕ ИСТОРИИ
- 85 Владимир Печенкин. СОВЕТСКАЯ ВОДКА
- 86 Георгий Вернадский. КИЕВСКАЯ РУСЬ
- 87 Михаил Артамонов. КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ
- 88 Дмитрий Колосов. АРИИ
- 89 Леонид Васильев. КУЛЬТЫ, РЕЛИГИИ, ТРАДИЦИИ В КИТАЕ
- 90 Василий Болотов. ТРИ ПЕРВЫХ ВЕКА ХРИСТИАНСТВА
- 91 Витольд Новодворский. ИВАН ГРОЗНЫЙ И СТЕФАН БАТОРИЙ: СХВАТКА ЗА ЛИВониЮ
- 92 Вадим Эрлихман. АНГЛИЙСКИЕ КОРОЛИ
- 93 Валерий Ярхо. ИНОЗЕМЦЫ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ
- 94 Олег Ивик, Владимир Ключников. ГУННЫ
- 95 Геннадий Левицкий. ЖЕНЩИНЫ ДРЕВНЕГО РИМА
- 96 Исаак Фильштинский. АРАБЫ И ХАЛИФАТ
- 97 Алексей Шкваров. ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА
- 98 Илья Кораблев. ГАННИБАЛ
- 99 Дмитрий Боровков. ВЛАДИМИР МОНОМАХ, КНЯЗЬ-МИФОТВОРЕЦ
- 100 Петр Черкасов. ШПИОНСКИЕ И ИНЫЕ ИСТОРИИ ИЗ АРХИВОВ РОССИИ И ФРАНЦИИ
- 101 Владимир Горончаровский. РИМСКИЕ ГЛАДИАТОРЫ: ЖИЗНЬ НА ГРАНИ СМЕРТИ

- 102 Виктор Бердинских. ТАЙНЫ РУССКОЙ ДУШИ
- 103 Ауртни Бергманн. ТОРВАЛЬД СТРАННИК
- 104 Геннадий Коваленко. ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
в ИНОСТРАННЫХ СОЧИНЕНИЯХ
- 105 Людмила Ивонина. ДРАМА ДИНАСТИИ СТЮАРТОВ
- 106 Игорь Тантлевский. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ИЗРАИЛЯ и ИУДЕИ
- 107 Станислав Чернявский. АНТИОХ ВЕЛИКИЙ, «царь Азии»
- 108 Георгий Вернадский. ЗВЕНЬЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
- 109 Владимир Соколов. ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ. ОТ ГОНЕНИЙ к ТРИУМФУ
- 110 Антон Горский. СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ
- 111 Вера Курская. ИСТОРИЯ ЛОШАДИ в ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
- 112 Антон Горский. МОСКВА и ОРДА
- 113 Александр Васильев. ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ от ОСНОВАНИЯ
КОНСТАНТИНОПОЛЯ до ЭПОХИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ.
324—1081 годы
- 114 Дмитрий Занков. РУСЬ за ТРАПЕЗОЙ
- 115 Людмила Морозова. Андрей Дёмкин. РУССКИЕ ЦАРИЦЫ
и ЦАРЕВНЫ XVII ВЕКА
- 116 Виктор Бердинских. РУССКИЕ у СЕБЯ ДОМА
- 117 Михаил Мочалов, Дмитрий Полежаев. ДЕРЖАВА САСАНИДОВ.
224—652 годы
- 118 Станислав Чернявский. МИТРИДАТ ВЕЛИКИЙ,
«ПОСЛЕДНИЙ ЭЛИН»
- 119 МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО XV—XVII ВЕКОВ
по СКАЗАНИЯМ СОВРЕМЕННИКОВ-ИНОСТРАНЦЕВ
- 120 Владимир Соколов. ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ.
НА ПУТИ к РАСКОЛУ
- 121 Елена Смилянская. ВОЛШЕБНИКИ, БОГОХУЛЬНИКИ, ЕРЕТИКИ
в СЕТЯХ РОССИЙСКОГО СЫСКА XVIII ВЕКА
- 122 Варвара Пономарева, Любовь Хорошилова.
МИР РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ: СЕМЬЯ, ПРОФЕССИЯ,
ДОМАШНИЙ УКЛАД. XVIII — начало XX ВЕКА
- 123 Андрей Дёмкин. ЛЕЙБ-КОМПАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
- 124 Лариса Печатнова. ДРЕВНЯЯ СПАРТА и ЕЕ ГЕРОИ
- 125 Татьяна Лабутина. МИР АНГЛИЙСКОЙ ЛЕДИ. ВОСПИТАНИЕ,
ОБРАЗОВАНИЕ, СЕМЬЯ. XVII — начало XVIII ВЕКА
- 126 Георгий Вернадский. РУССКИЕ ЗЕМЛИ в СРЕДНИЕ ВЕКА
- 127 Нонна Марченко. БЫТ и НРАВЫ пушкинской эпохи
- 128 Наталья Петрова. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ШКОЛЫ
- 129 Дмитрий Расовский. Половцы, торки, печенеги,
БЕРЕНДЕИ

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 130 Олег Ивик. Троя. Пять тысяч лет реальности и мифа
- 131 Юрий Селезнёв. РУССКИЕ КНЯЗЬЯ ПРИ ДВОРЕ ХАНОВ
Золотой Орды
- 132 Владимир Безгин. ПОВСЕДНЕВНЫЙ МИР РУССКОЙ КРЕСТЬЯНКИ
периода поздней империи
- 133 Светлана Плетнева. КОЧЕВНИКИ РУССКИХ СТЕПЕЙ
IV—XIII ВЕК
- 134 Андрей Дёмкин. ИСТОРИИ РУССКИХ ФРЕЙЛИН
- 135 Ирина Опимах. ХУДОЖНИЦЫ, МУЗЫ, МЕЦЕНАТКИ
- 136 Анатолий Новосельцев. ХАЗАРСКИЙ КАГНАТ
- 137 Георгий Вернадский. МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО
- 138 Эрнест Альфред Уоллис Бадж. РЕЛИГИЯ И МАГИЯ
Древнего Египта
- 139 Георгий Федотов. СВЯТЫЕ Древней Руси
- 140 Владислав Смирнов. ОБРАЗЫ Франции. ИСТОРИЯ, ЛЮДИ,
ТРАДИЦИИ
- 141 Мария Сергеевко. ПОМПЕИ
- 142 Ольга Добиаш-Рождественская. ЭПОХА КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ
И ЕЕ ГЕРОИ
- 143 Нина Пигулевская. КУЛЬТУРА СИРИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА
- 144 Илья Шифман. НАБАТЕЙСКОЕ ЦАРСТВО
- 145 Владимир Печенкин. ИСТОРИЧЕСКИЕ КАМНИ.
Мифы и реальность
- 146 Георгий Вернадский. Древняя Русь
- 147 Юрий Виноградов, Владимир Горончаровский. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ
БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА
- 148 Самуил Лозинский. ИСТОРИЯ испанской инквизиции
- 149 Петр Черкасов. ПРАВИТЕЛИ Франции XVII—XVIII ВЕКА
- 150 Андрей Дёмкин. ИСТОРИЯ ЦАРСКОЙ НЕМИЛОСТИ
- 151 Евгений Тарле. ИСТОРИЯ Италии в Средние века
- 152 Варвара Пономарева, Любовь Хорошилова. РУССКАЯ ЖЕНЩИНА:
ВОСПИТАНИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ, СУДЬБА. XVIII —
НАЧАЛО XX ВЕКА
- 153 Илья Шифман. Мир Ветхого Завета
- 154 Олег Ивик. Мифы Древней Греции. Боги
- 155 Марк Котлярский, Петр Люкимсон. От предписаний Талмуда
до половых заповедей пролетариата
- 156 Быт и нравы царственных особ глазами Фрейлин

- 157 Сергей Васильевич. КНЯЖЕСКИЕ, ГРАФСКИЕ И БАРОНСКИЕ РОДЫ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК
- 158 Виктор Бердинских. РУССКИЙ НЕМЕЦ. РОМАН О ВРЕМЕНИ
- 159 Владимир Волков. ИВАН III. НЕПОБЕДИМЫЙ ГОСУДАРЬ
- 160 Ирина Опимах. БИОГРАФИЯ ШЕДЕВРА
- 161 Антон Горский. ТОГДА ВСТУПИ КНЯЗЬ В ЗЛАТОЕ СТРЕМЯ...
ЛИЧНОСТИ И ТЕКСТЫ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
- 162 Татьяна Георгиева. РУССКАЯ ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА XVIII ВЕКА
- 163 Евгений Беляев. АРАБСКИЙ ХАЛИФАТ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
- 164 Вера Бокова. ДЕТСТВО В ЦАРСКОМ ДОМЕ.
КАК РАСТИЛИ НАСЛЕДНИКОВ РУССКОГО ПРЕСТОЛА
- 165 Михаил Рабинович. РУССКИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД.
ДОМАШНИЙ БЫТ, ЗАНЯТИЯ, ОБЫЧАИ ГОРОЖАН
- 166 Владислав Даркевич. ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ РАЗВЛЕЧЕНИЙ.
ОТ КУРТУАЗНЫХ УВЕСЕЛЕНИЙ ДО КАРНАВАЛОВ И ПРАЗДНИКОВ
ДУРАКОВ. IX — XVI ВЕКА
- 167 Павел Ковалевский. От Ивана Грозного до Павла I.
РУССКИЕ ЦАРИ ГЛАЗАМИ ПСИХИАТРА
- 168 Петр Черкасов. ПРАВИТЕЛИ ФРАНЦИИ. XIX ВЕК
- 169 Людмила Ивонина. ГЕРЦОГ МАЛЬБОРО.
ЧЕЛОВЕК, ПОЛКОВОДЕЦ, ПОЛИТИК
- 170 Леонид Васильев. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ВОСТОК
- 171 Быт домонгольской Руси
- 172 Владимир Соколов. ЛЬВЫ И РОЗЫ ИСЛАМА
- 173 ЦАРЬ, ЧЕСТНЫЙ ВО ВСЕМ — В МАЛОМ И БОЛЬШОМ...
АЛЕКСАНДР III В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ СОВРЕМЕННОКОВ
- 174 Наталия Московских. ИНКВИЗИЦИЯ И ИНКВИЗИТОРЫ
ВО ФРАНЦИИ
- 175 Алексей Казаков. ШПИОНАЖ ПОД СЕНЬЮ МУЗ
- 176 Андрей Демкин. РУССКИЕ ДЕЛОВЫЕ ЛЮДИ XVIII СТОЛЕТИЯ
- 177 Владимир Новиков. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РУССКИМ ЛИТЕРАТУРНЫМ
УСАДЬБАМ
- 178 Древнерусские княжества. X — XIII века
- 179 Юрий Звягин. ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ ВРЕМЕН
КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА
- 180 Петр Образцов. ПРИЧУДЫ ГЕОГРАФИИ. УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ
О СТРАНАХ САМЫХ РАЗНЫХ
- 181 Нельсон Кэрел Дибвойз. ПАРФЯНСКОЕ ЦАРСТВО
- 182 КАДЕТЫ, ГАРДЕМАРИНЫ, ЮНКЕРА.
МЕМУАРЫ ВОСПИТАННИКОВ ВОЕННЫХ УЧИЛИЩ XIX ВЕКА
- 183 Степан Веселовский. РОД И ПРЕДКИ А. С. ПУШКИНА.
XIII — XVII ВЕКА
- 184 Древние цивилизации Востока

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru



цена книги
в издательстве

Алексей
Казаков
Церковь
и разведка

Эта книга посвящена сложной и деликатной сфере — сотрудничеству разведки и священнослужителей различных конфессий. В ее основу легли документы ЦРУ, которое в 2016–2017 годах опубликовало почти 13 миллионов страниц рапортов, оперативных сводок, аналитических докладов и т. п. Автор также использовал рассекреченные материалы ФБР, Корпуса военной контрразведки армии США, Королевской тайной полиции Канады, Особого архива Литвы и румынской Секуритате. Большой интерес — особенно в условиях закрытости архивов российских спецслужб — представляют донесения советской разведки, перехваченные американцами в рамках проекта «Венона» в 1943–1980 годах, и так называемые Тетради Васильева — конспекты, сделанные в архивах КГБ и затем вывезенные на Запад. Можно утверждать без боязни ошибиться: читателя в этой увлекательной книге ждут неожиданные открытия.

Алексей Казаков — писатель, один из авторов ежемесячника «Совершенно секретно». В издательстве «Ломоносовъ» выходила его книга «Шпионаж под сенью муз».

ISBN 978-5-91678-548-7



9 785916 785487